

МАЙКЛ ПАЙМЕР

МИЛОСЕРДНЫЕ
СЕСТРЫ

Annotation

В Бостонской больнице после успешно проведенных операций неожиданно и без видимых причин умирают пациенты. Объединившиеся в Союз ради жизни медсестры поклялись прекращать бессмысленные страдания больных...

- [Майкл Палмер](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
- [notes](#)

o 1

Майкл Палмер

Милосердные сестры

Посвящаю с любовью моим сыновьям, Мэтью и Дэниэлю, и моим родителям.

Пролог

– Все хорошо, мама, все хорошо... я здесь...

Тонкие пальцы тянутся к больничной накрахмаленной простыне. Медленно они касаются белой отекавшей руки, стянутой лейкопластырем и кожаным ремнем.

Больная, чьи руки и ноги скованы подобным образом, лежит и, не мигая, смотрит на потолок с обсыпавшейся штукатуркой. Ритмичное опускание и поднятие простыни у груди, движение языка, облизывающего пересохшие губы – единственные признаки жизни, теплящейся в ней. Беспорядочно разметавшиеся черные волосы с обильной сединой обрамляют лицо больной, которое, видимо, когда-то было прекрасным.

Теперь же кожа плотно обтянула ее кости, и темные круги боли затеяют ее глаза. И хотя женщине можно легко дать лет шестьдесят пять, на самом деле она только пять месяцев назад справила свое сорокапятилетие – и именно в этот день был поставлен диагноз ее неизлечимой болезни.

Возле ее кровати с медными украшениями сидит юная девушка, сжимая пальцы и отвернув лицо, по которому катятся слезы. На ней тяжелое темно-синее пальто и зимние сапоги, с которых стекает тающий снег, образуя на линолеуме пола небольшую лужу.

Прошло пять беззвучных минут; в напряженной тишине настолько тихо, что слышно, как в других палатах кашляют и ворочаются больные. Наконец девушка снимает пальто, подвигает стул поближе к изголовью кровати и снова говорит:

– Мама, ты меня слышишь? Тебе по-прежнему так же больно? Мама, ответь, пожалуйста. Скажи, чем я могу тебе помочь?

Прошла целая минута, прежде чем женщина ответила. Ее голос, мягкий и хриплый, заполняет комнату:

– Убей меня! Ради Бога, пожалуйста, убей меня!

– Мама! Прекрати! Ты не понимаешь, что говоришь. Я позову сестру. Она даст тебе что-нибудь.

– Нет, дочка. Это не поможет. Лекарства мне дают, но боль вот уже много дней не проходит. Ты можешь мне помочь. Ты должна мне

помочь.

Пятнадцатилетняя девушка, впервые испытывающая столь сильное потрясение, в испуге посмотрела на капельницу, из которой прозрачная жидкость сочилась в руку матери. Она встала и сделала несколько нерешительных шагов к двери, но возобновившиеся стенания женщины заставили ее остановиться.

Поспешно она вернулась назад и встала в двух шагах от кровати. Из коридора донесся чей-то стон агонии. За ним второй. Девушка закрыла глаза и стиснула зубы, стараясь подавить в себе растущую ненависть к этому месту.

– Пожалуйста, подойди, – прозвучал умоляющий голос матери. – Помоги избавиться от этой боли. Только ты можешь сделать это. Подушкой, дитя мое. Просто положи ее на лицо и крепко нажми. Все произойдет очень быстро.

– Мама, я...

– Прощу тебя! Я люблю тебя. Если ты меня тоже любишь, ты не допустишь, чтобы я так страдала. Все говорят, что я безнадежна... Не допускай новых страданий твоей мамы...

– Я... я люблю тебя, мама. Я люблю тебя.

Повторяя шепотом эти слова, девушка осторожно приподняла голову матери и вытащила из-под нее тонкую жесткую подушку.

– Я люблю тебя, мама, – продолжала твердить, она, кладя на худое, измученное страданиями лицо подушку и со всей силой надавливая на нее. Она заставила себя вспомнить те счастливые дни, от которых веяло таким теплом... долгие прогулки весной... как они вместе готовили пироги... дымящиеся чашки с горячим шоколадом в зимние вечера...

Тело девушки было худым и легким; в нем еще только угадывались первые признаки женщины. Пытаясь усилить давление, она вцепилась в края наволочки и уперлась в подушку коленями, навалившись на нее всей тяжестью своего тела... как их трясло по дороге к озеру... пикники у самого края воды... гонки на плотках...

Движение под простыней слабело с каждой секундой и, наконец, замерло.

Рыдания девушки слились с шумом дождя, барабанищего в окно; она осталась лежать на кровати, не заметив вырванного клочка наволочки, зажатого в ее руке.

Спустя полчаса она поднялась, положила подушку на место и поцеловала в губы мертвую мать. Затем повернулась и решительно направилась по коридору больницы навстречу промозглому зимнему вечеру.

Было семнадцатое февраля. Шел 1932 год.

Глава I

БОСТОН

1 октября

Утреннее солнце ворвалось в комнату прежде, чем из радиочасов раздались первые аккорды. Дэвид Шелтон, не открывая глаз, несколько секунд слушал, потом сказал себе, что это, должно быть, Вивальди и его "Времена года", скорее всего – концерт "Лето". Много лет подряд каждое утро он играл в эту игру. Однако дни, когда ему удавалось правильно угадать музыкальное произведение, выпадали не так уж часто, чтобы ими можно было скромно погордиться.

Спокойный мужской голос, подобранный на радиостанции под стать раннему утру, сообщил, что исполнялась симфония Гайдна. Дэвид улыбнулся, поздравив себя. Правильно угадан континент, даже век.

Он повернул голову к окну и чуть-чуть разомкнул веки, готовясь к следующей игре на отгадывание по заведенному им сценарию. Сквозь полуприкрытые веки проникал радужный свет.

– Никаких шансов, – произнес он, жмуря глаза так, чтобы солнечные блики заиграли и заискрились.

– Что ты сказал? – сонно спросила женщина, всем телом прижимаясь к нему.

– Прекрасный осенний день. Пятьдесят, нет, пятьдесят пять градусов тепла по Фаренгейту. Ни облачка.

Дэвид открыл глаза, убедился в правоте своего предсказания и, перекатившись на другой бок, просунул руку под гладкую спину женщины.

– Со счастливым октябрем, – сказал он, целуя ее в лоб и одновременно глядя другой рукой ее шею и грудь.

Дэвид смотрел на лицо просыпающейся подруги, не переставая восхищаться ее безукоризненной красотой. Черные, как смоль, волосы. Острые скулы. Полный чувственный рот. Лорен Николс по всем стандартам была сногшибательной женщиной. Даже в шесть часов утра. На мгновение в его воображении мелькнуло другое женское лицо. Джинни тоже всегда выглядела по-своему прекрасной по утрам.

Образ ее, однако, улетучился, когда его пальцы коснулись упругого живота Лорен и принялись мягко массировать небольшой бугорок под волосами.

– Повернись, Дэвид, я займусь твоей спиной, – произнесла Лорен, резко приподнимаясь.

Разочарование отразилось на его лице, но оно мгновенно сменилось широкой улыбкой.

– Желание леди – закон, – пропел он, снова переворачиваясь и поудобнее укладывая подушку под голову. – Ночь прошла просто чудесно, – добавил он, чувствуя, как начинают расслабляться мускулы шеи под ее пальцами. – Знаешь, Николс, ты нечто!

Так, чтобы Дэвид не заметил, Лорен улыбнулась улыбкой взрослого человека, пытающегося разделить молодой энтузиазм подростка.

– Дэвид, – сказала она, усиливая давление пальцев. – Ты не считаешь, что тебе нужно подстричься, а то на следующей неделе Артистическое общество устраивает обед с танцами.

Он резко перевернулся на спину, уставившись на нее со смешанным чувством смущения и тревоги.

– Какое отношение мои волосы имеют к нашим занятиям любовью?

– Дорогой, извини, – горячо произнесла она. – Пожалуйста. У меня голова идет кругом от массы дел, которые нужно сегодня переделать. Мне тоже было очень приятно. Честно.

– Очень приятно. В самом деле? – спросил Дэвид, снова начиная испытывать восторг.

– Ты все, еще чертовски зажат, доктор, но с каждым разом напряжение спадает. Прошлая ночь определенно была самой лучшей.

Самой лучшей. Дэвид наклонил голову, размышляя над ее словами. Прогресс налицо, но до совершенства еще далеко. Большого он не вправе требовать, решил он. И, конечно, за те шесть месяцев, что они знакомы, прогресс налицо.

Их совместная жизнь напоминала аттракцион "русские горки" – и совершенно не походила на спокойные, размеренные годы с Джинни. Вместе с тем их разногласия не были непреодолимыми – ее рассудочные друзья, его цинизм, различные требования их карьеры. По мере того, как возникал и проходил очередной кризис их романа,

Дэвид ощущал, что отношения между ними становятся все крепче и крепче. И хотя кое от чего ему хотелось бы избавиться, он все же благодарил судьбу за то, что снова почувствовал вкус к жизни.

Именно этот вкус к жизни, знал Дэвид, пропал у него восемь лет назад в истошных криках, разбитом стекле и скрежете искореженного металла...

Сообразив, что Лорен сказала все, что собиралась сказать по поводу их физической близости, Дэвид опять перевернулся на живот. Ее пальцы заскользили по мышцам спины Дэвида. Может быть, ты наконец-то готов, подумал он. Может быть, наступило время. Но ради Бога, Шелтон, не торопись. Не отталкивай ее, а постарайся подойти к этому делу деликатно. Под впечатлением этих чувств одолевавшие его опасения постепенно начали рассеиваться.

– Послушай, – немного помолчав, продолжал он, – из всех пари, что я заключал с самим собой, ты самое проигрышное.

– Вот как?

– Я поспорил сам с собой на большую порцию пиццы у Луиджи, в которой есть все, кроме анчоусов, что через неделю нам не о чем будет говорить.

– Дэвид!

– Я просто не знал, о чем простой, ни на что особенно не претендующий хирург, может беседовать с шикарным репортером из элитной газеты. Вот и все.

– А теперь знаешь? Да?

– Мне только известно, что мое тело настолько возбудило тебя, что ты не можешь подавить в себе искушение попытаться выступить в роли Хенри Хиггинса и исследовать меня всего.

Он засмеялся и по-медвежьи обнял ее. После такого маневра они обычно затевали отчаянную возню в кровати. Но когда Лорен не проявила желания поддержать его, он отпустил ее и, положив руки под голову, спросил:

– Что-нибудь случилось?

– Дэвид, ночью ты кричал во сне. Снова кошмары?

– Я... думаю, что да, – неопределенно ответил Дэвид, ощупывая челюсть. Только после этого он почувствовал, что она побаливает. – Мои скулы ноют, а это значит, что я спал, стиснув зубы.

– Ты помнишь, что было на этот раз?

– То же, что и раньше, я так думаю. Лишь более размыто, чем прежде. Тем не менее, они случаются не так уж часто.

– То есть?

Дэвид уловил в ее голосе тревогу и по выражению лица догадался, что ее беспокоит что-то еще. Он отвернулся и тихо проговорил:

– Дорога. Это была дорога...

Эти слова, произнесенные пониженным тоном, приобретают странный оттенок отрешенности, растворяясь в воспоминаниях о пережитом кошмаре.

– Сперва я вижу только одно ветровое стекло... "дворники" безумно мечутся из стороны в сторону... быстрее и быстрее, пытаюсь справиться с дождем... Разделительная полоса так и норовит спрятаться под машину. Машина с трудом слушается. На миг мелькает лицо Джинни... и Бекки тоже... они спят... так мирно...

Дэвид закрыл глаза и умолк, но страшная картина возникла в воображении. Из темноты, сквозь непрекращающийся дождь, возникают две передние фары, которые мчатся прямо на него, они разделяются и проносятся мимо по бокам машины. И так раз за разом. Затем над огнями он видит лицо. Безумное пьяное лицо, перекошенное и горящее, с глазами, в которых играют языки пламени. Его руки сложены в молитве; он молится, чтобы приближающиеся огни, подобно другим, раздвоились, но он знает, что этого не будет. Никогда. В следующее мгновение он слышит визг тормозов. Он видит открытые и расширенные от ужаса глаза Джинни. Раздается вопль. Ее? Его? Он так никогда не сможет определить, кому он принадлежал...

– Дэвид?

Голос Лорен прервал его крик. Он вздрогнул и повернулся к ней. Его лоб покрылся испариной, а руки дрожат. Он сделал глубокий вдох и медленный выдох. Нервная дрожь понемногу прошла.

– Кажется, я на секунду отключился, а? – спросил он и робко улыбнулся.

– Дэвид, ты в последнее время обращался к доктору? Может, тебе лучше сходить к нему? – сказала Лорен.

– К старому Бринкеру? Он опустошил не только мой мозг, но и карман... А так три месяца назад заявил, что я в полном порядке. О чем

ты беспокоишься? Это всего лишь ночной кошмар. Бринкер сказал, что они обычны в таких ситуациях, как моя.

– Я беспокоюсь, вот и все.

– Лорен Николс, ты боишься, что в самый разгар банкета Артистического общества со мной случится припадок и тебя навсегда выгонят оттуда!

Лорен засмеялась деланным смехом. Отдав должное его чувству юмора, она продолжала с прежней настойчивостью:

– Дэвид, ты вообще что-нибудь воспринимаешь серьезно? Всего лишь одной фразой высмеял и мою заботу о твоём здоровье, и мое активное сотрудничество в обществе. Что с тобой?

Дэвид хотел было извиниться, но слова застряли в горле. По ее глазам он догадался, что в этот самый момент на карту поставлено очень многое. Здесь нужно что-то другое, а не простое "Извини". На миг их глаза встретились.

Немного помолчав, он пожал плечами:

– Выходит, я принялся за старое, да? За легкомыслием стараюсь скрыть реальные трудности. Я отдаю себе отчет в том, как поступаю, хотя это, конечно, не оправдание. Послушай, Лорен, я сказал это не со зла. Правда, поверь. Кошмары не отпускают меня. С ними трудно справиться, понимаешь?

– Ты не ответил на мой вопрос, Дэвид, – сказала Лорен, никак не желая успокоиться. – Есть в конце концов что-то достаточно важное для тебя, над чем ты бы не смеялся?

– По правде говоря, для меня важны многие вещи, – ответил он. – Черт побери, ты могла бы давно понять это.

– Но ведь только ты сам можешь об этом знать наверняка, не так ли?

– Черт возьми, Лорен, я доктор... хирург... и, к твоему сведению, хороший. Много для меня имеет значение. Конечно, я переживаю. Я переживаю за людей, которые испытывают страдания... поверь, им достается. Мой мир полон физических мучений и болезней, и в нем нет легких решений, ведущих к победе. Тот день, когда я утрачу способность смеяться, окажется днем, когда мне не под силу будет справиться с проблемами.

Он заставил себя замолчать, поняв, что раздул сверх меры утреннюю перепалку.

– Пойду приму душ, – медленно проговорила Лорен, вставая и надевая голубой велюровый халат.

– Составить компанию?

– Сейчас мне нужно побольше места и горячей пенистой воды. Отправляйся готовить завтрак. Я хорошенько отмоюсь и начнем день заново за чашкой кофе.

Дэвид сел, уставившись в окно, за которым искрилось новое утро. День, который должен стать для него одним из самых важных за последние годы, начался не так, как он планировал. Ведь он хотел сообщить Лорен о том, какие события происходят в его больнице. События, которые могли бы положить конец его разочарованию и неверию в себя и облегчить ему жизнь. Он также хотел вторично просить ее переехать жить к нему, и рассчитывал на этот раз получить согласие.

– Успокойся, Шелтон, и будь, что будет, – сказал он, сжимая кулаки и медленно их разжимая. – В конце концов все образуется. Ничто... никто больше тебе не сможет осложнить жизнь, кроме тебя самого.

Он вынул из ящика гардероба поношенный зеленый хирургический халат, надел его и подошел к окну. Четырьмя этажами ниже первые ранние прохожие пересекали Коммонуэлс-авеню, укутанную предрассветным туманом. Кто-то из них, наверное, разделяет то же чувство, что и он. Предвкушение важного начинания. При этой мысли у него на лице появилась мечтательная улыбка. Сколько раз ему приходилось испытывать это чувство?.. Средняя школа, колледж, медицинский институт... Джинни, Бекки... Сколько было таких начинаний. Столь же многообещающих, как это?.. Дэвид вздохнул. Явится ли это утро новой страницей, новой главой или, возможно, даже новой книгой в его жизни? Что бы там ни было, он готов: Из всех многообещающих начинаний после того несчастного случая и кошмаров, преследовавших его после гибели жены и дочери, это – он впервые был уверен, – должно принести ему удачу.

Квартира, где он жил, создавала иллюзию простора благодаря высоким окнам и таким же высоким потолкам, которые имели многие высотные дома в районе Бэк Бей. Длинный узкий коридор соединял спальную комнату с жилой, забитой почти антикварной мебелью, столовой и крошечной кухней, выходявшей в узкий проход между

соседними зданиями. В середине холла были две двери; одна вела в ванную, другая была парадной.

Фальшиво насвистывая симфонию Гайдна, Дэвид медленно направился на кухню. Обычно перед едой он занимался гимнастикой и бегом, но в это утро решил сделать исключение. Дэвид был мускулистым мужчиной с широкими плечами и сильными руками и на вид весил больше 175 фунтов. Серые пряди посеребрили его черные густые волосы. В зависимости от освещения его большие живые глаза бывали то ярко-голубыми, то бледно-зелеными. Мелкие морщинки избороздили его лоб и залегли у переносицы.

Он остановился в центре кухни, потирая руки с видом дилетанта, отважно притворяющегося профессионалом. – Итак, займемся приготовлением завтрака. – Дэвид распахнул холодильник. – Выбор... У нас богатый выбор, не так ли? – Его голос гулким эхом отозвался среди почти пустых полок.

Однажды, безнадежно загубив два бифштекса, он заявил Лорен:

– Пожалуй, я напишу кулинарную книгу для одинокого мужчины и назову ее: "Как не надо готовить".

Выбор провизии оказался нетрудным делом. – Так, посмотрим. Можно использовать томатный сок и... Английская булочка выглядит привлекательно, не правда ли? И пяток яиц. Их необходимо разбить, так?

Лорен впорхнула в закуток, где они обычно ели, в тот момент, когда он ставил на стол приготовленную яичницу.

– Сработано отлично, – заметила она, обозревая завтрак. – Из тебя получилась бы хорошая хозяйка.

Несколько прядей блестящих волос выбились из-под полотенца, которым – она обернула голову. Ее улыбка говорила о том, что она, как и прежде, готова по-новому начать день.

– Итак, – медленно спросил Дэвид, – каковы твои планы на сегодня? – Он был рад тому, что подавил в себе импульс выпалить хорошие новости. Он скажет о них небрежно, точно так, как Лорен сама не раз сообщала ему о завтраке в Белом доме или задании по освещению кампании важного сенатора, которое ей удалось пробить.

– Дэвид, ты хочешь что-то мне сказать?

– Не понял, – с трудом изображая безразличие, ответил он.

– Девушка, с которой я жила в одной комнате, когда училась в колледже, – улыбнулась Лорен, – однажды решила устроить мне сюрприз. Так вот, перед тем, как на меня набросилась группа орущих и визжащих студенток, у нее было точно такое же выражение лица.

– Ну что же, – продолжал он тем же тоном, пародируя самого себя, – кое-какие радостные известия имеются. Доктор Уоллас Хатнер, – да, именно тот, – завтра уезжает на несколько дней.

– И?

– И... вчера вечером он попросил меня совершить вместе с ним обход и принять его пациентов.

– О, Дэвид, как замечательно! – воскликнула Лорен. – Уоллас Хатнер! Это впечатляет. Самый знаменитый хирург Бостона со времен Артура Фидлера.

– ... и достаточно проницательный, чтобы распознать истинный талант, когда сталкивается с ним. Так вот, я буду подменять его в течение трех дней, пока он не вернется с конференции в Кейпе.

– А ты сидишь и пытаешься сделать вид, что тебе это безразлично! Ты забавный тип, Дэвид.

Яичница, по правде говоря, не очень уж привлекательная, так и осталась лежать нетронутой на тарелке Лорен под градом вопросов, которые она обрушила на Дэвида.

– Хатнера всюду нахваливал "Тайм". Тебе это известно? – в заключение заметила она.

– На его счету операции шейхов и премьер-министров. В принципе он такой же обычный человек, как мы с тобой, и не надевает халат шиворот-навыворот.

– Будь же хоть раз серьезен, прошу тебя. Ты будешь получать больше?

Глаза Дэвида сузились. Несколько секунд он пристально смотрел на нее, стараясь угадать, что скрывается за этим небрежным вопросом. Хотя вопрос о его зарплате хирурга ставился не часто, жаркие споры по этому поводу возникали периодически. Лорен, видимо, не хотела или не могла принять непостоянные экономические реальности их медицинской профессии, которые зависели от других докторов, в особенности в таком большом городе, как Бостон, где полно врачей.

Даже после двух лет работы в бостонской больнице он ощущал прохладное отношение к себе со стороны многих коллег. Плохие вести

распространяются быстро и держатся долго. "Шелтон? О, да, пожалуй, я мог бы направить эту женщину к нему... это не самый трудный случай, хотя, откровенно говоря, я не уверен, что он с ним справится... Я хочу сказать, что после смерти жены и ребенка он уже не тот... Нет, правда, я готов от всей души помочь ему... Но что подумает обо *мне* мой пациент, если я направлю его к хирургу, который давно сдал?"

Такое нелегко вынести. Впрочем, он никогда не предполагал, что будет легко. То, что Лорен беспокоится о его финансовом положении, понятно, хотя несколько обескураживает. Потребуется время, пытался он объяснить. Просто нужно немного подождать.

По выражению ее лица невозможно было догадаться, о чем она думает. Тем не менее Дэвид осторожно ответил:

– Видишь ли, Хатнер – начальник отделения. Это означает расширение контактов с докторами, которые направляют пациентов к хирургам.

"Любой контакт с ними не помешает", – с сожалением подумал Дэвид. Он продолжал заходить в хирургическую так редко, что сестры при его появлении оставались стоять на своих местах, ожидая другого врача.

– Он собирается взять тебя к себе?

– Лорен, он меня едва знает! Он просто увидел шанс бросить кусок хлеба тому, кто в нем нуждается. Вот и все.

– Ну что же, мистер Айсберг, – улыбнулась она, – вы вправе поступать так, как считаете нужным. Но мне любопытно, равно как и вам... Когда ты собираешься подменить его?

– В шесть встречаемся в больнице. К восьми или девяти должны закончить... Господи, совсем забыл! Вечером или завтра утром мы приглашены на обед к Розетти. Я обещал, что...

– Я не смогу, – встала Лорен. – У меня полно работы.

– Они не нравятся тебе, признайся?

– Дэвид, прошу тебя, мы уже говорили об этом. Я считаю Розетти очень милыми людьми...

Ее отговорки звучали неубедительно. Безуспешные попытки Дэвида поближе познакомиться с владельцем бара и его женой, к которым он сам давно относился прекрасно, служили источником постоянного напряжения.

– О'кей, я позвоню Джою и скажу, что мы придем как-нибудь в другой раз, – сказал Дэвид, довольный тем, что почти без трений урегулировал скользкий вопрос.

– Ну и чудесно. Нет, в самом деле... (таким образом Лорен всегда благодарила его за уступки) работы по горло. Этим утром я лечу в Вашингтон. Президент собирается огласить детали последней экономической программы, и начальство требует представить материал с личными впечатлениями. Возможно, придется пробыть там дня два.

– В таком случае запасайся калориями, – он кивнул в сторону завтрака, к которому она не притронулась. – Яйца не понравились?

Лорен бросила взгляд на часы, встала и потянулась.

– Оставь их до моего возвращения. – Она направилась в спальную и, пройдя несколько шагов, добавила: – Со временем они только улучшаются. – Она засмеялась и бросилась бежать по коридору, заметив, что Дэвид вскочил со стула и устремился за ней. Выждав, когда он подбежит поближе, она захлопнула дверь и повернула ключ в замке.

– Ты пожалеешь об этом, – раздался за дверью голос Дэвида. – В один прекрасный день я стану знаменитым шеф-поваром и женюсь на "Графине Лузитании". Тогда ты потеряешь меня навсегда.

Спустя двадцать минут Лорен вышла из спальни в потрясающем бордовом костюме и бежевой блузке, с шелковым шарфом на шее.

– Никаких пещерных штук, Дэвид, – предупредила она, останавливая его движением руки. – В нем мне ходить целый день. Послушай, совсем вылетело из головы. Ты мог бы мне помочь.

– Только в обмен на пещерные штуки.

– Дэвид, я серьезно.

– Хорошо, слушаю.

– В офисе сенатора Кормиера заявили, что он через день или два ложится на операцию в вашу больницу. Кажется, по поводу желчного пузыря.

– Ты уверена? Кормиеру скорее место в Белом мемориале, чем у нас.

Лорен кивнула, как бы соглашаясь, и спросила:

– Он не попадет к Хатнеру?

– Исключено. Хатнер не стал бы никуда уезжать.

– Как по-твоему, ты сможешь увидеть его? Или еще лучше – устроить мне с ним встречу? Его кампания за устойчивый налог на непредвиденную прибыль с нефтяных компаний наделала много шума. Эксклюзивное интервью могло бы оказаться страусиным пером в моей шляпе.

– Я попытаюсь, но ничего не обещаю.

– Спасибо. Ты милый.

Лорен пожелала ему удачи, сжала руки и быстро поцеловала. Затем, бросив на прощание:

– Будь хорошим мальчиком, – вышла из квартиры в коридор и направилась к лифту.

Несколько минут Дэвид стоял у двери, вдыхая аромат ее духов и чувствуя странную опустошенность.

– Могла бы хотя попробовать, – проворчал он, убирая со стола еду. – Яичница выглядит вполне аппетитно.

* * *

Ночной сторож был жирным. Жирным и мучительно медлительным. Стоя в дверях, сестра, хрупкая женщина с волосами цвета бледного солнца, следила за тем, как он, не торопясь, идет по коридору. Время от времени он останавливался у дверей склада или проверял один из замков на шкафчиках обслуживающего персонала, которые стояли вдоль стен. На нижнем, подвальном этаже бостонской больницы под кодовым названием Запад В-2, кроме них, никого не было.

Сестра обвела взглядом грязь, которую выхватывали из темноты голые лампы, подвешенные к потолку, и содрогнулась. Она была изящной женщиной, безукоризненно причесанной, с макияжем, нанесенным с такой тщательностью, что его трудно было заметить. От нетерпения она сцепила кончики пальцев. Когда же он закончит свой обход? Она взглянула на часы. У нее в запасе сорок... возможно, пятьдесят минут. Времени вполне достаточно, если действовать решительно и не возникнет других непредвиденных препятствий. Таракан переполз через ее туфлю, и она почувствовала, что сейчас ее

вот-вот вырвет. Но усилием воли она заставила себя успокоиться и ждать.

Наконец сторож закончил свой обход. Он запер на ключ сейф и, насвистывая себе под нос "Загробный марш полковника", с важным видом удалился. Кое-кому этот мужчина показался бы наивным, веселым или даже симпатичным, но хрупкой женщине, следящей за ним, он, честно говоря, был отвратителен.

Выждав несколько секунд, она быстро подошла к шкафчику под номером 178 и набрала цифры, отпечатанные на карточке, которую прислала ей Георгина. Тонкий, почти полный шприц лежал там, где и должен был лежать. Она быстро посмотрела его на свет, затем опустила в передний карман своей безукоризненно чистой униформы. Еще раз проверив время, она направилась в сторону тоннеля, ведущего к южному крылу. Поднявшись на лифте на отметку Юг-2, она проскользнула на лестничную клетку и быстро поднялась вверх на два пролета. Нырнув в палату 438, она остановилась, чтобы перевести дыхание. В неясном свете угадывалось лицо Джона Чепмена. Мужчина спал, свернувшись калачиком и повернувшись лицом к двери. По катетеру, спрятанному под простыней, в пластиковый коллектор сочилась прозрачная моча.

Выздоровление Чепмена после операции на почках протекало легко и быстро. Женщина улыбнулась своим мыслям. Легко и быстро... до сих пор.

Она выглянула в коридор. Санитарка, первая из утренней смены, только что вышла из лифта. Хрупкий ночной мир царил в помещении, но сестра знала, что через полчаса он уступит место дневному хаосу. Время поджимало. Ее пульс учащенно забился. Скоро она должна увидеть анафилактический шок! За те пятнадцать лет, что она проработала здесь, ей ни разу не доводилось наблюдать столь ярко выраженный случай, не говоря уже о том, чтобы проследить за ним от начала до конца.

Она приблизилась к койке, возле которой на ночном столике стояли цветы. Огромный восхитительный букет лилий. К вазе пластырем была прикреплена карточка.

"С наилучшими пожеланиями от Лили", прошептала она, не глядя на нее. В этом не было необходимости. То были ее собственные слова.

На столике рядом с вазой лежало серебряное ожерелье и круглая табличка с информацией для врачей. Она направила узкий луч фонарика на диск и, улыбнувшись, прочла:

Больной диабетом

Аллергия на пенициллин

Аллергия на укусы пчел

В небольшом шприце, который она держала в руке, находился концентрированный раствор пчелиного яда, используемый аллергологами для снижения риска психических заболеваний у больных. Хотя доза, содержащаяся в нем, была огромна, при стандартном вскрытии трупа следы яда не поддавались обнаружению.

Светло-шоколадное лицо Чепмена выражало полное спокойствие. Казалось, он улыбается даже во сне. Сестра взяла стул с прямой спинкой и села. Одной рукой она ввела иглу в резиновую пробку трубки, предназначенной для внутреннего вливания, а другой мягко тронула его за плечо.

– Мистер Чепмен... Джон, проснитесь, – проворковала она. – Наступило утро.

Глаза Чепмена легко открылись.

– Маленький ангел? Это вы, – пробасил он со странным акцентом, приобретенным за годы детства на Ямайке, хотя с тех пор прошло двадцать пять лет. Он внимательно посмотрел на нее и улыбнулся. – О, от вас не отвести глаз. Это утро или продолжение сна?

– Сны отменяются, – ответила она. – Я пришла сегодня пораньше. Меня должны сменить приблизительно через час. – С этими словами она нажала на плунжер, вводя яд в трубку. – Я пришла ради вас.

– Что?

Ничего не говоря, она напряженно следила за тем, как выражение озадаченности на лице Чепмена сменилось выражением безотчетного страха.

– Я... у меня странное ощущение, ангел... очень странное, – в его голосе послышалась паника. – Все мое тело словно исколото булавками... Анджела, что происходит? ... Это ужасно! ... Мне кажется, что я умираю...

Женщина равнодушно смотрела на него. Так оно и есть, подумала она. Так и есть. В то же самое мгновение анафилактическая реакция проявилась в полной мере. Выстилка верхних дыхательных путей

Джона Чепмена разбухла и почти закрыла их. Мускулы, окружающие бронхиолы, начали судорожно сжиматься. Сестра быстро обернулась, желая убедиться, что дверь палаты закрыта. Реакция оказалась более быстрой, более впечатляющей, чем она ожидала. Фактически ничего более впечатляющего она не наблюдала в своей жизни.

– А... гел... пожалуйста... – слова Чепмена были едва слышны. Ничего не видящие глаза широко раскрыты.

По привычке она проверила пульс, хотя знала, что сосудистый коллапс уже произошел. Через секунду последняя щель в воздушной прослойке дыхательных путей закрылась. Он перекатился на спину и неподвижно застыл.

Сестра с волосами цвета бледного солнца, следившая затаив дыхание, за смертью пациента, сделала глубокий выдох. Ее правильное лицо осветила блаженная улыбка, подтвердившая, что она хорошо выполнила порученную работу.

* * *

Настенные часы "Сет Томас" в жилой комнате показывали половину восьмого, когда Дэвид закончил складывать тарелки в раковину и надел темно-синий спортивный костюм. Не спеша он просмотрел свою небольшую коллекцию пластинок, выбрал "Родео" Копленда и начал медленно выполнять гимнастические упражнения.

Копленд подходит идеально, пришел он к выводу, вытаскивая из-за дивана наборные гантели. Минут десять он поднимал и опускал их в самых разнообразных положениях, нагружая себя сверх меры, пока не почувствовал, как спало напряжение, вызванное прохладным прощанием с Лорен.

Упражнения с нагрузками служили не только прекрасной физической, но и психической терапией. Это был утренний ритуал в течение почти пяти лет с того дня, когда Дэвид решил вернуться к хирургии, проведя последние два тяжелых года на стажировке. В тот же день он выкурил последнюю сигарету и пробежал первую милю. Через несколько месяцев он восстановил выносливость, которую потерял, будучи отлучен от операционной на три года.

Вспотев от разминки, он схватил секундомер с ключами, сунул все это в карман спортивных брюк и выскочил за дверь.

Обогнув узкий, полуразвалившийся лифт, он устремился к лестнице в конце коридора. Пробежав четыре пролета и слабо освещенное фойе, Дэвид рывком открыл дверь парадного и выбежал на Коммонуэллс-авеню.

Солнце ярким светом ударило ему в глаза. Выдался один из тех дней, которыми так любят хвастаться жители Новой Англии перед живущими в других районах, подчеркивая, что на свете нет более чудесного места. Один из тех дней, которые отодвигают на неопределенное время мрачные мысли о феврале и помогают забыть грязный морозящий дождь апреля и угнетающую, насыщенную духотой жару середины августа.

Сначала с трудом, хоть и быстро войдя в ритм, он пробежал несколько кварталов, ведущих к эспланаде. Он едва успевал замечать мелькающие вяза и дубы, утопающие в золотисто-оранжевой и красной листве. Воздух, не успевший пропитаться выхлопными газами автомобилей, в этот день был напоен ароматом горных рек.

Дэвид миновал Сторроу-драйв и увеличил темп, свернув на гудронированное шоссе. Какое-то время он бежал, полуприкрыв глаза, вдыхая свежий воздух и наслаждаясь тем, как ноет каждый мускул его тела.

Он заметил одинокого гребца на двухвесельной лодке, который, подобно гигантскому водяному жуку, скользил по глади озера Чарльз. Даже в такой ранний час люди сидели на поросшем травой берегу, читая, рисуя или просто греясь в лучах утреннего солнца. Мимо него взад и вперед, проносились велосипедисты. Собаки на поводках тянули своих хозяев в разные стороны. Озабоченные студенты с длинными волосами, закинув связки книг за спину, брели в классы, где стерильные лампы дневного света не заменят им осеннего солнца.

Дэвид взглянул на секундомер и огляделся вокруг. До моста еще шесть минут. Первое пари по бегу выиграно. Рано или поздно роллс-ройс и большой дом в Беркшире будут его. Смахнув с глаз пот, он увеличил темп.

Справа от него босая девушка в джинсах и ярко-красной тенниске бросила пластиковый диск-тарелку своему другу, но тот не сумел

поймать ее-, и диск, резко повернув к реке, ударился о землю и покатился вниз по берегу. "Не повезло, бывает", – рассмеялся Дэвид.

На трехмильной отметке он повернул назад. "Все образуется, – громко проговорил он в такт движению кроссовок. – Все образуется".

Господи, как хорошо жить на земле!

Глава II

Кристина Билл притормозила свой светло-голубой "мустанг" у поста охранника на месте парковки "С" и натянуто улыбнулась, заметив, что тот махнул ей рукой. Она медленно проехала несколько свободных стоянок, затем увидела одну, в самом дальнем углу от ворот, и поставила там машину. Выйдя из машины, она поправила свой приталенный костюм медицинской сестры, сощурившись, взглянула на полуденное солнце и постаралась выкинуть из головы все "волшебство яркого осеннего дня. Другие мысли, другие вопросы не давали ей покоя.

Стоянка "С" была одной из трех новых площадок для парковки, которые принадлежали больнице и предназначались для разрастающейся штата. Кристина направилась к остановке маршрутного такси, но потом решила пройти пешком. Этот небольшой отрезок пути служил для нее мостом между внешним миром и больницей. Впереди две сестры из ночной смены замахали ей руками, приглашая присоединиться, но, сделав несколько торопливых шагов в их сторону, она остановилась и махнула рукой, чтобы они не ждали ее.

У витрины магазина, торговавшего подержанной мебелью, она остановилась и посмотрела на свое отражение в запыленной витрине.

"У тебя усталый вид, – подумала она. – Усталый, беспокойный... и испуганный".

Она была невысокой женщиной, всего лишь пять футов и четыре дюйма. Ее рыжеватые волосы были собраны в пучок и убраны под шапочку. Темные веснушки, оставшиеся от летнего солнца, выступали на щеках и переносице.

"Что ты собираешься делать, девушка? – тихо спросила она у своего отражения. – Ты и впрямь готова пойти на это? Пег (как ее фамилия?) может, и готова. Шарлотта Томас, может, и готова. А ты?" Она крепко сжала губы и уставилась на тротуар. Наконец, в раздумье пожав плечами, вошла в помещение.

Бостонская больница представляла собой массивную гидру из стекла и кирпича с тремя щупальцами, устремленными на северо-

запад, в сторону Роксбери, и другими тремя на юго-восток, в центральные районы. За сто пять лет своего существования у нее выросло несколько крыльев, которые с течением времени увяли и отмерли, чтобы уступить место более крупным и сильным. Постоянные перестройки, наравне с белыми униформами, снующими внутри ее чрева, являлись неотъемлемой частью этого живого организма.

Попечители больницы, так и не сумевшие отыскать благодетеля, который был бы достаточно богат и подарил бы им целое здание, взяли на вооружение примитивный принцип обозначения щупальцев по их направлению. Раздвижные двери, через которые Кристина вошла в главный вестибюль, располагались между юго-востоком и югом.

Она взглянула на большие золотые часы, вправленные в гранитную плиту над столом справок. Два тридцать. Остается двадцать пять минут до окончания утренней смены на секторе Юг-4, после чего наступит ее смена, которая будет продолжаться с трех до одиннадцати.

Кристина прислонилась к каменной колонне и огляделась. Больные и посетители заполнили все кресла; много народу толпилось у стола информации; третьи, пробираясь сквозь толпу, спешили в другое крыло. Между рядами кресел из пластика наготове стояли кресла-каталки. Это место, которое она видела за прошедшие пять лет тысячу раз, всегда наполняло ее душу волнением и трепетом. Выпадали дни, особые отдельные дни, когда она почти физически ощущала себя частицей этого живого существа – больницы. Дни, когда она ощущала его пульс, как свой собственный. Медленно она пересекла вестибюль и влилась в поток, движущийся к главной артерии южного крыла.

На этаже Кристины сектора Юг-4, как и на других этажах семиэтажного крыла, находились терапевтические и хирургические больные, и каждый под наблюдением частнопрактикующего врача. Несколько врачей-стажеров, разбросанных тут и там по всей больнице, служили аварийным резервом. На этом этаже, впрочем, как и на всех других этажах и этой, и других больниц, сестры большую часть времени являлись единственным медицинским персоналом.

Выйдя из лифта, Кристина оглядела коридор, чтобы убедиться, что не видно тележек для перевозки тяжелобольных или какого-либо другого оборудования, которое указывало бы на экстренную ситуацию

в одной из палат. Вокруг царила обычная деловая обстановка, но предчувствие, выработавшееся у нее за прошедшие пять лет, подсказывало: что-то здесь не так.

Она приближалась к посту медицинской сестры, как вдруг раздались крики... жалобные, разрывающие душу завывания из другого конца коридора. Кристина побежала на крик. Пробегая мимо палаты 412, она успела заметить в ней Шарлотту Томас, беспокойно спавшую из-за поднявшейся суматохи.

Крики доносились из палаты 438... палаты, в которой лежал Джон Чепмен. Она влетела в палату и остановилась в дверях. В палате все было перевернуто вверх дном. Конфеты, книги, цветы и разбитые вазы валялись на полу. На стуле, закрыв лицо руками, сидела жена Джона Чепмена, гордая невысокая женщина, с которой Кристина познакомилась во время его госпитализации. Его постель была пуста.

– О, Бог мой! – простонала Кристина, подбегая и опускаясь на колени перед женщиной, рыдания которой перешли в протяжное завывание. – Миссис Чепмен?

– Мой Джонни мертв. Его нет! Меня все уверяли, что с ним все хорошо, а он умер. – Она невидящим взглядом уставилась на пол, скорее обращаясь к себе, чем к Кристине.

– Миссис Чепмен, я Кристина Билл, одна из вечерних сестер. Чем я могу вам помочь? Вам что-нибудь нужно? – Кристине стало больно при мысли, что с ними больше нет Джона Чепмена. Почти легендарный борец за права черных и других меньшинств чувствовал себя прекрасно, когда шестнадцать часов назад она закончила свою смену.

– Нет, нет, ничего не нужно, – с трудом ответила женщина. – Мне... мне просто не верится, что мой Джонни мертв.

Кристина обвела взглядом комнату. Две-три вазы с цветами остались нетронутыми, но большинство было разбито о стену или валялись на полу.

– Миссис Чепмен, кто сделал это?

Женщина подняла голову. Ее остекленевшие глаза распухли от слез, и горе исказило черты лица.

– Я. Я сделала, – ответила она. – Я пришла убраться в комнате Джонни. На меня что-то нашло... это как обухом по голове – он никогда не вернется. Я только помню, что сестра пыталась удержать

меня, чтобы я не уничтожила другие подарки Джону. Знаете, ему даже губернатор прислал книгу с карточкой. Боже мой, неужели я разорвала их! Я...

– Вы не разорвали их, миссис Чепмен. Они у меня. А вот ваш апельсиновый сок.

Кристина повернулась на голос.

Анджела Мартин кивнула ей, затем передала бедной женщине книгу и сок.

– Я позвонила вашему пастору, миссис Чепмен, – добавила она. – Он скоро прибудет.

При появлении Анджелы, спокойной и безупречной, несмотря на восьмичасовую смену, женщина заметно успокоилась.

– Спасибо, дитя мое. Вы так добры ко мне. И к Джонни были добры. – Она указала рукой на беспорядок в палате. – Извините... извините меня за это.

– Ерунда, – сказала Анджела. – Я уже вызвала хозяйственную службу. Они уберут. Пойдемте, подождем пастора в комнате для отдыха. – Она осторожно положила тонкую руку на плечо расстроенной женщины и вывела ее в коридор.

Кристина, оставшись одна среди разбитых и разбросанных вещей, вспомнила, с каким удивлением открыла для себя, что Джон Чепмен – это насмешливый, эрудированный и мягкий человек. Может быть, чем-нибудь помочь вдове этого удивительного мужчины? Пожалуй, что нет, решила она. Пока рядом с ней сострадательная Анджела Мартин, можно ни о чем не беспокоиться.

Кристина направилась к двери, затем остановилась и вернулась к двум неразбитым вазам с цветами. Возможно, миссис Чепмен захочет взять их домой, подумала она, глядя на записку, приклеенную к вазе из зеленого стекла. Лилии... от Лили? Боже праведный, что будет дальше? Она покачала головой. Внезапная смерть и такое странное совпадение слов. Странности, начавшиеся с утра, продолжают, и она ничего не может с этим поделать.

* * *

Лайза и Кэрол, с которыми она делила комнату, ушли на работу, когда зазвонил телефон. Кристина протянула руку к будильнику, но потом определила истинную причину непрекращавшегося трезвона. Она попыталась было спрятать голову под подушкой, но потом, спотыкаясь, побрела на кухню, уверенная в том, что как только она подойдет к аппарату, звонки прекратятся. Однако они не смолкали.

– Меня звать Пег, – раздался в трубке уверенный и одновременно мягкий голос. – Я одна из руководителей Союза. На вашем этаже в больнице есть одна больная, в отношении которой я хотела бы узнать ваше мнение. Если вы сочтете целесообразным, то представьте его на рассмотрение вашему региональному контрольному комитету. Мне самой неудобно, поскольку это может броситься в глаза – ведь я больше не веду активного ухода за больными.

Кристина подставила руку под водопроводный кран и умылась холодной водой. Хотя упоминание о Союзе мгновенно прогнало остатки сна, она, тем не менее, решила на всякий случай все уточнить и заикаясь, пробормотала.

– Видите ли... мне никто и никогда не звонил по этому поводу... то есть я хочу сказать...

Звонившая предвидела беспокойство Кристины и настойчиво продолжала.

– Кристина, выслушайте меня, пожалуйста, до конца. Согласно правилам нашего движения, вы не обязаны делать ничего такого, что противоречило бы вашим убеждениям. Я знаю женщину, о которой идет речь, много лет. Я убеждена, что она не хочет мириться с той ситуацией, в которой очутилась. Она испытывает большие мучения, и ее состояние, насколько я могла определить, безнадежно.

В этот момент Кристина догадалась, без подсказки, о ком идет речь.

– Это Шарлотта, не так ли? – спросила она. – Шарлотта Томас.

– Да, Кристина, она.

– Я... я последнее время много о ней думала. Вот уже несколько дней подряд она очень страдает.

– Вы собирались сообщить о ней сами? – поинтересовался голос в трубке.

– Да. Вчера вечером. Я хотела было позвонить, но что-то остановило меня. Я не знаю, в чем тут дело. Она такая замечательная

женщина, и я... – Кристина осеклась.

– Дорога, которую мы выбрали, нелегка, – произнесла женщина. – Если она когда-нибудь станет легкой, то знайте – вы потеряли ее из виду.

– Я понимаю, – мрачно сказала Кристина. – Моя смена начинается в три дня. Если со мной будет все в порядке, я сообщу историю ее болезни, и пусть контрольный комитет решает.

– Приблизительно это я и хотела услышать, Кристина. Возможно, в недалеком будущем обстоятельства позволят нам встретиться. До свидания.

– До свидания, – попрощалась она, но на том конце провода женщина уже повесила трубку.

Перед тем, как заснуть, накануне вечером Кристина составила поистине наполеоновский план дел на день. Внезапно после одного телефонного звонка все пошло насмарку. Она отнесла чашку с чаем в жилую комнату и села в мягкое кресло, погружившись в глубокие размышления о судьбе "Союза ради жизни". За те десять месяцев, что прошли с момента ее вступления в это общество, ее жизнь наполнилась новым смыслом и целью. И вот наступил час испытания. Испытания, где на карту поставлена жизнь Шарлотты, и которое не будет легким.

* * *

Поглощенная мыслями о судьбе Шарлотты Томас и Джона Чепмена, Кристина неторопливо вошла в комнату для отдыха, чтобы повесить пальто. Две сестры, дежурившие утром, отложили в сторону отчеты, которые они писали, и оживленно обсуждали действие препаратов, предписанных Джону Чепмену и приведших к летальному исходу. Кристине не захотелось присоединиться к ним. Кивнув в знак приветствия, она сказала:

– Я заскочу к Шарлотте. Пришлите за мной кого-нибудь, если я не успею на летучку. Хорошо? – Женщины, продолжая разговаривать, махнули ей, чтобы она не беспокоилась.

Минули две недели после операции Шарлотты Томас, и все это время Кристина по несколько раз в день заходила в палату 412.

Несмотря на частые визиты, подходя к этой палате, она всякий раз видела в своем воображении странную картину. Даже не картину, а скорее предвидение. Предвидение очень яркое, однако совсем не связанное с ее профессией. Будто Шарлотта сидит на виниловом стуле возле кровати и пишет письмо. Ее светло-каштановые волосы небрежно собраны в пучок и завязаны большим бантом из розового шелка. Тонкие линии в уголках глаз и губ взметнулись вверх от удовольствия при виде ее "суперсестры". Она кажется здоровой и радующейся жизни, словно ей не шестьдесят, а шестнадцать лет. Эта женщина в полной гармонии сама с собой...

Так она выглядела, когда в августе легла на диагностическое обследование. Перед тем, как войти, Кристина как будто услышала ее голос, чистый и свободный, как лесной ручей: "О, дорогая Кристина... Ты пришла, чтобы утешить старую и больную леди..."

В ногах у кровати Кристина остановилась и закрыла глаза, стараясь прогнать остатки радужных надежд.

Шарлотта лежала на правом боку, обложившись подушками. С побелевшими губами Кристина на цыпочках подошла к кровати. Шарлотта спала, тяжело и неестественно дыша во сне. Дыхательные кислородные трубки, предназначавшиеся для ввода в ноздри, выпали и лежали на щеке, оставив яркий красный след. Ее лицо раздулось и приобрело болезненную желтизну. Из пластиковых мешков, подвешенных по обе стороны кровати, по прозрачным трубкам поступал питательный раствор.

Кристина, с трудом сдерживая слезы, протянула руку и убрала прядь волос с ее лица. Женщина моргнула и открыла глаза.

– С новым днем, – весело сказала Кристина, печально улыбаясь.

– С новым днем, – слабо отозвалась Шарлотта. – Как настроение у моей сестры?

"Как это похоже на нее, – подумала Кристина. – Лежать вот здесь и спрашивать, как я себя чувствую".

– Немного устала, а так все нормально, – ответила она. – А как моя пациентка?

Губы Шарлотты скривила улыбка.

– Лучше не спрашивайте. – Она подняла посиневшую руку и дотронулась до красной трубки, прикрепленной у переносицы. – Мне это не нравится, – прошептала она.

Кристина покачала головой: В прошлый раз, когда она дежурила, трубки не было.

– У вас, должно быть, немного не в порядке желудок, – едва выговаривая слова, произнесла она: – Трубка отсасывает жидкость. Она соединяется с аппаратом. Слышите, как он шипит. – Она отвернулась. Трубки, синяки, боль... Кристине показалось, что это не бедная женщина лежит на койке, а она сама. Она знала, что к Шарлотте, как ни к какой другой больной, у нее особое отношение. Сколько раз ей хотелось убежать из этой палаты, убежать от собственных чувств, передать Шарлотту Томас другой сестре. Но она всегда оставалась.

– А как поживает ваш парень? – спросила Шарлотта.

Перемена разговора была намеком на то, что она все понимает и с трубкой ничего не поделаешь. Кристина опустила на колени и по-девичьи смущенно ответила:

– Шарлотта, если вы говорите о Джерри, то он не мой парень. Откровенно говоря, мне он даже не очень нравится. – На этот раз Шарлотте даже удалось выдавить улыбку и подмигнуть: – Шарлотта, это правда. И не надо хитро подмигивать. Он... самоуверенный, самовлюбленный зануда.

Шарлотта молча погладила ее по щеке. Вдруг, сквозь полумрак, Кристина увидела ее глаза. Они горели странно и удивительно. Такими она их никогда не видела прежде. В них ощущалась сила. Так же, как и в голосе, едва слышимом.

– Ответы в тебе самой, моя дорогая Кристина. Просто слушайся своего сердца. Когда тебе важно что-то знать, просто слушайся своего сердца. – Шарлотта опустила руку и закрыла глаза. Через три секунды она забылась.

Кристина смотрела на нее, размышляя над смыслом ее слов. Старая женщина, конечно, не имела в виду Джерри, подумала она. Конечно же, не его. Словно в трансе она вышла в коридор и медленно направилась в комнату, в которой собирались между сменами медицинские сестры.

Комната была полна. Восемь сестер – шесть из отработавшей смены, и две из смены Кристины – сидели за круглым столом, заваленном бумагами, картами, чашками с кофе, пепельницами и пластиковыми бутылками с лосьоном для рук. Одна из женщин,

Глория Уэбстер, продолжала строчить свой отчет. У Глории, одного с Кристиной возраста, волосы были выкрашены под платину, а на веки нанесен толстый слой теней цвета радуги. Она подняла голову, пригубила кофе и, продолжая писать, бросила:

– Привет, Билл.

– Привет, Глория. Выдался трудный день?

– Не очень, – ответила химическая блондинка, ставя чашку на стол. – Как всегда. Одно старое дерьмо. Просто сегодня немного побольше, если ты меня понимаешь.

– Отчет готов? – спросила Кристина.

– Будет готов через минуту. Как обычно я эти чертовы записки сдаю последней. Я считаю, нам вот что нужно сделать: ксерокопировать их и клеить на каждую карту. Все равно они похожи как две капли воды.

Кристина из вежливости улыбнулась, вспомнив, как съязвил кто-то из сестер, давая характеристику Глории. "Она может напутать в лекарствах и отчетах, зато нянчится с больными, даже с самыми дерьмовыми".

Прибыли последние две сестры и заняли свое место за столом. Летучка началась с обсуждения новых больных, которые поступили к ним за прошедшие две смены после их дежурства. Вновь поступившие обсуждались с большей тщательностью, чем остальные пациенты. Но даже в этом случае замечания в основном касались не самих больных, а лечащих врачей:

– Сэм Энджелс, больной доктора Бертрона...

– ...О, Джек-потрошитель опять взялся за дело.

– Берт – бабник, руки-крюки в операционной, зато ловко лапает медсестер.

– Стелла Веччионе, больная доктора Мелчмена...

– Повезло Стелле.

– Дональд Макгрегор, больной доктора Армстронг..

– Она душка, ты так не думаешь?

– Душка, но выжила из ума. Она пишет, как моя прабабка.

– Эдвина Берроуз, больная доктора Шелтона...

– Кого?

– Шелтона. Такого симпатичного, с курчавыми волосами.

– О, я знаю, кого ты имеешь в виду. Он "сидит на игле" или что-то в таком духе?

– Что?!

– На наркотиках. Пенни Штидт с третьего говорит, что она слышала от одной операционной сестры, что Шелтон без них не может.

– Добрая старая Пенни. У нее всегда для всех найдется теплое словечко. Она отыщет грязь даже на стерилизаторе.

В таком духе были перемыты косточки всех пациентов, сестер и докторов. Слушая их, Кристина старалась определить тех сестер, которые ограничиваются только фактами, результатами лабораторных исследований и показателями жизненно важных функций, и тех, кто неформально относится к больным. Три были причислены к первым, три – ко вторым. Она с удовлетворением отметила, что на человеческий фактор ориентируются те сестры, работой которых она больше всего восторгалась. В этой группе не было Глории Уэбстер.

– Билл, я думаю, что ты, как всегда, смотришь за той, из четырехста двенадцатой, – сказала Глория, гася сигарету о дно пластиковой чашки. Она обращалась ко всем сестрам на этаже по фамилии скорее из чувства солидарности, чем из желания выразить свое к ним пренебрежение. – Вообще-то говорить не о чем... правда, дела немного хуже, чем вчера. Я имею в виду эту большую с пролежнями. У нее скачет температура и кровяное давление. Каждые два часа предписана носотрахеальная аспирация. Пролежнями я занялась, так что в течение четырех часов тебе ничего не надо делать. О Господи, какая была вонь! Ни с чем подобным я еще не сталкивалась. Вопросы есть?

Кристина не без труда подавила в себе импульс бросить ей в лицо. "Да, один. Как ты можешь так говорить! Это такая удивительная женщина, и ты не стоишь ее мизинца". Но, подавив в себе негодование и возмущение, она только покачала головой.

Через десять минут совещание закончилось. Затем шесть сестер надели свои пальто и отправились домой, поручив заботу о страждущих новой смене.

После того, как они ушли, Кристина села с картой Шарлотты и принялась внимательно читать каждую страницу. Процесс чтения оказался очень тяжелым. Страница за страницей были заполнены

всевозможными сообщениями, отчетами и процедурами. Хронология медицинского кошмара. По мере того, как она выписывала наиболее значительные данные, решение Кристины созрело окончательно. *Этого* было достаточно. То же самое сказала и Пег по телефону. Достаточно. Она представит историю болезни Шарлотты кому следует.

Старательно переписав свои наблюдения и убедившись, что ничего не упущено, Кристина раскрыла записную книжку и записала один телефонный номер, на кусочек бумаги. Затем она в нерешительности задумалась. Во рту у нее пересохло. Будь смелее, сказала она себе. Если взялась за дело, то надо доводить его до конца. Она решительно встала и тут же увидела перед собой глаза Шарлотты, излучающие спокойствие, бесконечное спокойствие. Такими она их еще не видела, "...когда важно тебе что-то знать, просто слушайся своего сердца".

В конце этажа находился телефон-автомат, отгороженный стеклянной перегородкой. В коридоре никого, Кристина задумалась, как же быть... Возможно, комитет не ответит на звонок. Возможно, получив это сообщение, они его не утвердят. Возможно...

Трясущимися руками она положила перед собой клочок бумаги и набрала номер. После двух протяжных звонков раздался щелчок и нейтральный женский голос, записанный на пленку, ответил:

– Добрый день. Через десять секунд после того, как смолкнет мой голос, вы услышите короткий сигнал. У вас будет тридцать секунд для того, чтобы оставить ваше сообщение вместе с номером, по которому с вами можно связаться. На ваш звонок мы ответим как можно скорее. Спасибо.

Услышав сигнал, Кристина произнесла:

– С вами говорит Кристина Билл из Бостонской больницы. Я работаю в вечернюю смену в секторе Юг-4. Я хотела бы представить вам на оценку одну больную. Мне можно позвонить по этому телефону-автомату. Номер пять, пять, пять – семь, один, восемь, один. Сейчас три часа пятьдесят минут пополудни. Со мной можно связаться по указанному номеру до одиннадцати вечера. После этого я... – Прежде чем она успела произнести номер домашнего телефона, послышался резкий щелчок, – записывающее устройство отключилось. Она хотела было перезвонить и договорить, но потом

нерешительно повесила трубку. – Если этому суждено свершиться, значит, судьба, – подумала она.

* * *

Харрисон Уэллер отрешенно уставился в потолок, не замечая вошедшую Кристину. На экране крошечного телевизора "Сони", подвешенного над его койкой на металлическом кронштейне, замелькали заключительные кадры и раздались последние аккорды "Путеводного света", но человеку, лежавшему на койке, по-видимому, было все равно. Несмотря на семьдесят пять летнего узкое, резко очерченное лицо оставалось невозмутимым, словно было неподвластно времени.

– Мистер Уэллер, как вы сегодня? – спросила Кристина, подходя к нему. – Почему вы задернули шторы? Стоит прекрасная погода. Солнце вам не помешает.

– Чарлин, это ты? – спросил он, глядя на нее и напряженно улыбаясь.

– Мистер Уэллер, вы знаете, как меня зовут. Я бываю у вас почти каждый день с тех пор, как вас положили к нам. Я Кристина.

– Говоришь, солнечно? – скрипучий голос Уэллера напомнил ей одного парня из средней школы, который пытался имитировать стариков. Уэллер поступил к ним на этаж после того, как прооперировали его сломанное бедро, и сразу же сделался всеобщим любимцем. Не противясь чрезмерной опеке сестер, он равнодушно реагировал на их знаки внимания. Порой он впадал в задумчивость или бывал сбит с толку, поэтому ортопед, наблюдавший за ним, называл его слабоумным.

Кристина раздвинула шторы, и полуденное солнце залило светом палату. Она помогла сесть Уэллеру, а сама пристроилась на краю кровати, так, чтобы видеть его лицо. Старик, прищурясь с полминуты, глядел на нее, потом усмехнулся.

– Какая же ты милашка, – выдал он, протянул руку и потрепал щеку Кристины.

Кристина улыбнулась и взяла его ладонь. – Как ваше бедро, мистер Уэллер?

– Мое что?

– Ваше бедро, – отдельно повторила она, переходя почти на крик. – Ваше бедро оперировали. Я хочу знать, беспокоит ли оно вас.

– Беспокоит? Мое бедро?

Она хотела в третий раз повторить свой вопрос, когда Уэллер добавил:

– Нет. Совсем не беспокоит. Вот только временами побаливает, когда передвигаю ногу влево.

Кристина открыла рот от изумления. Никогда прежде он не говорил столько много сразу. От волнения у нее даже заблестели глаза, и она прокричала.

– Мистер Уэллер. У вас есть слуховой аппарат?

– Слуховой аппарат? – проскрипел Уэллер. – Конечно у меня есть слуховой аппарат. Он у меня много лет.

– Почему вы его не носите?

– Я не могу носить то, что лежит в ящике у меня дома, не так ли? – сказал он таким тоном, словно она не могла понять такую очевидную вещь.

– А что ваша жена? Разве она не может его вам принести?

– Кто, Сара? У нее разыгрался артрит, она даже не может выйти из дома и навестить меня.

– Мистер Уэллер, я могла бы послать кого-нибудь к вам в дом за этим аппаратом. Хотите?

– Ну конечно хочу, Чарлин, – проговорил он, сжимая ее руку. – И уж коли кто-то пойдет, скажите ему, чтобы прихватили и мои очки. Сара знает, где они лежат. Без них я не вижу даже кончик собственного носа.

– Мистер Уэллер, – улыбнулась Кристина, увлекшись разговором, – а кто помогает Саре по дому, когда *она* болеет?

– Точно не знаю... Анни Гриссом, живущая по соседству, приходит иногда помочь, когда у нее выпадает свободная минута.

– Я могла бы направить сестру в ваш дом, мистер Уэллер. Если она решит, что вашей жене нужна помощь, то к ней будет ходить патронажная сестра.

– Кто? Кто?

Она хотела было объяснить, но остановилась на полуслове и обняла его.

– Не беспокойтесь. Я сама все сделаю, – громко сказала Кристина и рассмеялась.

В следующую секунду она вздрогнула и медленно отстранилась от больного, почувствовав на себе чей-то странный взгляд. Кристина резко обернулась и увидела в дверях старшую сестру больницы, Дороти Дельримпл, пятидесятилетнюю женщину с коротко подстриженными волосами и пухлым розовым лицом. Ее тучное, почти под двести фунтов тело, охватывала огромная, как снежные просторы тундры, накрахмаленная униформа. Толстые лодыжки нависали над белыми больничными туфлями на низком каблуке. Мясистые складки вокруг ее глаз углубились, когда она изучающим взглядом пыталась вникнуть в увиденную сцену.

Кристина спрыгнула с кровати и поправила одежду. Хотя она не один год проработала с Дельримпл, находясь с ней рядом, она никогда не чувствовала себя спокойно. Возможно, это объяснялось впечатляющими габаритами женщины, возможно, тем что она занимала высокое положение. Как бы там ни было, но у этой женщины была широкая и добрая душа.

Дороти Дельримпл сделала несколько шагов и остановилась перед Кристиной, подперев бока руками.

– Что я вижу, мисс Билл, – с упреком проговорила она, не в силах скрыть ироничную улыбку. – Это что, новый способ ухода за больными, или я помешала роману, зарождающемуся между майской фиалкой и старым пнем?

Кристина робко улыбнулась и, повернувшись к Уэллеру, тихо сказала:

– Харрисон, я же предупреждала, что нас застукают. Мы просто не можем вот так встречаться, – Кристина ободряюще сжала ему руки и последовала за вышедшей из палаты Дельримпл.

За те пятнадцать лет, что Дороти Дельримпл проработала старшей медсестрой в Бостонской больнице, она превратилась в живую легенду, благодаря тому, что горой стояла за своих "сестричек". Ее, не отличавшуюся блестящим умом, хорошо знали среди младшего медперсонала не столько из-за ее сходства с медведицей, сколько потому, что у нее была родная сестра, похожая на нее один к одному, которая также работала старшей медицинской сестрой в пригородной больнице, расположенной милях в пятнадцати от Бостона.

Как только их не называли за глаза! Все прекрасно знали, что они – единственные старшие сестры в районе, ходившие на работу в униформе, чтобы отдать дань уважения своей профессии. Этот жест, на первый взгляд не совсем эстетичный, только способствовал их популярности.

Дельримпл по-матерински положила огромную руку на плечо Кристины и спросила:

– Итак, Кристина, что все это значит?

В двух словах Кристина рассказала ей о причинах "слабоумия" Харрисона Уэллера.

– Знаешь, – прочувственно сказала пожилая женщина, – я так много времени трачу на бумаги, переговоры с профсоюзами и текущие дела, что совершенно забыла, как ухаживать за больными. – Кристина скромно кивнула. – Старательность, с которой ты работаешь, еще раз убеждает меня в том, что пусть врачи нас не особенно уважают, пусть смеются над нашими умственными способностями или диагнозами, но именно мы вытягиваем больных. Честно говоря, я убеждена, что больных вылечивают не доктора, а мы, медицинские сестры.

"А как быть с теми, кто не выздоравливает?" – хотелось спросить Кристине.

Какое-то время они молча шли по коридору, затем Дельримпл остановилась и повернулась к ней:

– Кристина, ты особенная. Сестры, вроде тебя, нужны больнице. Всегда заходи ко мне, если тебе захочется поговорить. Все равно о чем.

Ее слова призваны были поддержать Кристину, но они как-то не вязались с выражением лица старшей сестры. Кристина внезапно почувствовала озноб и страх. Она искала подходящий ответ, когда телефон в конце коридора начал звонить, заставив Кристину вздрогнуть, как от пушечного выстрела.

– Вроде бы телефон сам не умеет отвечать, Кристина, – произнесла Дельримпл, направляясь к нему.

– Я отвечу, – вскричала Кристина, бросаясь мимо ошарашенной старшей сестры к трезвонящему телефону.

Подойдя ближе, Кристина замедлила шаги, надеясь, что он замолкнет – и вместе с тем страшась этого. Она остановилась перед аппаратом, потом схватила трубку, вынимая из кармана листки с

записями о состоянии здоровья Шарлотты Томас. Шестое чувство подсказывало ей, что этот звонок предназначен ей.

У женщины оказался сухой, с небольшим акцентом голос.

– Я хотела бы поговорить с мисс Кристиной Билл, дежурной сестрой, работающей на этом этаже.

– Это Кристина Билл, – сказала она, чувствуя, как опять пересохло в горле.

– Мисс Билл, мое имя Эвелин. Я отвечаю на ваш звонок, который вы сделали недавно. Я представляю региональный контрольный комитет Новой Англии.

Кристина испуганно и быстро, как лань, оглядела коридор. Дельримпл нигде не было видно. Были, правда, другие люди... обслуживающий персонал и посетители, но они находились вне пределов слышимости. – Я... у меня имеется информация для оценки и рекомендации, – заикаясь произнесла она, не вполне уверенная в том, по правилам ли она ведет разговор.

– Очень хорошо, – ответила женщина. – Я буду записывать, так что, пожалуйста, говорите медленно и отчетливо. Я не буду прерывать вас, если только в этом не возникнет абсолютная необходимость. Пожалуйста, начинайте.

Кристина дрожащими руками принялась раскладывать страницы перед собой. Прошло не меньше тридцати секунд, прежде чем она справилась с эмоциями и мыслями, теснившимися в голове, и смогла снова обрести дар речи. Шарлотта очень хочет, чтобы это поскорее кончилось, поэтому ошибка исключается. Да, исключается. Вместе с тем в глубине души у нее зародилось сомнение. И только убедив себя, что ее кандидатура подлежит утверждению, Кристина приняла окончательное решение.

– Больная, о которой идет речь – миссис Шарлотта Томас, – продолжала она медленным и монотонным голосом, надеясь за ним скрыть его дрожание. – Это белая женщина шестидесяти лет и имеет диплом медицинской сестры. Восемнадцатого сентября ей была сделана резекция Майлса и колостомия по поводу рака толстой кишки. Я знаю миссис Томас с августа, когда она поступила к нам на обследование, и провела с ней много часов в разговорах до и после операции. Она всегда оставалась активной и крепкой женщиной и много раз заявляла мне, что ни за что не смирится с жизнью калеки и

не станет мучиться от боли. Еще в июле этого года она на полной ставке работала в агентстве помощи на дому.

Кристина почувствовала, что начинает заговариваться. Ее руки покрылись холодным потом. Она предчувствовала, что этот разговор с Эвелин будет не из легких, хотя утром Пег уверяла: все пройдет гладко. А ведь это лишь предварительное сообщение. Что, если они утвердят его? Что, если действительно придется...

– Мисс Билл, вы можете продолжать, – послышался в трубке голос Эвелин, но в этот момент Кристина услышала чьи-то приближающиеся шаги. Охваченная паникой, она повернула голову в сторону источника шума. – Мисс Билл? Вы меня слушаете? – спросила Эвелин.

В трех шагах стояла Дороти Дельримпл. "О Боже, что происходит, промелькнуло в голове Кристины. – Слышала ли она?"

– Мисс Билл, вы *слушаете*? – голос стал более требовательным.

– О, да, тетя Эвелин, – пробормотала она, побелевшими пальцами сжимая трубку. – Не подождете ли вы немного? Меня требует начальство. – Она положила свободную руку на подставку, но дрожь не утихала.

– Кристина, тебе плохо? – спросила Дельримпл слишком ласковым, слишком деловым тоном. – На тебе нет лица.

"Что ей ответить, – судорожно пыталась сообразить Кристина. – Как получше соврать?" – О, нет, нет, я чувствую себя чудесно, мисс Дельримпл. Это моя тетя. Моя тетя Эвелин.

– Ну если с тобой все в порядке... – проговорила старшая медсестра, пожимая плечами. – А то ты чуть не подпрыгнула до потолка, когда зазвонил телефон. Не видя тебя, я забеспокоилась и подумала, может что случилось...

Кристина не дала ей договорить, рассмеявшись через силу.

– Нет, со мной полный порядок. Дело... – в моем дяде. Сегодня ему сделали операцию, и я ждала этого звонка. Он хорошо перенес ее. – Одна ложь нагромождается на другую. Она не могла вспомнить, когда в последний раз лгала.

– Передай тете, что я рада, что все обошлось.

– Я кончу через две минуты, мисс Дельримпл, – еле слышно сказала она.

– О чем речь, говори сколько хочешь. – Дельримпл небрежно улыбнулась и направилась в глубину корпуса. Кристина подумала, что еще немного, и ей станет плохо. Листки бумаги с выписками из истории болезни Шарлотты Томас, зажатые в кулаке, слиплись в комок.

– Эвелин, вы меня слушаете? – упавшим голосом спросила Кристина.

– Да, мисс Билл. Теперь вы в состоянии говорить?

Кристина подумала: "Нет", – но вслух сказала.

– Да... да, все обошлось... то есть подождите... я приведу в порядок мои записи. – Ее пальцы отказывались повиноваться. Сперва телефонный звонок от Пег, затем тяжелая сцена с женой Джона Чепмена, после нее Шарлотта – и в довершение всего именно в этот день вышла на работу мисс Дельримпл, которая, как ни к какой другой сестре, цепляется к ней. Эти почти не связанные или даже совсем не связанные между собой события вдруг парализовали ее, воображение разыгралось и острая боль страха сдавила ей грудь и горло. Впопыхах она расправила листки, стараясь унять расшатавшиеся нервы.

– ...Так вот, она работала в агентстве помощи на дому. Я говорила это? – от звука собственного голоса Кристина почувствовала облегчение.

– Да, говорили, – терпеливо ответила Эвелин.

– О, хорошо... Так, погодите... О да... сейчас соображу. – Слова путались, а излишнее волнение мешало говорить. – Миссис Томас была на парентальном питании. Почти две недели у нее стоит подключичная система. Ей также вводят антибиотики. Кроме того, проводится почасовая легочная терапия, и постоянно подается кислород. – В этот миг она сообразила, что пропустила целую страницу. По правде говоря, она почти не помнила то, что говорила. – Эвелин... я... я кажется, что-то пропустила. Может, мне вернуться назад?

– Как знаешь, дорогая. Мы постараемся разобраться. А теперь успокойся и выкладывай остальную информацию, которая у тебя заготовлена.

Теплые слова женщины сразу благотворно подействовали на нее. Кристина глубоко вздохнула, чувствуя, как проходит огромное напряжение, сковавшее ее.

– Спасибо, – благодарно сказала она. Уверенный тон Эвелин подсказал ей, что она действует в компании с людьми, составляет частицу единой команды, даже целого движения, которое руководствуется высшими целями. И если ее роль трудна, временами вызывает страх, но и остальным сестрам не легче. В голосе Кристины впервые послышалась нотка спокойствия. – Я упустила из виду то, что сразу же после первой операции последовала вторая с целью дренажа обширного тазового абсцесса. Неделю назад у нее развилась пневмония, и прошлой ночью ей ввели носогастритную трубку для предотвращения возможной закупорки кишок.

Дрожь, правда, не прошла, но зато стало легче говорить.

– Недавно у нее образовался большой пролежень в области крестца, который причиняет ей сильную боль, поэтому врачи назначили круглосуточный прием демерола, а также обычную локальную терапию. Записи в карте по состоянию на вчерашний день показывают, что пневмония усиливается. В связи с этим ей предписана полная реанимация на случай приостановки сердца. Кажется, все, – облегченно вздохнула Кристина. Слава Богу! – Миссис Томас замужем. Имеет двоих детей и нескольких внуков и внучек. Я кончила. – Она перевела дух.

– Мисс Билл, – спросила Эвелин, – не могли бы вы сказать мне, имеется ли в ее карте документированное доказательство распространение опухоли на прочие органы?

– О, да, извините. Я пропустила целую страницу. Там был отчет рентгеновского обследования. На прошлой неделе была получена радиоизотопная сканограмма ее печени. Рентгенолог написал буквально следующее: "Множественные дефекты наполнения, типичные для данного типа опухоли".

– Когда в последний раз вы представляли нам на рассмотрение своих пациентов?

– У меня был только *один* пациент. Почти год назад. Миссис Томас мой второй случай. – «В тот раз было совсем по-другому, – подумала она. – Тогда было гораздо легче, не то, что сейчас». Она почувствовала, что не может больше стоять, и машинально огляделась в поисках стула.

– Благодарю вас за звонок, – сказала Эвелин, – и за вашу прекрасную характеристику больной. Региональный контрольный

комитет "Союза ради жизни" рассмотрит ваш случай и свяжется с вами в течение ближайших двадцати четырех часов. А тем временем, как вам должно быть известно, вы не вправе предпринимать каких-либо самостоятельных действий.

– Я понимаю.

– Да, вот еще что, мисс Билл, – прибавила Эвелин. – Как зовут врача вашего пациента?

– Ее врача?

– Да.

– Доктор Хатнер. Уоллас Хатнер, начальник хирургического отделения.

– Спасибо, – сказала Эвелин. – Мы вам позвоним.

Глава III

Дэвид Шелтон принялся нетерпеливо барабанить пальцами по подлокотнику кресла, потом решил полистать "Американский хирургический журнал" трехмесячной давности. Его возбуждение от предвкушения обхода в компании с Уолласом Хатнером несколько спало после почти сорокапятиминутного ожидания. Хатнер, должно быть, столкнулся с непредвиденным затруднением в операционной.

Какое-то время Дэвид ходил взад-вперед по безлюдной раздевалке, закрывая двери шкафов. Как ни странно, но это помогло немного успокоиться, хотя сорок пять минут в пустой комнате, где обычно переодевались хирурги, никак не вписывались в его сценарий проведения вечера.

Решив, что Хатнер забыл о нем, он снял костюм, в который облачился по случаю такого события, и надел зеленый хирургический халат, потом закрыл чехлами свои поношенные ботинки из мягкой кожи и убрал внутрь черную пластину заземления. Он хотел было переобуться в новые парусиновые ботинки, предназначавшиеся для работы в операционной, но отказался от этой мысли, опасаясь, что новая пара может создать впечатление (впрочем, вполне правдоподобное), будто бы он в последнее время не слишком часто бывал на операциях.

Ритуал переодевания немедленно и положительно сказался на его неустойчивом боевом духе. Надев бумажную маску и зажим для волос, Дэвид принялся беззаботно напевать "Девушку из Макарены" – песню о появлении на арене Мехико матадора, готового сразиться с быком, – мелодию которой он впервые услышал много лет назад.

Поймав себя на том, что он поет, Дэвид громко рассмеялся. "Шелтон, ты определенно не в себе. Похоже, что ты собрался удалять аппендикс через задницу". Остановившись перед зеркалом, он убрал выбившиеся пряди волос под шапочку и вышел в коридор.

Хирургическое отделение Диккенсона, названное в честь первого главного хирурга больницы, состоявшее из двадцати шести палат и комнат без окон, занимало весь седьмой и восьмой этажи восточного корпуса. Настенные часы, попадавшие на каждом шагу, служили

единственным намеком на то, что за пределами больницы течет жизнь. В смысле окружающей среды, политики, социального порядка, даже языка хирургическое отделение представляло собой мир внутри мира.

Будучи студентом-медиком, даже еще раньше, Дэвид мечтал стать частицей этого мира. Он любил мягкие звуки работающих машин и приглушенные голоса, эхом раздававшиеся по коридорам, многочасовое напряжение трудной операции, секунды стремительных действий, когда борьба шла в прямом смысле не на жизнь, а на смерть. И вот, второй раз в его жизни, мечте суждено воплотиться в жизнь.

Обозревая коридор, выложенный паркетом из липы, он заметил признаки активности только в двух операционных. Остальные были вычищены и подготовлены к приему первых больных утренней смены, и там не горел свет.

Дэвид загадал, что Хатнер, вероятно, находится в зале справа, – и проиграл самому себе уик-энд в Акапулько с Мерил Стрип.

– Я могу вам помочь? – встретила его в дверях другой операционной дежурная сестра в широком халате, который не в состоянии был скрыть ее мощную, как у защитника в американском футболе, конституцию. Бирюзовые глаза из-под косынки в цветочек глядели на него изучающе.

Держись уверенно, сказал себе Дэвид. Изобрази неподдельный ужас от того, что тебя не узнали. Он пытался подобрать какой-нибудь грозный ответ, когда Хатнер, склонившийся над столом, поднял голову и проговорил:

– А... Дэвид, добро пожаловать. Эдна, это доктор Шелтон. Помогите ему, пожалуйста, встать... вон там, позади доктора Брюстера. – Он кивнул в сторону врача, стоявшего по другую сторону операционного стола.

Дэвид ступил на подставку для ног и взглянул на сделанный надрез.

– Все началось с простого шва при кровоточащей язве, – пояснил Хатнер, не подозревая или по крайней мере не признавая, что он задерживается с обходом, – когда мы проникли внутрь, но я, тем не менее, решил довести до конца резекцию половины желудка и анастомоз по Билроту.

Дэвид обратил внимание на то, в каком порядке Хатнер произнес местоимения, и решил подумать об этом на досуге.

Через несколько секунд рабочий ритм, прерванный с появлением Дэвида, восстановился. Ему с первого взгляда стало ясно, что сосредоточенность Хатнера, его умение и самоконтроль – экстраординарны. Ни одного лишнего движения или слова. Ни малейшего проявления нерешительности. Несмотря на то, что в комнате находились и другие, исполняющие свои партии, он, вне всякого сомнения, был дирижером и главным солистом.

Внезапно ножницы, поданные хирургической сестрой, выскользнули из руки Хатнера и с шумом, похожим на небольшой взрыв, упали на пол. В серо-голубых глазах хирурга мелькнул гнев.

– Черт возьми, Джинни, – зло бросил он. – Поаккуратней!

Сестра замерла, затем пробормотала извинение и осторожно подала ему вторые ножницы. Глаза Дэвида чуть сузились от удивления, поскольку ему было хорошо видно, что она не виновата. Он взглянул на настенные часы. Семь тридцать. Хатнер, выходит, оперирует двенадцать часов подряд.

Через минуту Хатнер критически осмотрел результаты своей работы и повернул затекшую шею.

– О'кей, Рик, она твоя, – сказал он врачу-стажеру. – Берись за дело и доводи его до конца. Стандартная послеоперационная методика. Я не думаю, что ей потребуется аппарат, но решай сам, что делать и когда она сможет оставить послеоперационную палату. В случае чего, обращайся к доктору Шелтону. Он подменит меня, а я отправляюсь на конференцию по сосудистым болезням в Кейп-Код. Есть вопросы?

Дэвиду показалось, что в глазах хирургической сестры он уловил возросший интерес. Реальный или воображаемый, этот взгляд немедленно возродил в нем возбуждение, связанное с тем, что готовят ему ближайшие три дня.

Хатнер отошел от стола, одним движением освободился от перепачканного кровью халата и перчаток и направился в" комнату отдыха. Следом за ним вышел Дэвид. Вместо того, чтобы рухнуть в ближайшее мягкое кресло, как предполагал Дэвид, Хатнер приблизился к своему шкафу и вытащил трубку с кисетом. Он набил пеньковую трубку тонкой работы и раскурил ее, и только тогда опустился в кожаное кресло. Затем движением руки пригласил Дэвида сесть на софу.

– Тернбуллу следовало бы направить на операцию эту женщину два дня назад, – проговорил он, имея в виду терапевта, который не сумел остановить кровотечение язвы. – Наверняка мне не пришлось бы браться за нее, поступи он так. – Хатнер закрыл глаза и принялся потирать нос тщательно наманикюрованными, изящными пальцами.

Шестидесяти с небольшим лет, высокий, угловатый, с темными, посеребренными на висках волосами Хатнер в мельчайших деталях напоминал одного из тех патрициев, которых так любят изображать газеты и журналы.

– Я слышал много хорошего о твоей работе от сестер из операционной, Дэвид, – сказал Хатнер с ярко выраженным акцентом жителя Новой Англии.

Приятные вещи... Дэвид несколько секунд оценивал комплимент. Это было реакцией, выработанной почти восемью годами общения со снисходительными журналистами и притворно заботливыми коллегами. Дэвиду не нравилась эта черта в людях, но ничего не поделаешь. Однако он был уверен, что Хатнер льстит искренне.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Но, если вы заметили, меня не все знают. Я хочу сказать, что нельзя судить по одной операции за две-три недели. – Его слова не прозвучали упреком, это было простое изложение факта. Дэвид знал, что Хатнер может совершить в пятнадцать раз больше тяжелых операций, чем он.

– Терпение, Дэвид, терпение, – заметил Хатнер. – Ты помнишь, что я говорил тебе, когда ты пришел ко мне устраиваться на работу? Помни, врачей постоянно возносят на пьедестал, поэтому они постоянно находятся под тщательным наблюдением. – Он медленно пошевелил пальцами, подбирая слова. – Проблемы, такие как... а... с которыми столкнулся ты, не легко забываются в медицинских кругах. Они говорят о твоей странности, а многим докторам это не нравится. Просто делай свою работу хорошо и добросовестно, как ты привык делать, и пациенты пойдут. – С видом архиепископа он откинулся назад, держа трубку в ладонях.

– Надеюсь, – усмехнулся Дэвид. – Я хочу сказать, что очень благодарен вам за ваше доверие и признание. Лично для меня это очень много значит.

Хатнер отмахнулся от комплимента, хотя по выражению его лица можно было догадаться, что он его ждал и хотел услышать.

– Ерунда. Это я должен тебя благодарить. У меня камень с души свалился, когда я узнал, что мои пациенты попадут к такому энергичному и талантливому молодому турку, который присмотрит за ними во время моего отсутствия. Насколько я помню, ты проходил подготовку в Белом мемориале, не так ли?

– Да, сэр, когда-то я был там главным.

– Я так и не смог вписаться в их программу, – пробормотал, покачивая головой, Хатнер, что можно было принять за легкую зависть. – И зови меня просто Уолли. Я этими "сэрами" сыт по горло каждый день. Они годятся разве что для двора короля Артура.

Дэвид кивнул, улыбнулся и едва сдержался, чтобы в очередной раз не произнести "да, сэр".

Хатнер вскочил на ноги.

– Быстро приму душ и введу потом тебя в курс дела. – Он бросил испачканный халат в парусиновую корзину, вынул журнал из ящика и протянул его Дэвиду. – Взгляни на мою статью о радикальной хирургии при метастизирующей опухоли молочной железы. Мне интересно узнать твое мнение.

С этими словами он направился в душевую и прежде, чем повернуть кран, прокричал:

– Ты играешь в теннис, Дэвид? Мы могли бы встретиться и немного поиграть, пока погода совсем не испортилась.

– Со штангой я справляюсь лучше, – тихо, чтобы не услышал Хатнер, произнес Дэвид и принялся просматривать статью. Напечатанная в малоизвестном журнале, она отстаивала новые принципы оперирования груди, яичников и надпочечников у пациентов с широко распространенным раком груди. В самой концепции ничего революционного не было. В отдельных случаях она уже применялась. Однако, какой бы ужасной ни была болезнь, обнародование в официальном издании радикального метода лечения, дополняемого таблицами выживания, покорило Дэвида. Выживания. Не в это ли все упирается? Он захлопнул журнал и сунул его обратно в ящик Хатнера.

Радиочасы пробили восемь, возвещая о том, что время посещения больных вышло, когда два хирурга принялись совершать обход по западному корпусу. Ранее Дэвид уже успел посетить своих больных: десятилетнего мальчика с грыжей и Эдвину Берроуз, сорокалетнюю

женщину, у которой после работы на фабрике и четырех беременностей развилось варикозное расширение вен, и ее ноги превратились в некое подобие искривленных и перекрученных корней бенгальской смоковницы.

В разных корпусах больницы у Уолласа Хатнера было около тридцати больных. И почти все перенесли сложные операции. Появление Хатнера на каждом этаже оказывало магическое воздействие. Шутки у поста медицинских сестер прекращались. Голоса звучали тише. Старшие сестры мгновенно материализовались и с картами больных сопровождали их по палатам. Ответы на резкие вопросы главного хирурга звучали односложно или же, наоборот; выражались в безудержном нервном потоке, перегруженном информацией. Все это время Хатнер сохранял изысканные манеры, быстро переходя от одной койки к другой, не проявляя ни малейшего признака усталости, которая могла свалить с ног любого. Этот человек уникален, был вынужден признать Дэвид. Феномен.

Мало помалу выработалась удобная схема обхода. Хатнер позволял старшей медсестре доводить их до дверей палаты, затем брал из ее рук карту и подходил к кровати очередного больного. За ним следовал Дэвид, старшая и палатная медсестры. После чего Хатнер передавал нераскрытую карту Дэвиду, представлял его больному и кратко описывал историю болезни, объясняя в предельно сжатой форме последующий курс лечения на такой смеси профессионального жаргона, который был понятен только медицинскому работнику.

В заключение он проводил беглое обследование больного, а в это время Дэвид листал карту и заносил в отрывной блокнот соответствующие лабораторные данные вместе с замечаниями Хатнера по поводу лечения того или иного пациента. В основном он старался держаться в тени, говоря только тогда, когда к нему обращались, и сводя свои вопросы к минимуму.

Время от времени он поглядывал на Хатнера. Судя по всему, тот был доволен, что его подопечные попали в надежные руки. Однако вскоре Дэвид забеспокоился. Несмотря на легенды, которые создавались вокруг его имени, и неоспоримую, а, вероятно, и беспрецедентную виртуозность хирурга, Уолласа Хатнера отличала небрежность в записях историй болезни, они страдали чрезмерной краткостью и отсутствием нужной информации; некоторые

лабораторные результаты оставались без внимания по пять-шесть дней, прежде чем он обращал на них внимание и требовал проведения повторной проверки. Мелочи. Несущественные детали. Но в них прослеживалась определенная система. Такого рода небрежность не отражалась на каждом больном, но в итоге приводила к тому, что кому-то пришлось пролежать в больнице больше положенного срока, второму потребовалась повторная операция, а для третьего дело окончилось и вовсе смертью.

Он должен знать, сказал самому себе Дэвид. Он все знает, но пока не нашел способ, как устранить эти проблемы. И дело здесь не в отсутствии гордости, щепетильности или умения... У Хатнера все три свойства были налицо. Этот человек просто загоняет себя, решил Дэвид. Слишком много работы. Слишком много комитетов, групп и обязательных занятий. Как одному успеть втиснуть такую уйму обязанностей в один единственный день? Рано или поздно ему придется очертить для себя границы, пойти на компромисс или же... искать помощи. Может быть, Лорен права, пришел он к неожиданному выводу. Может быть, Хатнер *подыскивает* себе преемника. Или, может быть, усмехнулся Дэвид, Хатнер остановил на нем свой выбор, полагая, что из всех хирургов больницы, он, как никто другой, склонен не заметить эти неадекватности. Впрочем, неважно. Эти оплошности и упущения незначительны. В ближайшее время он тщательно просмотрит все карты и исправит все, что можно исправить.

Придержи свой язык, мысленно приказал он себе. Осталось совсем мало больных, и ты потом будешь предоставлен самому себе.

Спустя пять минут решение Дэвида не высовываться было сильно поколеблено. Следующим больным оказался Энтон Мерчадо, мужчина лет шестидесяти, работавший на рыболовном судне. Он попал в больницу месяц назад по поводу образования в брюшной полости неопасной массы. Хатнер дренажировал ее и сделал иссечение кисты на поджелудочной железе. Мерчадо быстро пошел на поправку, но затем у него начали проявляться симптомы инфекции верхних дыхательных путей. Хатнер по телефону прописал ему тетрациклин – широко используемый в таких случаях антибиотик.

Состояние больного, должно быть, улучшилось, решил Дэвид, поскольку это лекарство в записях Хатнера нигде больше не

упоминалось. Однако распоряжения об его отмене также не приводилось. Фактически он принимал его почти две недели.

Торопясь поскорее завершить обход, Хатнер в двух словах описал, что творится с сердцем, легкими и животом Мерчадо. Дэвид стоял рядом, больше вникая в содержание карты, чем в то, что говорит главный хирург.

За день до того, как должны были выписать Мерчадо из больницы, у него открылся сильный понос. Сперва Хатнер решил, что это вирусный энтерит, однако через несколько дней его состояние ухудшилось, а при простом вирусном энтерите этого не должно происходить, и появились первые признаки обезвоживания.

Дэвид мельком просмотрел записи о ходе болезни и перешел к результатам лабораторного исследования. Возрастающее беспокойство Хатнера каждый день выражалось в увеличении количества распоряжений по проведению новых лабораторных анализов и диагностических процедур – все напрасно. Предпринимались отчаянные усилия по нормализации состояния Мерчадо, но стало ясно, что этот мужчина обречен.

При детальном ознакомлении с историей болезни у Дэвида зародилось одно предположение. Он поспешно принялся листать страницы лабораторных отчетов, отыскивая результаты анализа посева испражнений, который проводился несколько дней подряд.

– Итак, что вы скажете? – спросил Хатнер, оборачиваясь к Дэвиду. – Дэвид...

– О, извините, – смущенно произнес Дэвид, поднимая голову. – Я заметил, что он все еще на тетрациклине и собирался выяснить, не привело ли это к *staph colitus*. Такое случается не часто, но...

– Тетрациклин? – оборвал его Хатнер. – Я же отменил его несколько дней назад. Выходит, они продолжают давать его?

Стоящая за спиной Хатнера дежурная сестра энергично закивала головою.

– Ну да ладно, – нерешительно заметил Хатнер.

Дэвид чуть было не спросил его, действительно ли он отменил это лекарство или только собирался сделать это.

– Результаты анализов оказались негативными. Почему бы тебе не распорядиться об отмене тетрациклина. Впрочем, если хочешь, можно исследовать еще одну культуру.

Дэвид собирался согласиться, но в следующее мгновение он заметил большую распечатку компьютера, в которой перечислялись все результаты, полученные в отношении данного пациента по состоянию на сегодняшний день. В частности было указано следующее:

9/24 параметры стула

Умеренный рост, s. aureus

Повышенная чувствительность

Staphaureus наиболее вирулентная форма бактерий. Дэвид закрыл глаза, надеясь, что когда откроет, то эти слова исчезнут. С полминуты он колебался, но потом решил ничего не говорить о сделанном открытии и исправить положение потом. Неизвестно, сколько бы продолжалось это колебание, если бы Хатнер не спросил:

– В чем дело, Дэвид? Ты что-то раскопал?

"Проклятье!" – выругался про себя Дэвид. Ему на ум пришло с десяток возможных ответов, но, поразмыслив, он все их отверг. Он еще намучается с этим делом, от которого никуда не денешься. Краем глаза он заметил, что две сестры замерли, как статуи, у края кровати. Догадываются ли они, что в ближайшие часы успех его вечернего дежурства, а, возможно, и вся карьера, поставлены на карту?

Дальше происходящее Дэвид воспринимал как в странном сне. Рука медленно протянула карту Мерчадо Хатнеру, и палец, указывающий на отвратительную и обезличенную строку, казался принадлежащим не ему, а кому-то другому.

Глаза Хатнера гневно устремились на операционную сестру, потом они встретились с глазами Дэвида и снова сверкнули в сторону бедной женщины.

– Миссис Байэрд, – прорычал он, тыча картой в палатную сестру, – я хочу знать, кто отвечает за то, что не обратил мое внимание вот на это. Кто бы это ни был, сестра или секретарь, в понедельник утром чтобы она была у меня в офисе. Ясно?

Дородная сестра, ветеран, повидавшая на своем веку немало больничных разборок, взглянула на страницу, затем пожала плечами и кивнула головой. Дэвид подумал, а дойдет ли до конца Хатнер в своей попытке отыскать козла отпущения.

– Идем, доктор Шелтон, – коротко попросил Хатнер. – Уже поздно, а у нас еще уйма больных.

Было почти десять часов, когда они прибыли на Юг-4, чтобы осмотреть последнюю больную Хатнера – Шарлотту Томас. Впервые за весь вечер Хатнер отклонился от привычной схемы обхода. Взяв карту из рук дежурной сестры, он сказал:

– Пойдем в комнату отдыха сестер, Дэвид. Нас ждет мой самый трудный пациент. Я хотел бы поговорить перед тем, как отправиться к ней. Может быть, кто-нибудь принесет нам по чашке кофе. – Последняя фраза явно адресовалась к сестре, которая молчаливо улыбнулась. – Мне послабее и без сахара, а доктору Шелтону?..

– Покрепче, – попросил Дэвид.

– Прошу, доктор, – произнес Хатнер, усаживаясь и пододвигая карту стационарного больного Дэвиду. – Полистай; пока готовят кофе.

Взглянув на объемистый фолиант, даже не читая его, Дэвид сразу понял, что дела Шарлотты Томас плохи. Он вспомнил о своей стажировке и высоком худом ньюйоркце по имени Джеральд Фокс, пришедшем на практику годом раньше. Этот Фокс достиг бессмертия, по крайней мере в больнице Белого мемориала, размножив на ксероксе "Золотые законы медицины Фокса" – перечень из трех страниц с циничными максимами и определениями. Среди его аксиом было определение сложного случая ("Когда суммарные диаметры всех трубок, входящих в тело больного, превышают размер его шляпы"), гинеколога ("Любимец старых кумушек") и фатальной болезни ("Больничная карта толщиной с палец").

Кофе прибыл, когда Дэвид принялся читать историю госпитализации и физического обследования, и до него донеслось:

– А... мисс Билл, спасибо. Вы милосердная душа.

Он оторвал взгляд от карты. Это была не та сестра, к кому до этого обращался Хатнер, а очень молодая женщина, которую Дэвид никогда прежде не видел или на которую, по крайней мере, не обращал внимания. В течение пяти секунд он ничего не замечал, кроме ее огромных миндалевидных глаз цвета жженой умбры. Он ощутил, как по телу разливается приятная теплота. Их глаза встретились, и она улыбнулась.

– Значит, вы снова с нашей леди Шарлоттой? – спросил Хатнер, замечая наступившую продолжительную паузу.

– А... о, да, – Кристина тихо отвела глаза и повернулась к Хатнеру. – Она плохо выглядит. Я вызвалась принести кофе, поскольку хотела поговорить с вами о...

– Как, однако, это невежливо с моей стороны, – прервал ее Хатнер. – Мисс Билл, это доктор Дэвид Шелтон. Возможно, вы уже знакомы?

– Нет, – холодно возразила Кристина. Она прекрасно знала о том, что главный хирург не терпит, когда сестры высказывают ему свои мнения и предложения. За многие годы, проведенные в работе с ним, она давно отказалась от попыток пробить стену лбом. Но случай с Шарлоттой особый, и попытка не пытка. Если бы Хатнер только согласился отменить свои инвазивные методы лечения, она постаралась бы тоже не вмешиваться, даже если контрольный комитет утвердит ее предложение. Но вот она сделала попытку, и он однозначно осадил ее... на этот раз довольно сдержанно, хотя и неумно. Но она решительно настроилась на то, чтобы высказать ему все, что думает. Это *его* трубка торчит в носу Шарлотты. Это он отдал распоряжение, которое, несмотря ни на что, только продлит ее страдания. Он, конечно, может играть с больными как с марионетками, но с Шарлоттой такой номер не пройдет. Ему придется выслушать ее... иначе она оборвет все нити, которые связывают их. Она проглотила обиду, костью застрявшую в горле, и смолчала.

– Доктор Шелтон, – продолжал Хатнер, не улавливая в ее голосе холода, – займется моими пациентами, включая миссис Томас, пока я буду отсутствовать.

Кристина кивнула Дэvidу и подумала, хватит ли у него решимости отойти от чересчур радикального подхода в отношении Шарлотты, но тут же подумала, что старший хирург ни за что не отступит от своего.

– Доктор Хатнер, – официально обратилась она к нему, – не могла бы я обсудить с вами положение Шарлотты.

Хатнер посмотрел на свои наручные часы и сказал:

– Замечательно, мисс Билл, но только после того, как мы пробежим историю ее болезни и осмотрим Шарлотту. После этого вот здесь вы все сможете обговорить с доктором Шелтоном. К тому времени он будет точно знать, чего я хочу.

Хатнер быстро отвел глаза в сторону, сторонясь ее убийственного взгляда. Дэвид смущенно пожал плечами, но Кристина уже повернулась и вышла из комнаты.

Хатнер отпил кофе и как ни в чем не бывало начал рассказывать о трудной больной.

– Миссис Томас – дипломированная медсестра. Думаю, ей под шестьдесят. – Дэвид бросил взгляд на карту и увидел дату ее рождения. Ей был почти шестьдесят один год. – Ее муж, Питер, профессор Гарвардского университета. Экономист. Ее направил ко мне терапевт с подозрением на рак прямой кишки. Несколько недель назад я провел у нее резекцию Майлса. Опухоль оказалась аденокарциномой, вышедшей за стенки кишечника.

– Однако я вынул все узлы негативного характера, – продолжал Хатнер. – Я надеюсь, есть немало шансов на то, что от моей чистки она поправится.

Дэвид оторвался от кофейного пятна на столе, по которому он рассеянно водил большим пальцем. Процент выживания в течение пяти лет после удаления прямой кишки составляет менее 20. Шанс? Вероятно. "Немало шансов"? Он откинулся на спинку кресла и подумал, а не попросить ли Хатнера, чтобы он привел причины своего оптимизма. Впрочем, благоразумней его вообще ни о чем не спрашивать.

Удобно укутавшись в одеяло из собственных слов, Хатнер продолжал свой рассказ.

– Как часто в работе с младшим персоналом после операции оправдываются самые худшие опасения. Сперва тазовый абсцесс... пришлось снова браться за дело и проводить дренаж. Затем пневмония. Дальше – страшная язва в результате пролежня в области крестца. А вчера у нее развились признаки закупорки кишечника, так что пришлось вставить трубку. Кажется, это устранило проблему, и у меня такое чувство, что худшее позади.

Хатнер положил руки на стол, давая понять, что разговор окончен. Его правый глаз начал еле заметно подергиваться. Этот человек совершенно истощен, подумал Дэвид. Чтобы преодолеть неловкость и чем-то заняться, а не просто глазеть на сидящего напротив коллегу, Дэвид вернул ему карту.

– А что если потребуется оперировать кишечник? – спросил он, заранее молясь, чтобы этого не произошло.

– Ну что же, тогда тебе придется взяться за дело. Все теперь будет зависеть от тебя самого, – довольно язвительным тоном ответил Хатнер.

Больше никаких вопросов, твердо решил Дэвид. Если хочешь что-то узнать, доходи до всего своим умом. Надо только пережить этот вечер.

Но в следующую секунду перед ним встала еще одна потенциальная проблема. Он попытался выбросить ее из головы, но потом понял, что без Хатнера не обойтись. Его решимость затрещала по швам и лопнула.

– А если у нее остановится сердце? – тихо спросил он.

– Черт возьми, доктор, никакой остановки не должно быть, – резко, с пугающим темпераментом, заявил Хатнер. Затем, чувствуя, что вспышка гнева тут неуместна, глубоко вздохнул, медленно выдохнул и добавил: – Хотелось бы надеяться, что ее не будет. Но если она случится, я требую задействовать правило девяносто девять, включая трахеальную интубацию и респиратор, если понадобится. Ясно?

– Ясно, – сказал Дэвид. – Он снова уставился на карту. Какие бы критические замечания не раздавались в адрес Уолласа Хатнера, упрекнуть в неправильном лечении Шарлотты Томас ни у кого не повернулся бы язык. Были потрачены уже тысячи долларов на лабораторные исследования, больничный уход и радиологическое обследование. Вместе с тем, по крайней мере, на бумаге для этой женщины "самое худшее" далеко не позади.

– Не пора ли нам к пациенту? – в голосе Хатнера прозвучал скорее приказ, чем приглашение.

Дэвид хотел было подняться, как вдруг ему на глаза попала расшифровка снимка сканирования печени Шарлотты. "Множественные дефекты наполнения, типичные для данного типа опухоли". Он буквально онемел, прочитав эти слова. Ему почти не доводилось слышать, чтобы больной протянул так долго после того, как рак прямой кишки перешел на печень. Разумеется, при такого рода рассеянной болезни никоим образом нельзя было оправдать инвазивное лечение, предписанное для Шарлотты Томас. И если, как в

случае с Мерчадо, и это ускользнуло от внимания Хатнера, то как можно после этого доверять ему?

– Что на этот раз, доктор? – ехидно спросил Хатнер.

– О... пожалуй, ничего, – ответил Дэвид, желая в этот момент очутиться в каком-нибудь другом месте. – Я... э... я просто наткнулся на этот отчет о снимке скандирования ее печени.

– Ха! – воскликнул Хатнер. – "Множественные дефекты наполнения, типичные для данного типа опухоли", правильно? – Внезапно он широко улыбнулся, впервые за весь вечер. – Взгляни на фамилию рентгенолога, который готовил этот отчет – Г. Рыбицки, притча во языцех в медицинской радиологии. Он точно также прочитал снимок, который мы сделали перед операцией, поэтому я самым осторожным образом обследовал ее печень в операционной. Даже послал на биопсию. Это киста, Дэвид. Множественная, врожденная, абсолютно доброкачественная киста. – Я пошел даже на то, чтобы отправить этому Рыбицки копию отчета о патологии, – продолжал Хатнер. – Скорее всего, он на него даже не взглянул, потому что продолжал гнуть свое. Может быть, его отчет лучше выдрать из карты. – Он скомкал листок бумаги и швырнул его в корзину. – А теперь, если у тебя нет больше вопросов, отправляемся к нашей женщине.

– Вопросов больше нет, ваша честь. – Дэвид покачал головой от изумления и улыбнулся, благодарный за то, что соскользнул с крючка. В широкой улыбке Хатнера было что-то такое, что окончательно развеяло все опасения Дэвида в отношении этого человека.

Плечо к плечу они вышли в коридор корпуса Юг-4 и зашагали в направлении палаты 412.

Глава IV

Единственным источником освещения в палате 412 служила – образная лечебная лампа, направленная чуть выше обнаженных ягодич Шарлотты Томас. Широким шагом Хатнер в сопровождении Дэвида приблизился к кровати и отодвинул в сторону лампу. На миг он оцепенел, потом немного отошел от столбняка. Пораженный и немного заинтригованный Дэвид подавил улыбку, заметив такую странную реакцию именитого коллеги, но тут же понял причину его поведения. Пролежень, который Хатнер описал как "страшный", оказался воистину ужасным и представлял собой зияющую дырку шириной дюймов шесть. Стенками служили сырые мускулы, покрытые белой припаркой. Крестцовая кость размером с крупную монету торчала из центра отверстия.

Хатнер передернул плечами, как бы говоря: "В нашей работе встречается всякое, верно?"

Дэвид хотел было что-то ответить, но в конце концов только потрянул головой. Ему приходилось видеть пролежни и раны неисчислимое количество раз в самых различных обстоятельствах, но такое...

– Это доктор Хатнер, Шарлотта, – проговорил хирург, отключая лампу и включая светильник с мягким искусственным светом, который висел над ее головой. Он прикрыл простыней ее поясницу и перешел на другую сторону кровати. Дэвид последовал за ним следом, глядя на мешки для внутривенного вливания и ремни, удерживающие ее в одном положении, мочеточниковый катетер, змеившийся из-под простыни, аспирационные и кислородные трубки. Он знал об их назначении и спокойно воспринимал их присутствие, ни о чем особенно не задумываясь. Для него они были такими же подручными средствами, как гигантские тарелки-светильники и разнообразный стальной инструмент в операционной.

В первые мгновения одно особенно его поразило в миссис Томас – пустота лица, некая статическая бездушная аура вокруг ее влажных глаз, которые сквозь мягкий свет внимательно наблюдали за ним. Да ее дыхание – ритмические всхлипывания – было лишено наполненности.

Дэвид подумал, что Шарлотта Томас одной ногой уже стоит в могиле, потеряв веру в жизнь, потеряв тот запас энергии, который необходим для того, чтобы преодолеть болезнь, угрожающую ее жизни. Та искра, которая часто является единственным различием между медицинским чудом и статистикой смертности, потухла.

Интересно, спросил себя Дэвид, видит ли Хатнер то же, что и он, ощущает ли ту же пустоту. Как бы отвечая на его мысленный вопрос, высокий хирург склонился на колени, приподнял голову Шарлотты и повернул так, чтобы она могла смотреть ему прямо в лицо. С минуту они оставались в таком положении... доктор и пациент, застывшие, словно изваяния. Дэвид, стоявший поодаль, почувствовал, как к горлу опять подкатывает комок. Нежность Хатнера была столь искренна, сколь и удивительна. Еще одна грань, сверкнувшая с такой странной калейдоскопической быстротой в этом человеке.

– Чувствуем себя сегодня не самым лучшим образом, а? – наконец спросил Хатнер.

Шарлотта скривила губы в безуспешной попытке улыбнуться и покачала головой. Хатнер убрал прядь ее волос со лба и осторожно провел рукой по щеке.

– Сегодня у нас за много дней температура почти нормальная. Я думаю, что мы справимся с этой вашей инфекцией в груди, – продолжал он, тщательно перемежая ободряющие новости с вопросами, на которые следовали неутешительные ответы. – Спина все также сильно болит? – Снова покачивание головы. – Если дела пойдут так, как я предполагал, то мы сможем через пару дней вынуть эту трубку из носа. Я понимаю, как она вас раздражает. Ну а уж если я повернул вас, дайте-ка я вас послушаю, а потом мы повернемся на спину, чтобы узнать, нет ли в вашем животе новых шумов.

Он быстро осмотрел ее, затем взглянув на уровень жидкостей во внутренних мешках и в цилиндре катетерного дренажа, мягко и настойчиво произнес: – Вы должны преодолеть это, Шарлотта. Поверьте мне.

На этот раз Шарлотте удалось изобразить скорбную улыбку, которая сопровождала ее отрицательный ответ.

– Пожалуйста, будьте терпеливы, верьте и продержитесь еще немного, – умоляющим голосом произнес Хатнер. – Поверьте, я знаю, какую боль вы испытываете. Во многих отношениях для меня она так

же ужасна, как и для вас. Но мне также известно, что мало помалу худшее остается позади. Пройдет совсем немного времени, и вы будете красить губы, готовясь к встрече с вашими чудесными внуками, о которых вы мне столько рассказывали. – Он замолчал. В наступившей тишине Дэвид впился взглядом в лицо мужчины. Его брови сошлись вместе, а подбородок резко выступил вперед. Казалось, одним усилием воли он старался передать ей энергию своих слов и надежды. Женщина никак не реагировала. – О Боже, совсем забыл, – пробормотал Хатнер. – Шарлотта, я приготовил вам сюрприз. Нетрудно догадаться, насколько за последнее время вам надоела моя ухмыляющаяся физиономия. Так вот, вы избавляетесь от нее. Я на несколько дней отправляюсь в Кейп-Код на конференцию. Этот молодой симпатичный доктор подменит меня. Он много лет проработал главным стажером в Белом мемориале. А мне даже не удалось попасть к ним в интернатуру. Его зовут Дэвид Шелтон. – Хатнер жестом руки показал, чтобы Дэвид приблизился к изголовью кровати.

Дэвид, заняв место Хатнера, положил руки на простыню и опустил на них подбородок совсем близко от головы Шарлотты. Прошла почти вечность, прежде, чем она осмысленно взглянула на него.

– Я Дэвид, миссис Томас. Здравствуйте, – сказал он, и тут же поймал себя на том, что она уже несколько раз ответила на его неуместное приветствие. – Что вам нужно в данный момент? Что я могу для вас сделать? – Он подождал, пока не убедился в том, что она не хочет говорить, и собрался было встать с колен, как вдруг Шарлотта Томас вытянула высохшую посиневшую руку и с удивительной силой схватила его.

– Доктор Шелтон, пожалуйста, выслушайте меня, – попросила она хриплым, срывающимся и, вместе с тем, достаточно сильным голосом. – Доктор Хатнер замечательный мужчина и замечательный врач. Он так хочет мне помочь. Но я больше не хочу, чтобы мне помогали. У меня одна просьба – выньте из меня эти трубки и дайте спокойно уснуть. Прошу вас. Они меня так мучают. Это настоящий кошмар. Убедите его.

Ее глаза на миг вспыхнули и закрылись. Глубоко вздохнув, она тяжело откинула голову на подушку. Дыхание замедлилось. Дэвиду

почудилось, что оно совсем прекратилось, но через минуту раздался размеренный тихий храп.

Дэвида хватило только на то, чтобы прошептать.

– Все будет хорошо, миссис Томас. – Затем Хатнер подхватил его под руку и вывел из палаты.

Выйдя в коридор, они уставились друг на друга. Хатнер первым нарушил молчание.

– Тяжелый выдался сегодня вечер, что скажешь? – спросил он, печально улыбаясь.

– Да, – протянул Дэвид, водя ногой по полу. Ему хотелось излить душу, но мешал проклятый страх предстать перед этим человеком малодушным.

– Дэвид, – сказал Хатнер, вглядываясь ему в лицо, – никогда не забывай, что многие пациенты с серьезными болезнями выражают желание умереть, находясь на самом краю. Я повидал всякое и встречал больных похлеще Шарлотты Томас. Эта женщина должна выкарабкаться. В случае чего прибегай к инвазии или правилу девяносто девять. Понял?

– Да, сэр... то есть, да, Уолли, – механически поправился Дэвид, припоминая, когда в последний раз видел шестидесятилетнего пациента, выздоравливающего после такой же тяжелой болезни, как та, которая обрушилась на Шарлотту Томас.

– Значит, договорились, – радостно улыбнулся Хатнер, довольный тем, что его правильно поняли. – Пойдем вместе, назначим курс лечения этой женщине, и считай, что наш рабочий день окончен.

Проходя мимо поста медсестер, Дэвид загадал, что купит гитару и станет ходить на шестимесячные курсы, если за его дежурство не случится ничего сверхкритического.

Не успели они сделать и двух шагов, как солидный мужчина, облаченный в водолазку и твидовый спортивный пиджак, вышел из комнаты для посетителей, расположенной в дальнем конце коридора, и направился прямо к ним. Он был в тридцати шагах, когда Дэвид пришел к убеждению, что проиграл очередное пари в соревновании с собой. Ярость этого торопливо шагающего человека выразалась в пунцовых щеках, крепко сжатых, побелевших губах, и в энергичном размахивании руками со стиснутыми кулаками.

Дэвид взглянул на Хатнера, лицо которого не выражало никаких эмоций.

– Профессор Томас? – шепотом спросил он.

Хатнер чуть кивнул и двинулся дальше. Дэвид замедлил шаги, наблюдая, как в середине коридора, словно на рыцарском турнире, сходятся два бойца. Трибунами в данном случае служит пост медсестер, где несколько сестер, санитарка и секретарша отделения в немом восхищении следили за разворачивающимся противостоянием научных светил.

– Доктор Хатнер, что, черт возьми, здесь происходит? – заорал Томас. – Вы же сказали мне, что не будет больше никаких трубок! Я прихожу и вижу – из носа моей жены торчит красный резиновый шланг, соединенный с какой-то проклятой машиной!

– Профессор Томас, профессор Томас, – не повышая голоса проговорил Хатнер, – минуточку спокойствия. Прошлой ночью я пытался дозвониться до вас, чтобы ввести в курс дела, но никто не отвечал. Давайте пройдем в комнату для посетителей, и я подробно все объясню.

Однако Томаса было не так-то легко успокоить.

– Нет, мы все выясним на глазах у этих людей, которые будут моими свидетелями. – Он ткнул пальцем в сторону галереи. – Я обратился к вам по поводу Шарлотты, поскольку наш домашний доктор заверил меня, что вы лучший из врачей. Для меня лучший это не только лучший в операционной, но также лучший в уходе за моей женой... человеческим существом, а не бесчувственным куском... *мертвечины!*

Голос Питера Томаса звучал с пугающей силой и болью. На посту медсестер Кристина Билл осторожно повернула голову к Джанет Поулос, старшей вечерней сестре. Поулос бесстрастно встретила ее взгляд, но затем едва заметно кивнула. Это была стройная женщина лет на десять старше Кристины. Ее черные, как уголь, волосы были собраны в тугий пучок, подчеркивая тонкие черты лица и темные кошачьи глаза. Ниточка шрама, тянущаяся вдоль носа, превращала ее милую улыбку в немного презрительную гримасу, и это, несомненно, способствовало тому, что среди младшего обслуживающего персонала за ней закрепилась репутация непреклонной и лишенной юмора женщины.

Кристина увидела ее в совершенно другом свете, так как именно Джанет способствовала ее вступлению в "Союз сестер милосердия". Это движение было покрыто такой пеленой таинственности, что Джанет оставалась единственным членом "Союза", которого она знала в лицо и по имени. Многозначительный наклон головы служил подтверждением того, что Поулос тоже соответствующим образом оценивает драму, разворачивающуюся перед ними.

– Хорошо, профессор, – с ноткой раздражения в голосе сказал Хатнер. – Если вы так хотите, можно поговорить прямо здесь. У вас есть еще что сказать или вы хотите точно знать, что происходит с Шарлоттой?

– Продолжайте, – буркнул Томас, разжимая кулаки и облокачиваясь на высокую стойку, за которой сидела совершенно ошарашенная секретарша отделения.

Со снисходительным терпением того, кто уверен, что рано или поздно все равно одержит победу, Хатнер обстоятельно описал события, заставившие его принять решение использовать трубку для дренажа кишечника Шарлотты Томас. Затем более мягко он добавил:

– На первый взгляд это незаметно, но наше лечение начинает приносить свои плоды. В самое ближайшее время кризис должен быть преодолен.

Питер Томас опустил голову и повернулся, чтобы уйти. В этот момент Дэвиду показалось, что Хатнер все-таки убедил этого человека, но затем Томас медленно поднял голову, откинул ее назад и проговорил. – Доктор Хатнер, я считаю, что моя жена умирает. Я убежден в этом и признаю это. Я также убежден, что в результате того, что вы называете *лечением*, она умирает медленной смертью даже без малейшего намека на человеческое достоинство. Я требую вытащить эти трубки.

Сидевшая за рабочим столом сестра что-то возбужденно зашептала женщине, стоявшей рядом. Взглядом, от которого потух бы и вулкан, Хатнер заставил замолчать ее.

Мгновенно, почти по-театральному изменив выражение лица, он снова повернулся к Питеру Томасу и, улыбаясь, уверенно продолжал:

– Профессор, пожалуйста, поверьте, что я разделяю ваши чувства, но поймите и мое положение, и мою ответственность. Мы уже говорили об этом, когда вы привели в мой офис Шарлотту, и вы

согласились, что ее лечить буду только я: Я предложил проконсультироваться с другими специалистами, но вы заявили, что в том нет необходимости. И вот теперь вы ставите под сомнение мой курс лечения. Так вот, мы сейчас же прибегнем к независимому третьему мнению. – Хатнер указал на Дэвида. – Это доктор Дэвид, замечательный молодой хирург, который был главным стажером в Белом мемориале. Мы только что самым тщательным образом осмотрели Шарлотту в связи с тем, что доктор Шелтон подменит меня на несколько дней. Дэвид, это Питер Томас. Скажи ему, что ты думаешь о Шарлотте.

Дэвид протянул руку, и Томас неуверенно ее пожал. Пока они стояли и оценивали один другого, Томас заметно успокоился.

– Итак, доктор Шелтон, – наконец произнес он, – каковы по *вашему* мнению шансы моей жены?

Дэвид моментально опустил голову и закрыл глаза. Где-то в глубине мозга голос шептал ему, что если он так простоит еще пять минут, то зазвонит будильник и разбудит его. Не без труда он открыл глаза и в упор посмотрел на Томаса.

– Мистер Томас, я только бегло ознакомился с историей болезни вашей жены и ее самое вижу впервые, – осторожно начал Дэвис. – В данный момент мне невозможно точно оценить ситуацию в целом.

Томас открыл рот, собираясь заявить, что, по его мнению, это неадекватный ответ на его вопрос, но движением руки Дэвид остановил его и продолжал, надеясь, что не выдаст своим тоном нежелание говорить на эту тему.

– Однако должен заметить вам, что я вижу в ней женщину, находящуюся в критическом состоянии. Ее шансы на выживание зависят не только от наилучшего медицинского лечения и ухода, который, кстати, она, безусловно, получает, но также и от ее желания пройти через это. Здесь для меня еще много неясного. Это желание должно исходить не только от нее самой, но и от вас, и от доктора Хатнера, и от всех тех, кто любит ее и заботится о ней. – Я понимаю, – вдохновенно продолжал Дэвид, – что вам хотелось бы услышать от меня более профессиональную оценку ее перспектив, но, повторяю, в данный момент я не в состоянии дать ее вам.

Краем глаза он заметил, что Хатнер улыбается, молчаливо соглашаясь с ним. "О, господи, кажется я благополучно выбрался из

этого дерьма!" – подумал Дэвид и, глядя на молчащего Томаса, начал злиться на самого себя за то, что даже намеком не поведал о своих истинных чувствах в отношении шансов Шарлотты. Когда Томас снова заговорил, эта злость только усилилась.

– Вы в самом деле ничего не замечаете? – спросил он, дико озираясь кругом. – Никто из вас ничего не видит. Мы с Шарлоттой прожили вместе свыше тридцати лет. Тридцать полновесных и счастливых лет! Вы не считаете, что мы имеем право высказаться по поводу того, через какие пытки ей приходится пройти, чтобы продлить агонию, наступившую после совершенно счастливой жизни?

На этот раз Дэвид не отвел глаза. Последовала напряженная пауза. Наконец, когда он заговорил, в его голосе зазвучала не только боль, но и убежденность в своей правоте.

– Черт возьми, я искренне переживаю. Так же, как и вы, мистер Томас. И поверьте, достаточно сильно.

Снова воцарилась гнетущая тишина. Дэвид почувствовал на себе взгляд Хатнера и понял, что почва уходит у него из-под ног.

– Вы должны понять, – осторожно сказал он, – что не я лечащий врач вашей жены, а доктор Хатнер. Он опытнее меня во всех аспектах медицины и, в частности, хирургии. Он решает окончательно, какой вашей жене назначить курс лечения, а какой не назначать. Я намерен придерживаться ее терапии, насколько это в моих силах.

Томас уставился на Хатнера, затем рывкнул.

– Я все понял. Я все прекрасно понял: – Он так резко повернулся что чуть не упал, и сердито зашагал по коридору, направляясь к жене.

Инцидент с профессором Томасом оказался последней каплей, переполнившей чашу терпения Хатнера. Его дежурство выдалось на редкость долгим и утомительным. Он сделал шаг назад, чтобы лучше видеть Дэвида и всех на посту медицинских сестер и с ледяной вежливостью проговорил:

– Я говорю в первый и в последний раз. Для спасения Шарлотты Томас необходим самый радикальный метод лечения. Я выразился ясно? Хорошо. А теперь все за работу. Доктор Шелтон, вам лучше отправиться домой и немного, отдохнуть. Исправление моих методов лечения может оказаться для вас мучительным опытом.

Закончив тираду, он прошествовал по коридору и следом за Питером Томасом вошел в палату 412.

Дэвид остался стоять один в пустом коридоре. Группа из медицинских сестер молча застыла в десяти шагах от него. Он огляделся вокруг с робостью уборщицы, подметающий центральную сцену, когда неожиданно поднялся занавес, и она предстала перед переполненным залом. У него мелькнуло желание поскорее скрыться с глаз долой, но Кристина Билл встала и направилась к нему. Момент, что и говорить, не самый выигрышный для второй встречи с этой женщиной.

Когда она приблизилась, он отвернулся и принялся изучать свой ботинок. Когда они впервые встретились, его поразили ее мягкая сила и решимость. И под взглядом этих глаз цвета умбры он ощутил странный дискомфорт.

Перед тем, как она заговорила, он почувствовал запах ее духов, напомнивший ему дыхание весны.

– Доктор Шелтон, мы очень гордимся тем, как вы отстаиваете свои убеждения, – мягко проговорила она. – Не беспокойтесь. Все образуется.

Ее слова... как она их произносит... это так неожиданно. Он мысленно повторил их, стараясь уловить скрытый в них смысл.

– Спасибо... спасибо большое, – промямлил он. Когда же он отважился поднять глаза, ее и след простыл. Пост возобновил привычную работу, но ее там уже не было.

Ничего другого не оставалось, как пойти и записать новые распоряжения для Энтона Мерчадо, и потом выбросить весь этот кошмарный вечер из головы. Ну ничего, утром он будет предоставлен самому себе. Тяжело волоча ноги, он пошел прочь, размышляя о грядущем дне и о том, что, наконец, обрел власть над собственной жизнью. Эти сладкие размышления помогли сгладить ужас последних пяти часов.

– Все образуется, – громко произнес он вслух слова Кристины, толкая дверь, ведущую на лестничную площадку.

Глава V

Укрывшись в дверном проеме, Кристина следила за удаляющимся Дэвидом. Убедившись, что он не вернется в корпус Юг-4, она вышла в слабо освещенный коридор. Ее смена подходила к концу. В комнате для сестер, как и во всех аналогичных комнатах на каждом этаже больницы, вечерняя смена готовилась к передаче эстафеты тем, кто заступит в ночное дежурство с 11 вечера до 7 утра.

Менее чем через час 263 сестры покинут больницу и разойдутся по кафе, барам и домам, не в состоянии из-за усталости заниматься любовью. На смену им явятся 154 женщины, и каждая будет пытаться в течение тех часов, когда весь остальной мир спит, чисто физически выдержать груз постоянного принятия решений, от которых зависит человеческая жизнь.

С минуту Кристина стояла в опустевшем коридоре, вслушиваясь в беспокойную тишину ночной больницы. Вздохи и кашель. Стоны и крики. Бульканье кислорода в машинах интенсивной помощи. Размеренный писк монитора в дуэте с бездумным шипением дыхательного аппарата. В затемненных палатах пациенты, ни много ни мало тридцать шесть человек, продолжали борьбу – борьбу не за богатство, власть или даже счастье, а за возвращение в мир; расположенный за стенами больницы. За возвращение к жизни.

Ночью, как ни в какое другое время, Кристина ощущала огромную ответственность за судьбы вверенных ей людей. Как и в любой другой работе, в уходе за больными была своя рутина. Но за тяжелыми обязанностями и жалобами, за грязной работой и унижительным отношением со стороны многих врачей, прежде всего стояли больные. Порой ей казалось, что среди врачей, администраторов и наставниц существует молчаливый заговор, направленный единственно на то, чтобы вытравить из любой медицинской сестры какое бы то ни было представление о том, что их главная обязанность – забота о несчастных. Заговор и среди самих сестер, многие из которых напрочь лишились чувства сострадания и доброты, которыми они руководствовались, делая некогда свой выбор.

Кристина долго смотрела в сторону палаты 412. Молча, как заклинание, она твердила, что никогда не поддастся унынию и безразличию. Что никогда не перестанет заботиться о страждущих. Если принадлежность к "Союзу жизни" – единственный ответ на эту клятву, значит, так тому и быть. До тех пор, пока она будет оставаться в рядах Союза, она свободна от горечи и душевной боли, которые отвратили многих от милосердия.

Для Кристины все началось с одного зимнего воскресенья, когда не только за стенами бостонской больницы разыгралась снежная вьюга, но и внутри одной из палат закипали нешуточные страсти. Возбудила их Кристина, а вся ее ярость была направлена против врача по фамилии Коркинс, который только что приказал провести срочную трахеостомию у восьмидесятилетней женщины, жертвы обширного паралича, от которого она частично ослепла и даже не могла говорить. Кристина часами пропадала у кровати бедняги. Хотя женщина не могла ни двигаться, ни говорить, Кристина в ее глазах читала одну-единственную просьбу-мольбу: "Пожалуйста, дайте мне уснуть. Прекратите этот ад наяву". Теперь, после назначенной операции этот ад будет длиться бесконечно.

Почти с час Кристина сидела в комнате, плача и изливая душу Джанет Поулос. Осторожно, постепенно Джанет рассказала ей о существовании Союза.

В течение двух дней, прошедших после того, как бедную женщину прооперировали, Кристина часами говорила с Джанет, обсуждая ужасное состояние больной, одновременно больше и больше узнавая о "Союзе". За долгие годы работы она научилась находить удовлетворение даже в самом ужасном, ухаживая каждый день за безнадежными больными. Однако каждая минута, затраченная на продление агонии пожилой женщины, только усиливала разочарование Кристины. Каждый час приходилось проверять аппарат искусственного дыхания и отсасывающий шланг. Как можно чаще переворачивать больную. Постоянно менять мочеточечный катетер. Следить за правильностью внутривенных впрыскиваний. Прилагать невероятные усилия, чтобы справиться с пролежнями, возникающими один за другим. И всегда ее глаза следят за моими, проникая в самую душу, и с каждым разом молчаливая мольба становится все отчаяннее.

Наконец, случилось то, чему было суждено случиться. Кристина последовала совету Джанет Поулос и сообщила о состоянии старой женщины в региональный контрольный комитет. Спустя день было получено разрешение и соответствующие указания.

В конце своей смены она незаметно вошла в палату женщины. Тихое размеренное урчание дыхательного аппарата причудливым образом сливалось с зимним ветром, завывающим снаружи. Из темноты глаза женщины не отрываясь следили за ней. Кристина склонилась над кроватью, прижавшись щекой к виску женщины. Через минуту Кристина почувствовала, как та едва кивнула головой, потом второй раз... третий. Она все понимает! Каким-то образом она догадывалась! Кристина нежно поцеловала ее в лоб и приблизив губы к уху больной, прошептала. – Я люблю вас. – Затем, протянув руку, она отсоединила аппарат и, выждав пять минут в темноте, снова его включила.

Часа через четыре сестра из новой смены сообщила, что не находит пульса и кровяного давления у пожилой женщины. Вызвали дежурного врача, и тот, получив прямую линию на электрокардиограмме, констатировал факт смерти. В то же утро, спустя два часа, ее два сына, несомненно испытавшие глубокое облегчение от того, что страдания матери наконец прекратились, перенесли тело в местный "похоронный зал". В 11 часов утра на ее месте уже лежала молодая разведенная женщина, которую никак не устраивала ее грудь. Подобно водам пруда, ровная гладь которого на миг была нарушена упавшим камнем, больница повела себя как обычно, и последние волны, напоминавшие о существовании старой женщины, быстро исчезли с ровной поверхности.

* * *

– Кристина?

Она резко обернулась на голос. Это была Джанет Поулос.

– Ты в порядке?

Кристина молча кивнула.

– Ты выглядишь так, словно собралась позировать для конкурса на лучшую медицинскую сестру года.

– Скорее на худшую.
– Это из-за Хатнера с профессором?
– Ага.
– Не хочешь поговорить?
– Нет. То есть, может быть, потом. Я хочу сказать, что ты единственная, кто...

Джанет остановила ее, подняв вверх руку.

– Комната для посетителей пуста. Судя по всему, у тебя в запасе десять минут перед летучкой. Сегодня был какой-то кошмар, правда? Я слышала, возникли какие-то проблемы после того, как мистера Чепмена нашли мертвым, – прибавила Джанет, кивая в сторону комнаты медсестер.

Когда они шли к небольшой комнате посетителей, Кристина описала реакцию пораженной горем вдовы Джона Чепмена. Джанет недоверчиво покачала головой и спросила:

– Как, по-твоему, почему она расшвыряла цветы по комнате?
– О, в ход пошли и другие вещи. Не только цветы. – Кристина опустила на софу, а Джанет села на стул напротив.
– Значит, она все разнесла вдребезги?
– Почти. Нам удалось спасти две вазы.
– О? – Джанет заерзала на стуле.
– Да, но одно мне показалось странным.
– В каком смысле? – вопрос прозвучал как бы вскользь, но по позе и выражению ее лица можно было догадаться, что он далеко не случаен.

Кристина нетерпеливо взглянула на часы. До совещания оставалось только пять минут.

– Да, так, ничего особенного. Просто в последней вазе оказались лилии, а на карточке, прикрепленной к ней, было написано нечто вроде "С наилучшими пожеланиями от Лили". Вот и все.

– О, – безразлично протянула Джанет, хотя ее глаза вспыхнули. Она рассеянно почесала шрам, затем резко переменяла тему разговора. – Ты не думаешь представить жену этого Томаса контрольному комитету?

– Я уже сделала это, – ответила Кристина, сбитая с толку.

– И?

– И ничего, Джанет. Пока я не слышала, чтобы ее утвердили. Видишь ли, мы с Шарлоттой очень сблизились... даже сдружились...

– В таком случае я говорю "молодец", – вставила Джанет.

– Что?

– Надеюсь, что ее утвердят.

– Джанет, ты даже не знаешь эту женщину... или ситуацию. Как ты можешь так говорить...

– Может я и не знаю ее, но зато я знаю Хатнера. Из всех напыщенных, самодовольных, всегда уверенных в себе негодяев, которые когда-либо скрывались за проклятым званием "доктор медицины". Хатнер – наихудший.

Взрыв негодования был совершенно неожиданным для Кристины, заставив ее буквально онеметь. Несомненно чрезмерная, а порой основанная на излишней самоуверенности агрессивность врачей и привела к зарождению "Союза", но для Кристины это всегда оставалось конфликтом принципов, а не личностей.

– Какое... какое отношение самодовольство Хатнера имеет к Шарлотте? – смущенно спросила она, страшась ответа.

Джанет улыбкой успокоила ее.

– О, не переживай, – сказала она, погладив ее по колену. – Я на твоей стороне. Помнишь?

Кристина кивнула, но неуверенность не проходила.

– Я верю в "Союз" и в то, что делают такие, как ты. Для чего тогда я привлекла тебя? Вот что я хотела сказать: от случаев, подобных тому, что у миссис Томас, мы выигрываем вдвойне. Мы выполняем волю этой женщины и ее мужа, восстанавливая некое достоинство в их жизни и одновременно даем понять таким людям, вроде Хатнера, что они не Боги. Да?

Кристина напряженно задумалась, затем оттаяла и улыбнулась в ответ.

– Да, я... тоже верю. – Она встала, чтобы идти.

– Если тебе нужна поддержка, – сказала Джанет, – обращай ко мне. Я считаю, что ты поступила правильно, указав на эту женщину, и теперь контрольному комитету решать.

Кристина кивнула в знак согласия.

– Знаешь, – продолжала Джанет, останавливаясь в дверях и вглядываясь в лицо молодой женщины, – нет ничего плохого в том, что

извлекаешь пользу из того, во что ты веришь. Значение любой работы не умаляется от того, что ты можешь иметь от этого какую-то личную выгоду. Ты меня понимаешь?

– Я... думаю, что да, – солгала Кристина. – Спасибо, что ты поговорила со мной. Я дам тебе знать, что решит комитет.

– Да, пожалуйста. И запомни, Кристина. Я всегда к твоим услугам.

Продолжая испытывать странное беспокойство, Кристина заторопилась в комнату медсестер. Подойдя к двери, она остановилась, стараясь прийти в себя. Несдержанность Джанет в отношении Уолласа Хатнера сначала испугала ее, но теперь представлялась не такой уже страшной. Джанет долгие годы связана с "Союзом" и не раз сталкивалась с такими делами. Предложения и приведение в исполнение смертного приговора, даже смерть в результате эвтаназии, очень непросто пережить эмоционально, и не у всякого могут выдержать нервы. Необходимость из года в год принимать одни и те же решения, где речь идет о жизни человека, тяжелым бременем ложится на душу любого. В случае с Джанет, решила Кристина, сказалась горечь по отношению к тем, кто заставляет выносить такие ужасные решения.

Она повернула голову и увидела, как Джанет вошла в лифт. Эта женщина прекрасный руководитель и, самое важное, надежная медсестра, всей душой преданная истинным идеалам своей профессии. Открывая дверь, Кристина снова ощутила гордость быть причастной к тайнам сестринского союза.

Глава VI

Карл Перри, преодолевая боль, которая ножом отзывалась в горле, осторожно сделал глотательное движение. Боль, любая боль, была лучше этого проклятого слюноотделения, начавшегося после того, как у него около голосовых связок удалили полипы или какую-то еще там чертовщину. Придется полежать дня два, попринимать внутривенные инъекции и писать записочки, общаясь с окружающим миром, прежде чем исчезнет опасность опухания связок. По крайней мере, так сказал доктор Куртис.

Он вытянул руку и потрогал липкую ленту, которая удерживала трубку на его правом предплечье. Два волоска полетели на пол, и он зашипел проклятья в адрес сестры, которая небрежно выбрила это место.

"Внутривенное вливание, лента – жалоба администрации больницы", нацарапал он на блокноте, оторвал страницу и сунул ее в ящик, который и без того был уже забит напоминаниями подобного рода.

Он поставил небольшое зеркало в больничный лоток и принялся обозревать себя. Даже с царапинами, оставленными инструментами доктора Куртиса в уголках рта, ему нравилось его изображение. Глубоко посаженные голубые глаза, приятный мягкий загар, квадратный подбородок, идеальные зубы. В свои сорок восемь лет он выглядит так, как не могут и мечтать многие мужчины. Женщины замечают это, даже молодые. Они сражаются за возможность провести с ним несколько часов в его роскошном номере отеля "Ритц". Разумеется, все отправляются домой удовлетворенными.

Какая это была отличная мысль – распустить слух в барах, где обычно встречаются одинокие, что каждый год ту девушку, которая лучше всего трахается, ждет "порше": от имени "Форин моторс", где он работает. Пожалуй, когда-нибудь он так и поступит, если придет тот день, когда уже трудно будет рассчитывать на свою неотразимость.

Чувствуя скуку и неудобство от пропитанных потом простыней, он включил телевизор, чтобы тут же выключить его. По всем каналам передавали только одиннадцатичасовые новости. Он сунул руку в

штаны своей голубой шелковой пижамы и ощутил приятное покалывание от эрекции. Нет, решил он, вот когда придет настоящий сон, тогда и займусь этим.

В этот момент в палату вошла медсестра, тщательно прикрыв за собой дверь. Именно она сидела накануне операции у него на кровати и разговаривала с ним. Малость старовата, лет под сорок, решил он, но фигура хоть куда. Перри немедленно ощутил под ладонью восставшую плоть и принялся незаметно массировать ее под простыней, представив себе фигуристую медсестру, лежащую обнаженной на широкой кровати в отеле.

– Как вы сегодня, мистер Перри? – проворковала сестра, останавливаясь близко от него и кокетливо улыбаясь.

Превозмогая себя, Перри трясущейся рукой написал. – Отлично, милая, как ты?

– Я что-то могу для вас сделать прежде, чем вы отойдете ко сну? – спросила она, пододвигаясь еще ближе.

Перри взял ее левую руку и ощупал пальцы. Обручального кольца нет. Да это не столь важно. Он оказался уже во власти бурной фантазии.

– Все зависит... – написал он.

– От чего?

Мучает его, доводит до белого каления... вот чем она занимается. Все же он решил попытаться счастья. "Займемся ли мы этим сейчас или после того, как я выберусь отсюда?"

Он хотел было написать о бесплатном "порше", но отверг эту идею как ненужную.

– Мы будем делать это одни или пригласим и вашу жену?

Воображение нарисовало ему головокружительную позу с ее ногами, поднятыми вверх и упирающимися в стену над его кроватью.

– Жена меня не понимает, – написал он, продолжая играть дальше и пририсовал внизу страницы забавную рожицу.

– В таком случае мы все хорошенько продумаем, когда почувствуем себя лучше, – сказала она. – Признаюсь, что мысль провести вместе с вами время приходила мне в голову. – Она принялась играть верхней пуговицей униформы, и в голове Перри промелькнула мысль, что она и вправду сейчас начнет раздеваться.

"Скажите, когда", – написал он, и его рука скользнула вдоль бедра медсестры.

– Скоро. – Она улыбнулась, ускользая от его руки. – Во-первых, у меня для вас два подарка. Один от вашего доктора, а второй от меня. Какой хотите первым?

Перри подумал и написал: "От вас".

Женщина вышла из комнаты и возвратилась, пряча руки за спину. Перри глубоко вздохнул, глядя на эти плотно обтянутые груди. Наверняка, пятый номер, подумал он. Не меньше, это уж точно. Он увидел ее улыбающееся лицо и впервые заметил тонкий шрам, идущий вдоль носа. Маленький недостаток, решил он. Свет свечей... косметика – и нет никакого шрама.

Дав налюбоваться собой, сестра театрально вынула руки из-за спины. В руках она держала букет цветов. Яркие, пурпурные цветы.

"Прекрасно", – написал он.

– Это гиацинты, – сказала она.

Поискав глазами и не найдя вазы, она поставила цветы в пустой мочеприемник, стоявший на столике рядом. Перри поморщился от такого нарушения романтической обстановки. Вероятно, она не чурается изощренного секса, подумал он, не зная, как дальше вести игру.

"Второй подарок", – написал он.

– О, это совершенно новое лекарство. – Она почти коснулась своим лицом его лица, вынимая из кармана шприц, полный прозрачной жидкости, и вводя его в трубку, по которой в его тело поступал питательный раствор.

Он воспользовался моментом и схватил ее за бедро. На этот раз она не пыталась отстраниться. Внезапно он почувствовал, как сдавило грудь. Его пальцы ослабли и сами по себе разжались. Охваченный ужасом, он через силу повернул голову и посмотрел на сестру. Она стояла без движения и благожелательно улыбаясь ему. Он хотел было крикнуть, но сквозь распухшие парализованные голосовые связки вырвалось одно лишь тихое шипение.

Воздух превратился в тяжелую и густую патоку. Он прилагал отчаянные усилия, чтобы заставить попасть его в легкие. Его левая рука беспомощно болталась у края кровати.

– Это панкурон, – приятно улыбаясь, объясняла сестра. – Быстродействующая форма кураре. Им индейцы смазывают наконечники своих стрел. Видите ли, ваша жена понимает вас значительно лучше, чем вы это себе представляете, мистер Перри. Она понимает вас настолько хорошо, что завещала значительную часть вашей страховки нам, с тем, чтобы мы могли бы устранить вас из ее жизни.

Перри хотел что-то ответить, но не мог даже пошевелить веками. Какая-то мутная пелена застлала все предметы в палате и страх уступил место отрешенному чувству эйфории. Неподвижными глазами сквозь туманную завесу он успел заметить, как сестра расстегнула две верхние пуговицы униформы, обнажив роскошную грудь.

– Не беспокойтесь о цветах, мистер Перри. Я буду аккуратно их поливать. – То были последние слова, которые он слышал.

* * *

Джанет Поулос положила руку Перри на кровать, убедилась, что в коридоре третьего крыла никого не видно, и спокойно покинула этаж. Когда лестничная дверь закрылась за ней, она позволила себе улыбнуться... впервые с того момента, как был введен панкурон. Сегодня выдался исключительно благоприятный для Сада день. Как и предсказывала Георгина. Сначала мастерская работа Лили, и вот теперь она. Гиацинта. Она рассмеялась, и ее смех эхом разнесся по пустой лестничной площадке.

В своем офисе, на Севере-1, Джанет села за письменный стол, закрыла глаза и вновь оживила в памяти сцену в палате Карла Перри. Ощущение власти, полного контроля над чужими жизнями и теперь не покидало ее. Это пьянящее чувство она и другие из Сада открыли для себя через "Союз ради жизни". Союз с его высокопарным благородством пусть для кое-кого и прекрасен, рассуждала Джанет, но только созданный Георгиной Сад дает истинное вдохновение. То, что им платят и платят хорошо за их усилия, только увеличивает ставки в игре. Джанет была искренне благодарна Георгине за то, что она привлекла Гиацинту.

Затем, как это часто бывало после того, как она представила первого кандидата Союзу или Саду, Джанет принялась думать о мужчине, первом мужчине, которого она познала, единственном мужчине, которого она когда-либо любила. Стал ли он, как хотел, профессором хирургии? Почему после той ночи он так и не позвонил? Теперь-то бы он увидел ее в совершенно ином свете. Она тоже стала сильной. Почти такой же сильной, как самый сильный хирург в мире. Вот если бы он только мог увидеть ее... Джанет пожала плечами. "Кому это надо", – вслух произнесла она. – Кому, черт возьми, это надо".

Она взяла телефонную трубку. Настало время поделиться радостью от столь удачного дня с Георгиной.

Глава VII

Часы показывали одиннадцать тридцать, когда вечерняя смена отделения Юг-4 закончила составление отчетов, и на смену им заступила группа, которая будет нести дежурство с одиннадцати вечера до семи утра. Кристина Билл на маршрутном такси "пинкертон" доехала до автомобильной стоянки С. Обессиленная, она отклонила предложение Четырех коллег пропустить по маленькой и направилась домой.

* * *

В двадцати милях поодаль в "спальном пригороде" Уэлсли доктор Джордж Куртис опрокинул бокал виски и неторопливо зашагал из кабинета, отделанного под дуб, в спальню. Его жена, включив ночник и обложившись подушками, беспокойно взглянула на мужа и спросила:

– Ну, как там миссис Перри?

Куртис присел на край кровати и тяжело перевел дух. – Сильно потрясена, но должна выстоять. Я вызвался подъехать и поговорить, но она ответила, что в этом нет необходимости, и с ней рядом родные и близкие. Самое лучшее то, что она ничего не сказала при вскрытии.

– Что значит это "самое лучшее"? – с недоумением спросила она. – Джордж, в чем дело?

– Хм... насколько я понял дежурного врача, у Перри коронаротромбоз либо кровотечение в голосовых связках, которые я оперировал. В любом случае его жена могла бы подать в суд по поводу преступной халатности, заявив, что его нужно было перевести в блок интенсивной терапии. Без вскрытия она не располагает определенными данными и, следовательно, лишена возможности вчинить нам иск. И я говорю "Аминь".

– Аминь, – живо подхватила жена, выключая свет и подкатываясь к мужу.

Кристина ехала медленно, автоматически ведя свой "мустанг" и не обращая внимания на движущиеся рядом машины. На освещенных – неонов тротуарах ночная жизнь центральной части города шла своим чередом. Проститутки и карманники, наркоманы и алкоголики, перемешавшись с толпами молодежи, входили и выходили из дверей баров, кафе и забегаловок. Это был мир, который обычно очаровывал ее, но в этот вечер ей было не до него. Мыслями она была в другом месте... там, далеко, где разыгрывался теннисный матч. Две женщины на изумрудном корте... или, возможно, это была одна женщина, поскольку одновременно они не появлялись... Одинокая, отбивающая мяч фигура в белом платье, наносящая энергичные точные удары.

Задумавшись, она проскочила на красный свет и вылетела на широкий бульвар, ведущий из города.

Внезапно она догадалась, почему в ее воображении мелькнул теннисный матч. С каждым замахом, при каждом ударе лицо женщины менялось. Сначала это была Шарлотта Томас, улыбающаяся, радостно смеющаяся при каждом удачном попадании мяча; затем перекошенное и бледное лицо ее собственной матери, строгой немки, чья преданность пятерым детям в конце концов привела к преждевременной смерти.

Удары участились, и при каждом новом ударе ракеткой резко менялось лицо бьющего, пока оно не расплылось в неясное пятно.

Внезапно Кристина взглянула на спидометр – восемьдесят миль в час. Вскоре мелькнул дорожный указатель, и она поняла, что движется в противоположном от своего дома направлении.

Не в состоянии справиться с дрожью, она резко затормозила у обочины и замерла, тяжело, как после изнуряющего марафона. Прошло минут пять, прежде чем она пришла в себя, потом развернула машину и поехала обратно.

Уже за полночь она достигла тихой, усаженной деревьями улочки, на которой жила вот уже два года "месте с подругами. Решение подыскать дом в Бруклине было единогласным. – Старый город с новым сердцем, – назвала его Кэрол Д'Элиа, намекая на тысячи студентов и рабочих, которые населяли причудливые двухэтажные дома и многоквартирные здания. После трехнедельных поисков им

удалось найти (и влюбиться в нее с первого взгляда) квартиру на первом этаже, где рядом с ними проживали еще две семьи – негров и цветных. Их хозяйка, вдова с темными волосами по имени Айда Файк, занимала верхний этаж. В тот день, когда они въехали, большой горшок с супом, поставленный у их двери, возвестил о том, что Айда готова принять трех женщин в свои объятия. Кристина сперва противилась ее вторжению в их жизнь, но Айда была неисправима – и всегда достаточно мудра, чтобы понять, когда ее присутствие является маложелательным.

Кристина, Кэрол и Лайза Хеллер были совершенно разными людьми, но словно созданными для совместной жизни. Кэрол, подающая большие надежды юрист по уголовным делам, занималась счетами, Кристина ходила по магазинам и помогала по дому, а Лайза, работавшая на крупную торговую фирму, устанавливала связи.

Со стоном, в котором слилось облегчение и усталость, Кристина направила "мустанг" в подъездную аллею и поставила его рядом с побитым "фольксвагеном" Лайзы. Просторный гараж, рассчитанный на две машины, был настолько забит "сокровищами" Айды, которые она постоянно обещала выбросить, что разместить в нем больше двух велосипедов не представлялось возможным. Обойдя дом спереди, Кристина только теперь заметила, что огни горят во всех комнатах. Вечеринка. Больше всего на свете ей не хотелось в данную минуту очутиться среди веселящейся компании. "Лайза опять взялась за свое", – пробормотала она, встряхивая головой.

Едва она открыла дверь, как в лицо ей ударил безошибочный запах марихуаны. В большой комнате музыка из старого альбома "Иглс" смешивалась со звоном бокалов и шумом голосов человек пяти или шести, галдящих разом. Она принялась судорожно соображать, куда бы можно было еще пойти, как вдруг из большой комнаты выскочила Лайза Хеллер.

Тремя годами моложе и шестью дюймами выше Кристины, Лайза облачилась в то, что превратилось в своего рода домашнюю униформу – сильно поношенные джинсы и широкая мужская рубашка, реквизируемая у одного из ее любовников. На ее лице было постоянно написано интеллектуальное, почти набожное выражение: оно неумолимо притягивало к себе мужчин, которые "сходили с ума"

от Малера и натуральной пищи, хотя и то и другое внушало Лайзе отвращение.

– Ага! Возвращение заблудшей дочери в отчий дом, – захихикала она.

Лайза обладала такой обезоруживающей простотой, которая успокаивала Кристину в самые мрачные моменты жизни.

– Лайза, – сказала она, с трудом улыбнувшись. – Там много людей?

– О, восемь... десять... двенадцать. Трудно точно сказать, так как, сама понимаешь, некоторых вряд ли назовешь людьми.

– Сделай мне, пожалуйста, одолжение, – взмолилась Кристина. – Достань немного "травки" и твое енотовое пальто, а потом посмотри, нельзя ли провести меня под видом твоего любимого ирландского волкодава. Мне безумно хочется в кровать.

– О, кровать, – томительно проговорила Лайза, прислонясь к стене. – Скоро французское сабли и отличная колумбийская "травка" всех приведет в кровать. Остается единственный вопрос: кто с кем завалится в постель. Уж если мы заговорили на эту тему...

– Лайза, *он* там?

– Еще бы! Это его "травка", сама знаешь.

Кристина поморщилась. От Джерри Кроссуэйта невозможно отделаться. Как от сильного насморка. Она покачала головой. – Это моя ошибка, – с театральной скорбью прибавила она. – Моя кардинальная ошибка... я нарушила собственное правило.

– Какое еще правило? – икая после каждого слова, спросила Лайза.

– Никогда не встречайся больше двух раз с мужчиной, у которого машина с *именным* номерным знаком. – Подруги рассмеялись и обнялись.

Хотя встречи с Джерри продолжали доставлять ей радость, они становились все реже и реже. С того самого дня, когда он в одностороннем порядке провозгласил, что они "созданы друг для друга", Джерри развернул безудержную кампанию по превращению Кристины "в жену самого молодого старшего сотрудника бостонского банка за всю его историю". Неделями он бомбардировал ее цветами, подарками и телефонными звонками. К большой досаде Кристины

Лайза с Кэрлол настолько поддались его романтическим ухаживаниям, что подорвали ее силы противостоять настырному ухажеру.

– Крисси, когда ты перестанешь жаловаться, – упрекнула ее Лайза. – Я хочу сказать, что тебе за тридцать, а он приятный мужчина с роскошной машиной. Чего еще желать девушке?

Кристина не была полностью уверена, что она ее поддразнивает. – Лайза, он ужасно примитивен.

– Знаешь, детка, я бы не вышвырнула его из кровати, – прибавила Лайза.

– Будь неподалеку, Хеллер; у тебя может появиться шанс, если ты это имеешь в виду. – Кристина, едва не задев ее, вошла в большую комнату.

Джерри Кроссуэйт поставил свой бокал на стол и попытался было по частям подняться с дивана, чтобы приветствовать ее. Кристина беззаботно ему улыбнулась и махнула рукой, чтобы он оставался на месте. В комнате было человек двенадцать, и почти все находились еще в худшем состоянии, чем Джерри.

– Скоты, – процедила Кристина, одновременно улыбаясь Кэрлол и Лайзе которая была поглощена собственным творением – игрой в слова для наркоманов. В новом варианте игры, в которую играли только после принятия марихуаны, любое слово, действительное или выдуманное, засчитывалось только в том случае, если играющие давали ему удовлетворительное определение.

– Эй, Крисси, – окликнула ее Кэрлол, – ты здесь одна в здравом уме. Рассуди нас. Может ли слово ЗОЛТ быть существительным, обозначающим декоративное украшение из мертвых саламандр, или не может?

– Еще как может, – сказала Кристина, обнимая подругу за плечи. Ни одна из женщин, с которыми она делила квартиру, не курила регулярно марихуану, но время от времени вечеринки возникали сами по себе, хотя не так чтобы уж слишком часто, и порой сигарета с дурманом шла по кругу. Несмотря на кажущуюся инертность собравшихся, комната была напоена скрытой живительной силой, которую Кристина ощущала всякий раз, когда находилась среди своих подруг и их знакомых. Пусть эта теплая компания послужит тоником, который снимет напряжение ее тяжелого дня. Даже если это и означает встречу с Джерри Кроссуэйтом.

– Кстати, – продолжала Кэрол, – тебе недавно звонили. Какая-то женщина. Она сказала, что перезвонит. Других звонков не было.

– Старая? Молодая? – беспокойно спросила Кристина.

– Да, – неопределенно кивнула Кэрол, допивая вино и что-то записывая на клочке бумаги.

Кроссуэйту все же удалось благополучно пересечь комнату и подойдя к Кристине сзади, положить руки ей на плечи. Она резко обернулась, словно в нее вонзились крючья, за которые подвешивают мясо.

– Эй, полегче, Кристина, это всего лишь я, – сказал он. Он сбросил свой пиджак от "Брук бразерс" и расстегнул жилет – жест означающий, что он полностью расслаблен. Только мелькающие в глазах красные точки портили впечатление плейбоя, которое он так любил создавать у окружающих:

– Привет, Джерри, – поздоровалась она. – Извини, что я опоздала на вечеринку.

Он обвел рукой комнату и произнес:

– Опоздала? Черт. – Все только тебя и ждут. Лайза сказала, что тебе понравилось ожерелье. Я рад.

Кристина обвела взглядом комнату, отыскивая Лайзу.

– Джерри, я в самом деле хочу, чтобы ты перестал присылать мне подарки. Я... я не в праве получать их.

– Но Лайза сказала...

– Джерри, – остановила она его, стараясь не повышать голоса, – я знаю, что тебе сказала Лайза, а также Кэрол. Но они – не я. Послушай, ты действительно милый. Они к тебе очень хорошо относятся, так же, как и я. Но мне очень неловко из-за подарков, которые ты присылаешь, и из-за тех надежд, которые ты питаешь в отношении меня.

– Например? – спросил Кроссуэйт, и в его голосе зазвенел металл.

Она прикусила губу и решила, что лучше не ввязываться в перепалку.

– Слушай, давай забудем об этом. Обо всем можно будет поговорить как-нибудь в другой раз, когда нам никто не будет мешать, включая вино.

– Нет, Крис, а я хочу говорить сейчас, – Кроссуэйта уже нельзя было остановить. – Я не знаю, какую игру ты затеяла, но дело зашло так далеко, что наши отношения стали для меня очень важны. Я не

шучу. В довершение всего ни с того ни с сего ты сделалась фригидной. – Его повышенный тон вывел из состояния забытья даже самых сонных. Все начали удивленно переглядываться, а Кэрол с Лайзой поспешили на помощь подруге. – Я вот что хочу сказать, – закусил удила молодой банкир, – ты никогда не была кошкой в кровати, но по крайней мере ты была там. А теперь это какая-то снежная баба. Мне нужны объяснения! – Комната замерла.

Кристина сделала шаг назад и, крепко сжав кулаки, уперлась ими в бока.

Напряженную тишину разорвал телефонный звонок.

Кэрол бросилась в кухню и крикнула оттуда.

– Кресси, это тебя. Та женщина, которая звонила раньше.

Кристина разжала кулаки и опустила руки, смерив уничтожающим взглядом Кроссуэйта.

На кухне было трое. Одним движением бровей Кристина прогнала их в гостиную и взяла трубку.

– Это Кристина Билл, – сказала она несколько резко.

– Кристина, я Эвелин из регионального контрольного комитета. Наш разговор никто не прервет?

– Никто, – ответила Кристина, усаживаясь на высокий стул из сахарного клена, который она откопала на толкучке в Глоучестере и потом отреставрировала.

– "Союз ради жизни" высоко оценивает твоё отношение к делу и твой профессионализм, – торжественно прозвучал голос женщины. – Твоё предложение в отношении миссис Шарлотты Томас утверждено.

В тихой кухне Кристину охватила дрожь, которая усиливалась с каждым новым словом женщины, падавшим как капля воды на твердую высохшую землю.

– Избранный метод, – продолжала женщина, – сернокислый морфин, который необходимо завтра вечером во время твоей смены ввести внутрь вены в подходящее время. Ампулу с морфином и шприц ты найдешь утром под передним сиденьем своей машины. Пожалуйста, оставь открытой на ночь переднюю дверь. После того, как упаковка окажется на месте, мы закроем дверь. – Мы просим, чтобы средство вводилось быстро и за один раз. В палате после инъекции оставаться не следует. Пожалуйста, избавься от ампулы и шприца безопасным и надежным образом. В соответствии с нашей

методикой после окончания твоей смены запиши отчет о проделанной работе на автоответчик. Мы все надеемся и верим, что наступит день, когда о нашей работе станет известно широкой общественности. В настоящее время сообщения, подобные твоему, – а это уже огромный труд, которым в течение сорока лет занимаются медицинские сестры по всей стране, – будет оценен по достоинству. При передаче отчета тебе нет надобности повторять историю болезни пациента. Есть вопросы?

– Нет, – тихо ответила Кристина, побелевшими пальцами сжимая трубку. – Никаких вопросов.

– Прекрасно, – ответили на том конце провода. – Мисс Билл, вы можете гордиться своей преданностью принципам и вашей профессии. Спокойной ночи.

– Спасибо. Спокойной ночи, – попрощалась Кристина, но ответом ей были протяжные телефонные гудки.

Бросив взгляд на закрытую дверь общей комнаты, Кристина надела зеленый кардиган Лайзы, висевший на спинке стула, и неслышно выскользнула через заднюю дверь квартиры.

Ночное небо было бездонным. Кристина поежилась от холодного осеннего воздуха и поплотнее укуталась в джемпер. На соседней улице свернула за угол машина. Когда смолк шум двигателя, повисла глубокая ночная тишина, она взглянула на звезды – бесчисленные мириады звезд – и каждая является матерью множества миров. Среди них она песчинка... миг... но решение, которое она приняла, казалось огромным. Ей сдавило грудь и затруднило дыхание, так что больно было даже глотнуть. Паника, неуверенность и глубокое чувство одиночества сковали ее словно тисками, когда она шла к машине, чтобы открыть боковую дверь.

Кристина обошла опустевший квартал раз, потом другой. Села на низкую каменную стену напротив своего дома, дожидаясь, когда уйдет последний гость и погаснут огни. Наконец она посмотрела на небо, усыпанное алмазами, вздохнула и направилась домой. В гостиной остались стоять недопитые бокалы да слабо горел единственный светильник, предусмотрительно оставленный подругами.

Кристина нажала на выключатель. Она успела раздеться, когда шла в свою комнату. Стоя у бюро, она вынула шпильку и распустила свои длинные рыжеватые волосы, встряхнула головой и принялась

неторопливыми движениями расчесывать их гребенкой, отсчитывая каждое движение.

"Когда тебе важно что-то знать...", не выходили у нее из головы слова Шарлотты, пока она шла к кровати.

И только отвернув покрывало, она заметила на подушке конверт.

Она прочитала записку, лежавшую внутри, вся сжалась, потом скомкала ее в бумажный шарик и швырнула на пол.

"Кристина, – говорилось в записке, – я ухожу. Если захочешь, позвони, но только в том случае, если у тебя будет что сказать Джерри".

Глава VIII

Дэвид начал свой первый день исполняющего обязанности Уолласа Хатнера, приняв марш Берлиоза за мендельсоновский, зато потом правильно угадал, что погода переменится.

Воздух был сухой и прохладный, поэтому он особенно не стал нагружать себя во время пробежки вдоль реки. На востоке анемичное солнце постепенно проигрывало битву за утро наступающей армии из тяжелых темных туч, среди которых сверкали сияющие проблески света. День начался под стать его настроению: трудный вечерний обход с Хатнером оставил у него смутное ощущение дискомфорта – то ли от того, что спал урывками, то ли от того, что плохо пробежался.

Он планировал совершить утренний обход в том же порядке, в котором они проводили его с Хатнером накануне вечером, но попав в больницу, не утерпел и первым делом захотел узнать, как новая схема лечения сказывается на Энтоне Мерчадо.

Бронзовое обветренное лицо рыбака расплзлось в широкой улыбке, едва Дэвид показался в дверях. От одной этой улыбки вся утренняя хандра Дэвида моментально испарилась.

– Порядок, доктор! – пророкотал Мерчадо с наименьшей гордостью, чем мать, которая только что разродилась. – Этим утром. Отличная твердая лепешка... как в проруби. Доктор, у меня не хватает слов благодарности. А то я уже было подумал, что меня будет вечно нести.

– Ну, ну, не будем слишком радоваться, мистер Мерчадо, – сказал Дэвид, едва сдерживаясь. – Вы определенно сегодня лучше, чем вчера, но я не думаю, что понос прекратился совсем. Скорее всего, на время.

– Меня уже меньше трясет, а судорога почти пропала, – добавил Мерчадо, когда Дэвид принялся ощупывать его живот.

– Так, хорошо, – заключил Дэвид после того, как с минуту слушал его стетоскопом. – Но по-прежнему никакой твердой пищи. Одни жидкости в небольшом количестве и несколько дней новых антибиотиков и внутривенных вливаний. Можете передать своей семье, что у нас вы пробудете с неделю, если дела пойдут на лад.

– Вы продолжите наблюдение за мной, когда я выпишусь? – спросил он.

– Нет, только два-три дня, пока не вернется доктор Хатнер. Вам повезло, что вы попали к нему в руки, мистер Мерчадо. Он один из самых лучших хирургов, которых я когда-либо видел.

– Возможно... возможно, – Мерчадо хитро улыбнулся, давая понять, что он не настроен распространяться на эту тему. – Но вы все равно оставите мне вашу визитную карточку. У меня масса родственников, которые начнут обивать порог вашего дома ради того, чтобы им сделали такую же операцию. Даже если у них все в порядке со здоровьем.

Дэвид для приличия усмехнулся и, выйдя из палаты, взглянул на список пациентов, которых ему предстояло обойти. Регистрационная карточка, на которой он печатал их фамилии, была заполнена с обеих сторон. Дэвиду хотелось петь от радости. В течение многих лет он не смел даже думать о такой нагрузке. Пройдя коридор, он радостно вскрикнул и вприпрыжку проскочил дверь, ведущую на лестничную площадку. За его спиной две полные, с аристократическими замашками медсестры проследили за этим проявлением мальчишества, затем обменялись осуждающими взглядами и, хмыкнув, важно удалились.

Давно Дэвид не испытывал такого пьянящего чувства от работы в больнице. Даже Шарлотта Томас изобразила некое подобие улыбки; впрочем, это впечатление создал яркий свет в комнате. Кровать, на которой она лежала, была поднята на сорок пять градусов, и санитарка с ложечки давала ей кусочки льда. Так и сяк Дэвид пытался определить, как она себя чувствует, но она в ответ только слабо улыбалась и кивала. Он исследовал ее брюшную полость, внутренне содрогнувшись от полного отсутствия звуков в кишечнике. Пока что причин для паники нет, но каждый день "молчания" в животе приближал повторную операцию. У него мелькнула мысль, что пожалуй, надо перестать давать кубики льда, но, взглянув на прощание на Шарлотту, Дэвид решил оставить все как есть.

На посту медсестер он подробно расписал течение болезни у Шарлотты, указал меры, которые могли бы помочь улучшить ситуацию. Когда он кончил писать, был почти час дня. Оставалось двадцать минут на кофе с бутербродом до того, как он обязан

появиться в своем офисе. Пять с половиной часов пролетели совсем незаметно. Он попытался припомнить, когда испытывал нечто подобное. Кажется это было лет восемь назад. И ничего похожего после аварии, подумал он с горечью.

Даже дневные часы приема в офисе, всегда тянувшиеся так медленно, сегодня пролетели незаметно из-за частых звонков сестер, уточнявших то или иное распоряжение или возникшую проблему.

Ровно в пять, когда дверь за последним пациентом закрылась, сестра, работающая у Дэвида, миссис Холиган, прокричала из приемной.

– Доктор Шелтон, вам звонят от доктора Армстронг. Сейчас ее секретарша соединит.

– Отлично, – откликнулся из кабинета Дэвид. Было приятно, что Холиган разделяет его радость, пусть даже дежурство выдалось таким напряженным.

– Я пошла, доктор, а то мне еще надо приготовить мясо. Всего хорошего.

– Спокойной ночи, Холиган.

Минуту спустя в трубке раздался голос Маргарет Армстронг. Как первая женщина во главе хирургического отделения, она пользовалась в своей сфере такой же репутацией, что Уоллас Хатнер в своей. Из всего медицинского персонала больницы сердечнее всего относилась к Дэвиду, особенно помогая ему в первый год. Хотя она направляла своих пациентов исключительно к хирургам-кардиологам, а в отдельных случаях к Хатнеру, но время от времени отсылала больного к Дэвиду, всякий раз не забывая благодарить его в записке за исключительно качественную работу.

– Дэвид? Как идут дела? – спросила она.

– Занят по горло, но наслаждаюсь каждой минутой, доктор Армстронг. – Возможно, из-за ее царственной осанки и аристократического вида, а, возможно, из-за разницы в годах, которая достигала почти двадцати лет, Дэвиду ни разу не пришлось в голову назвать Маргарет Армстронг по имени. Да она и сама не способствовала этому.

– Собственно говоря. – продолжала Армстронг, – я звоню, чтобы затруднить тебе жизнь. По правде говоря, я сначала позвонила в офис

Уолли Хатнера, потом с большой радостью узнала, что ты замещаешь его.

– Спасибо. Выкладывайте.

– Дело касается одного старого джентльмена по имени Баттеруорт – Олдоса Баттеруорта, если говорить точнее. Ему семьдесят семь, но он резв, как щенок. Неделю назад ему прооперировали малую венечную артерию, и все было прекрасно, но последнее время он начал жаловаться на боли в правой ноге. От паха и ниже у него пропала пульсация.

– Эмбол? – спросил Дэвид скорее из вежливости, нежели из неуверенности в диагнозе.

– Я бы тоже хотела так думать, Дэвид. Нога уже сильно побледнела. Ты в настроении помочь нам удалить тромб?

– Буду только рад, – просил Дэвид. – Вы объяснили ему, на какой риск он идет?

– Да, но не мешает, если бы ты еще раз указал ему на это. Дэвид, меня немного пугает общая анестезия. Ты не считаешь, что можно...

Дэвид пришел в такое возбуждение от того, что может свой первый день закончить чем-то значительным, что фактически оборвал ее на полуслове.

... – перейти на местную? Конечно, можно. Только так.

– Я знала, что на тебя можно положиться, – сказала Армстронг. – Я должна была проконсультироваться с тобой. Олдос мой старый друг и пациент. Слушай, через час начинается заседание исполнительного комитета, и я как глава отделения этого сумасшедшего дома обязана там присутствовать. Не могли бы мы вечером где-нибудь пересечься?

– Разумеется, могли бы. Перед уходом я должен посмотреть кое-кого из своих больных. Как насчет Юга-4? У меня там лежит женщина, совершенно парализованная. Может, у вас возникнут какие-нибудь идеи по этому поводу?

– Буду рада помочь. В восемь?

– В восемь, – повторил Дэвид.

Тщательно вымыв руки и осторожно выставив их перед собой, Дэвид спиной вошел в операционную № 10, затем надел операционный халат и начал готовиться к тому, чтобы дирижировать оркестром, исполняющим его же собственную симфонию. Олдос

Баттеруорт, такой беспомощный и хрупкий, лежал на узком операционном столе.

Дэвид приказал правую стопу Баттеруорта поместить в прозрачный пластиковый мешок, чтобы исключить инфекцию в ходе операции. Стопа была цвета белого мрамора.

Используя небольшие инъекции, он обезболит верхнюю часть правой ноги больного. Ввиду отсутствия пульса он решил, что бедренная артерия должна проходить приблизительно в дюйме от надреза. Неправильный расчет, и он столкнется с такой трудной операцией, где единственным решением окажется второй надрез. Сосредоточься, приказал он себе. Сконцентрируй всю свою волю. Скрытые за маской уголки его губ приподнялись и на лице заиграла тонкая улыбка знающего себе цену человечка. Он был готов.

– Скальпель, пожалуйста, – сказал Дэвид, беря из рук хирургической сестры инструмент. Он замер, закрыл глаза, затем сделал глубокий вдох, чувствуя каждой клеточкой своего тела ответственность момента. Открыв глаза, он оглядел стоящих рядом людей, которые застыли в немых позах в ожидании его приказаний. Слегка кивнув анестезиологу и бросив последний взгляд на обескровленную ногу Баттеруорта, он сделал надрез. Туго натянутая кожа раздвинулась, сразу же обнажив бедренную артерию. – Попал в "десятку", – прошептал Дэвид.

В течение нескольких минут артерия, твердая и тяжелая от тромба, была изолирована двумя тонкими полосками лейкопластыря, расположенными на расстоянии двух дюймов друг от друга. Осторожно он ввел длинную тонкую трубку с откачивающим баллоном внутрь артерии в направлении стопы. Определив, что наконечник трубки находится в требуемом положении, он накачал баллон и также осторожно вывел трубку обратно через надрез. Два фута вязкой темной жидкости ударили из трубки прежде, чем Дэвид успел освободить баллон. Он повторил процедуру в противоположном направлении и удалил сгусток крови, который привел к закупорке вен. Последовало промывание с помощью разжижителя крови, и на этом все было кончено. Он затянул полоски лейкопластыря, чтобы поток крови не хлынул через артерию, затем закрыл надрез в сосуде с помощью ряда мелких швов.

Второй раз за менее чем двадцать минут Дэвид обменялся мгновенным взглядом с каждым участником операции. Затем молча вздохнул, задержал дыхание и отпустил края лент. Сразу же нога Баттеруорта приняла естественный нормальный цвет. Все радостно зашумели. Операция прошла как по маслу. Лучше не придумаешь. Опыренный успехом, Дэвид громко объявил Баттеруорту, что все обошлось, но тот так и не проснулся ни разу во время операции.

* * *

"Это было *просто* отлично, доктор Шелтон. Это было просто *отлично*, доктор Шелтон. Это *было* просто отлично, доктор Шелтон". Раз за разом повторял Дэвид слова хирургической сестры, ветерана больницы, пытаясь воспроизвести в точности ее интонацию. «Может быть, тебе следует позвонить ей и попросить повторить все это, чтобы не мучиться», – сказал он самому себе. Продиктовав оперативное замечание, он принял душ и переоделся. Теперь можно отправиться в корпус Юг-4, чтобы сообщить доктору Армстронг о том, что Баттеруорт был успешно прооперирован.

Он посмотрел на свои часы: без десяти восемь. Его второе подряд ночное дежурство в больнице и первое с тех пор, как он вступил в штат хирургов восемнадцать лет назад.

Маргарет Армстронг уже была на этаже, пила кофе и вела непринужденную беседу с Кристиной Билл и палатной сестрой, Уинни Эджерли. Когда Дэвид подошел к женщинам, его глаза невольно устремились на Кристину. Ее глаза и улыбка, казалось, говорили тысячу разных вещей одновременно. Или, возможно, это были его слова, его мысли, а не ее. В воображении промелькнуло идеальное, как драгоценный камень, лицо Лорен, и исчезло под взглядом этих карих глаз, устремленных на него.

Голос доктора Армстронг вывел его из забытья.

– Эй, Дэвид, – весело сказала она. – В больнице только и говорят о том, как ты сделал новую ногу моему коротышке. Молодец! Бери чашку и поднимем тост за твою успешную операцию. – Она взглянула на содержимое чашки, поморщилась и добавила: – Если, конечно, это можно назвать кофе.

На ней была черная юбка и светло-голубой кашемировый свитер. Золотая брошка-бабочка была единственным ее украшением. Она носила белый халат без пуговиц, какие неофициально полагались только профессорам или видным преподавателям. Ее черные волнистые волосы были коротко подстрижены и идеально сочетались с цветом ярко-синих глаз и тонкими чертами лица. От нее исходила такая энергия, которая заставляла подчиняться и уважать ее. В статье, написанной шесть лет тому назад и посвященной значительному вкладу Армстронг в медицину, она была охарактеризована как "Заметная фигура в американской кардиологии". А в то время ей было всего лишь пятьдесят восемь.

Обозревая пост медицинских сестер, Дэвид не мог не заметить непринужденных отношений, установившихся между Армстронг и двумя сестрами. Не то, что у доктора Уолласа Хатнера – с учетом того факта, что доктор Армстронг была женщиной. Контраст становился еще более ярким, когда она встала и налила ему чашку кофе.

Она представила его сестрам как "героя дня" и, озорно подмигнув Кристине, добавила, что Дэвид, насколько ей известно, не женат. Он покраснел и закрыл глаза в явном смущении, но одновременно понял, что тщательно избегает зрительного контакта с Кристиной. Через несколько секунд Армстронг заставила его подробно рассказать, как он оперировал ногу Баттеруорта. Опасность на этот раз миновала.

Рона Гоулд, младшая медсестра, присоединилась к группе, когда Дэвид с помощью красного и синего фломастера рисовал детали операции.

У него сложилось мнение, что Армстронг уже знает достаточно много об операции, вероятно, от одной из операционных сестер. Вместе с тем она приняла самое живое участие в дискуссии.

– А знаешь, – сказала она наконец, – я зашла в послеоперационную палату проведать Олдоса, а он ничего не помнит. Прорых самый важный момент в своей жизни. Человек мог лишиться ноги, если не сказать большего, а он спит как ни в чем не бывало. Вот что значит хорошая местная анестезия. А?

– Мне кажется, что он заснул после моих объяснений, что я собираюсь с ним сделать, – пошутил Дэвид.

Армстронг рассмеялась вместе с тремя сестрами, потом сказала:

– Дэвид, ты что-то говорил о трудной больной здесь, на Юге-4, Шарлотте Томас?

– По правде говоря, да, – ответил Дэвид. – Вы случайно не читаете чужие мысли?

– Ничего такого экзотического. Мы с сестрами вычислили, что на этом этаже только она одна соответствует описанию, поэтому я воспользовалась шансом и просмотрела ее карту.

– И?

– Ты оказался прав. У нее быстро развивается общий паралич тела. Фактически у меня только одно дополнение к твоей замечательной записке, которую ты написал утром, перечисляя ее многочисленные проблемы. У твоей миссис Томас в довершение всего еще и определенные признаки заболевания коронарной артерии. Я нашла их на электрокардиограмме. По крайней мере, я так прочитала кардиограмму, – скромно прибавила она. – К тому, что делается, решительно нечего добавить. Ты не считаешь, что закупорка кишечника потребует повторного обследования?

– Господи, надеюсь, что нет! – воскликнул Дэвид. – Для нее это будет третья серьезная операция меньше чем за три недели.

– Доктор Шелтон, у меня к вам вопрос, – сказала Кристина.

– Пять, пять, пять... два, ноль, один, шесть, – протараторил он.

– Что это?

– Номер моего телефона, – ответил Дэвид и немедленно сообразил, что ему следовало бы побольше узнать о Кристине Билл, Прежде, чем подобным образом шутить с ней.

Гоулд с Эджерли рассмеялись, но Кристине было не до смеха.

– Не смешно, – сказала она. – Я не встречала другой такой женщины, которая так бы мучилась, как Шарлотта Томас.

Дэвид пробормотал извинение, но Кристина словно не слышала его и продолжала:

– Мне непонятно, почему, если у нее столько неизлечимых болезней, доктор Хатнер приказал задействовать правило девяносто девять. В особенности после того, что случилось прошлой ночью.

– Простой ночью? – спросила Армстронг. – А что случилось прошлой ночью?

Дэвид молчал, не понимая, что она имеет в виду. Кристина замолчала, выжидающе уставившись на него. Наконец, он сказал:

– Муж миссис Томас и доктор Хатнер вступили в дискуссию относительно инвазивных методов лечения, избранных Хатнером. Муж был рассержен, даже, я бы сказал, пришел в ярость. Я полагаю, это и понятно. С такого рода вещами мы все время от времени сталкиваемся.

– И как Уолли воспринял, это? – спросила Армстронг, от любопытства наклоняясь вперед и рассеянно вертя чашкой с кофе.

– Как и следовало ожидать в такой обстановке, я так думаю, – сказал Дэвид. – Пожалуй, зашел немного далеко. Но упрямо стоял на своем. Отказался менять свой план лечения, независимо от того, что требовал Томас, который испытывал страшный стресс. В конце концов, Хатнер вовлек меня в это дело. Боюсь, что мое мнение и то, как я его выразил, пришлось ему не по вкусу. – Дэвид угрюмо улыбнулся своему эвфемизму.

– А лично твое отношение ко всему этому, Дэвид?

Голос доктора Армстронг звучал вкрадчиво, и по ее тону он догадался, что с ее стороны не последует никаких упреков в его адрес.

– Ситуация, что и говорить, чертовски запутанная, если вы простите мне такое выражение, – извинился он. – Я хочу сказать, что всегда труднее *не* использовать тот или иной метод лечения, чем просто брать первое же, пришедшее на ум лекарство, машину или хвататься за скальпель. Вот почему у нас так много таких, кто почти ничем не отличается от маразматиков. – Я, – продолжал он, – наблюдая за смертью близких мне людей от затяжных и тяжелых болезней, пришел к убеждению, что иногда доктор должен решиться на смелый шаг и предоставить природе делать свое дело. Вы не согласны со мной?

Решиться на смелый шаг... Предоставить природе делать свое дело... Что-то было в этих словах... в том, как они были произнесены. Маргарет Армстронг закрыла глаза, но слова Дэвида эхом звучали в ее голове, напомнив ей о других словах. Других словах и голосе молодой девушки.

«Все хорошо, мама... я здесь, мама».

– Вы не согласны со мной, доктор Армстронг?

«Мама, скажи, чем я могу тебе помочь... Тебе по-прежнему так же больно? Скажи, чем я могу тебе помочь... Пожалуйста, скажи, что я могу для тебя сделать...»

– Доктор Армстронг?

– О, да, – опомнилась она. – Итак, Дэвид, боюсь, что я в большей степени согласна с подходом доктора Хатнера, чем с твоим. – Как долго она пребывала в забытьи? Ждут ли они от нее объяснений или нет?

– Что вы хотите этим сказать?

"Нет, – решила она, – никаких объяснений".

– Исходя из вашей теории, врач будет постоянно сталкиваться с необходимостью изображать из себя Бога. Решать, кому жить, а кому умереть. Этаким Нерон от медицины. Большие пальцы вверх – мы вводим внутривенную инъекцию. Пальцы вниз – нет.

Дэвид откликнулся с такой эмоциональностью и силой, что поначалу испугал ее.

– Я считаю, что главная обязанность врача не постоянно вступать в битву со смертью, а делать все, от него зависящее, чтобы уменьшить боль и повысить качество жизни больных. Я хочу сказать, – продолжал он не столь пылко, – испробовали ли мы все методы лечения, провели ли все необходимые операции, даже если у них один шанс из миллиона... десяти тысяч выжить? – В наступившей тишине он осознал, что снова перешел к громким патетическим выражениям там, где было достаточно простых и ясных слов.

В этот момент Уинни Эджерли, прямая и довольно скучная женщина лет пятидесяти, настолько прониклась выступлением Дэвида, что тоже решила высказаться. – Я целиком на стороне доктора Армстронг, – искренне заявила она. – Я не хотела бы, чтобы из меня вытащили трубки, когда есть хоть малейший шанс. Кто знает, что может случиться в самую последнюю минуту. Правильно?

– Поймите меня правильно, миссис Эджерли, – сказал Дэвид, – стараясь сохранить спокойствие. – Я не за то, чтобы вытаскивать какие-либо трубки из кого бы то ни было. Я заявляю, что мы должны подумать дважды или более чем дважды, вводить ли их кому-то. Разумеется, они могут помочь, но они также могут продлить бесконечно агонию. Я выражаюсь достаточно ясно?

Эджерли кивнула, но по выражению ее лица было понятно, что она не согласна.

– Стало быть, Дэвид, – подытожила доктор Армстронг, – как все это отнести к вашей миссис Томас?

– Никак, – коротко ответил он. – Программа лечения миссис Томас четко определена доктором Хатнером. Моя обязанность – следовать установленному плану, насколько это в моих силах. Вот и все.

Армстронг хотела было что-то сказать, но по трансляции объявили, что доктора Дэвида срочно вызывают в пункт скорой помощи.

– Нет дыма без огня, – заметил он, улыбаясь и выжидающе глядя на доктора Армстронг.

– Но я знаю, что ты готов ринуться в бушующее пламя, – произнесла она. – Я очень рада за тебя, Дэвид.

– Спасибо, доктор Армстронг, – он допил кофе и добавил: – Спасибо за все.

Кивнув Эджерли и Гоулд и задержавшись взглядом на Кристине, Дэвид направился в кабинет неотложной помощи.

Кристина осталась сидеть одна на посту, поскольку все разбрелись по своим делам. На ее лице застыло озадаченное, ироничное выражение. Она опустила правую руку в карман свитера и с минуту водила пальцами по шприцу и ампуле с морфином, завернутыми в носовой платок. Затем поднялась и с деланным безразличием двинулась в направлении палаты 412.

Глава IX

– Вы занимаетесь руками, доктор Шелтон? – спросил Харри Вейсс, стажер с орлиным носом, который вызвал Дэвида в кабинет срочной помощи. (Благодаря своей экзотической внешности он легко мог бы претендовать на роль Икабода Крейна в постановке "Легенды спящей пещеры").

– Покажите, что у вас там, – сказал Дэвид.

Пункт скорой помощи находился в привычном состоянии вечернего хаоса. Человек двадцать больных с самыми различными травмами и недугами сидели в переполненной приемной. Носилки появлялись и исчезали как грузовые катера в оживленном порту, доставляя человеческий груз на рентген, беглый осмотр или в палаты, где лежат больные. Звонили телефоны. Стоял невообразимый шум от одновременно говорящих людей. Когда стажер вел его в травматологическую палату 8 до Дэвида долетели обрывки фраз. "То есть как это не сможешь получить результаты через час? Человек истекает кровью. Они нужны нам позарез...", "Миссис Рамирез, я понимаю ваше состояние, но ничем не могу вам помочь. Хуана Рамиреза просто здесь нет...", "Сейчас вы почувствуете покалывание..."

Больной, к которому был вызван Дэвид, оказался сорокалетним рабочим, который на миг, ужасный миг, потерял контроль над электроплитой, лишившей его двух пальцев, а третий болтался на тонком сухожилии. Еще одна безнадежная ситуация, сказал себе Дэвид, разглядывая поврежденную кисть. Он перебросился несколькими словами с потерпевшим, который перестал сильно потеть, но остался бледным как полотно, и вышел с возбужденным молодым стажером в коридор. Дэвиду предстояло решать, самому ли заняться пальцами или предоставить это стажеру под его наблюдением. Он решил пожертвовать временем, вспомнив, сколько раз допоздна другие хирурги задерживались, чтобы обучить его искусству их трудного ремесла. Прошло не менее получаса, пока он не убедился, что Вейсс сам может успешно довести операцию до конца.

На Юге-4 было необычно спокойно, когда Дэвид вышел из лифта и зашагал к палате 412. Взрыв смеха, раздавшийся из комнаты медсестер, говорил о том, что сейчас у них перерыв – по крайней мере, у некоторых. Он подумал о Кристине Билл, мечтая о том, чтобы столкнуться с ней в коридоре.

При мысли о ней на душе у него стало легко и весело. Она такая интересная и у нее такие странные глаза, подумал Дэвид. Но и Лорен прекрасна, и у нее удивительные глаза. Ты реагируешь так, потому что она далеко. Вот и все. Будь благоразумен. В Лорен ты имеешь все что может дать женщина: красоту, ум, независимость. Правильно? Правильно. Логика была неопровержима и исключала всяческие возражения. Но таинственный голос в глубине сознания нашептывал ему. "Подумай хорошенько... подумай хорошенько..."

Свет в палате Шарлотты Томас был выключен. Дэвид остановился в дверях, глядя сквозь полумрак туда, где стояла кровать. Машина для дренажа желудочно-кишечного тракта, настроенная на прерывистое отсасывание, мягко урча остановилась, потом уверенно заработала дальше. Пузырьки кислорода закипали в стеклянном сосуде, укрепленном на стене. Он стоял и решал, стоит ли прерывать ее сон, чтобы снять показания, которые в лучшем случае будут без изменения. Наконец, он пересек комнату и включил лампу дневного света над кроватью.

Шарлотта лежала на спине с умиротворенной улыбкой на лице. Прошло несколько секунд, прежде чем Дэвид сообразил, что она не дышит.

Инстинктивно его рука метнулась к ее шее в поиске пульсации сонной артерии. Кажется, пульс прощупывается... Но нет, это только учащенно бьется его собственное сердце в кончиках пальцев. Сжав кулаки вместе, он сильно ударил в середину грудной клетки Шарлотты. Затем Дэвид принялся делать искусственное дыхание изо рта в рот, быстро и сильно нажимая на грудину. Но снова нащупав сонную артерию, он убедился, что все напрасно.

Он бросился к двери и по опустевшему коридору разнесся его громкий голос.

– Правило девяносто девять! – После чего он вернулся к кровати и еще раз попытался вернуть ей дыхание.

Через тридцать секунд, показавшихся ему вечностью, в палату влетела Уинни Эджерли, толкая перед собой тележку экстренной помощи. Одновременно по всем этажам разнеслось по динамикам:

– Правило девяносто девять, Юг-4, четыре-двенадцать... Правило девяносто девять, Юг-4, четыре-двенадцать... Правило девяносто девять...

Через минуту палата 412 наполнилась людьми и машинами. Эджерли ввела короткий воздуховод в рот Шарлотты и принялась с помощью дыхательного мешка оживлять ее. В это время Дэвид продолжал сдавливать ее сердце. Вбежала санитарка и робко остановилась у одной из машин, ожидая, когда ей скажут, что делать. Появились еще две сестры, за ними Кристина с электрокардиографом. Провода машины были быстро подсоединены к ее запястьям и щиколоткам.

Через три минуты появился стажер, за ним второй и, наконец, анестезиолог, огромный, восточного типа мужчина, который представился как доктор Ким. Он сменил Эджерли у изголовья кровати и посмотрел на Дэвида, который поручил массаж груди одному из резидентов, а сам бросился к кардиографу.

– Тубаж? – спросил доктор Ким, и Дэвид молча кивнул.

В палате появились специалисты по ингаляции и лаборанты: ни на кого не обращая внимания, Ким принялся за дело. Он взял стальной ларингоскоп и вставил его лезвие, загнутое под прямым углом, глубоко в горло Шарлотты, приподняв корень ее языка и обнажив тонкие и серповидные голосовые связки.

– Дайте трубку 7 и 5, – обратился он к сестре, ассистировавшей ему. Прозрачная пластиковая трубка диаметром три четверти дюйма была снабжена на конце пластиковой грушей, из которой был откачен воздух. Умело гигант просунул ее между голосовыми связками Шарлотты в трахею. Затем он использовал шприц для накачивания груши, закрыв область вокруг трубки от утечек воздуха. После этого он прикрепил черный дыхательный мешок к наружному концу трубки, подключил кислород к мешку и принялся подавать его в легкие Шарлотты со скоростью тридцать тактов в минуту.

Кристина стояла рядом с Дэвидом и следила за тем, как он пытается центрировать стрелку на кардиографе. Ее глаза неотрывно следили, как перо самописца ходит вверх и вниз. Появился ритм...

определенный, регулярный ритм. *О, мой Бог, он оживляет ее!* Она едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Единственная возможность, которую она не учла, и вот теперь это происходит на ее глазах. С каждым новым ударом сердца ужасная картина представала перед Кристиной. Шарлотта, прикованная к дыхательному аппарату. Новые трубки. Один нескончаемый день будет сменяться другим, заставляя ее постоянно думать, а проснется ли мозг женщины, лишенный кислорода. Что она наделала!

Тонко разлинованная бумага извергалась из машины, наподобие лавы, образуя бесформенную кучу у ног Дэвида. Ритмическое биение продолжалось.

– погоди! – крикнул Дэвид стажеру, чтобы он прекратил сжимать грудную клетку, желая лучше прочесть показание машины.

Мгновенно пульсирующие скачки стрелки исчезли, уступив место мелкому биению сердца. Ее дрожание было искусственным – ответом на усилие стажера.

Кристина неправильно истолковала работу кардиографа. Она чуть было не лишилась чувств.

– Ее ритм похож на едва заметную фибрилляцию. Пожалуйста, продолжайте массаж, – голос Дэвида был тверд, но спокоен. Кристина почувствовала, что к ней возвращается самообладание. – Кристина, пожалуйста, приготовься. Даем четыреста джоулей.

Приказание дошло до нее медленно. Слишком медленно.

– Мисс Билл! – заорал Дэвид.

– О, да, доктор, сейчас! – Кристина бросилась к дефибрилятору. Все смотрят на нее? У нее не хватило мужества поднять голову. Повернув ручку на машине на отметку 400, она выдавила из шприца электродную пасту на два стальных контакта и подала их Дэвиду.

Дэвид показал рукой стажеру, чтобы тот отошел в сторону. Затем он быстро прижал одну пластину к левой груди Шарлотты, а другую на расстоянии шести дюймов под левой подмышкой.

– Всем отойти к кровати! – приказал он. – Готово? Включаю!

Он нажал на красную кнопку, расположенную на одном из контактов. Раздался глухой взрыв, когда сильный импульс энергии устремился в тело Шарлотты. Ее руки как у марионетки взлетели вверх, чтобы потом безжизненно упасть вниз. Ее тело выгнулось, застыло на миг и обмякло.

Стажер возобновил свою работу, но вскоре движением головы дал понять студенту-медику, стоявшему рядом, что он устал. Периодически меняясь, они продолжали массаж.

В следующую секунду Дэвид приказал провести внутривенные вливания. Бикарбонат для противодействия возрастающему количеству молочной кислоты в крови и тканях, адреналин для стимулирования сердечной деятельности, даже глюкозу, предполагая, что содержание сахара по какой-то причине может упасть слишком низко. Все напрасно. Новая инъекция адреналина с двумя высокоразрядными шоками. Опять никакого положительного эффекта. На кардиограмме появилась одна сплошная прямая линия. Даже мелкая фибрилляция пропала. Стажер снова сменил студента – ничего. У изголовья кровати гороподобный анестезиолог стоял неумолимо, сжимая баллон, который казался не больше мягкого черного мячика в его огромной ладони.

– Введите ампулу адреналина в сердечную иглу, пожалуйста, – попросил Дэвид. Хотя инъекция через подключичную внутривенную линию должна проникнуть в сердце, но ее острое могло уйти в сторону. Он приложил руку к левому боку грудины Шарлотты и с помощью пальцев отсчитал четыре межреберных промежутка. Держа ампулу с адреналином в другой руке, он погрузил четырехдюймовую иглу с ним прямо в грудь Шарлотты. Почти сразу же темная густая кровь брызнула в ампулу. Прямое попадание. Игла засела где-то в сердце. Стоя за его спиной, Кристина затаила дыхание и отвела глаза в сторону.

Дэвид ввел адреналин. Стрелка кардиографа бешено заметалась, а с ней и его сердце. Затем он заметил, что студент раскачивается взад и вперед, механически массируя левую руку Шарлотты. Дэвид движением руки показал, чтобы он отошел от кровати. В то же мгновение кривая на аппарате вытянулась в сплошную прямую.

Кристина почувствовала, как напряжение в комнате стало спадать. Она уставилась в пол. Все было кончено.

Дэвид взглянул на анестезиолога и пожал плечами, как бы говоря: "Есть какие-нибудь идеи"?

Доктор Ким спокойно выдержал его взгляд и спросил:

– Будешь вскрывать клетку?

Дэвид немного подумал и на всякий случай спросил, хотя знал, каким будет ответ. – Как ее зрачки?

– Фиксированы и расширены, – ответил Ким.

Дэвид уставился в угол комнаты, закрыл крепко глаза и снова их открыл. Наконец он протянул руку и выключил кардиограф. – Все. Спасибо всем, – только и мог сказать он.

Комната начала пустеть. Оставшись один, Дэвид еще долго глядел на безжизненное тело Шарлотты. Несмотря на трубки, синие пятна и электрические ожоги на груди, от этой женщины веяло чем-то умиротворенным и прекрасным.

Наконец-то она обрела покой.

Внезапно начало сказываться напряжение пережитого. Его руки и подмышки похолодели и покрылись потом.

Весь дрожа, Дэвид вышел из палаты 412, чтобы позвонить Уолласу Хатнеру. В глубине души он смутно почувствовал, как на него пахнуло холодом кошмара. Он взглянул на часы, висевшие на стене. Как долго они оживляли ее? Минут сорок пять? Час? Черт возьми, какая разница, – пробормотал он, садясь за стол в комнате медсестер, чтобы сделать запись о смерти в карту Шарлотты Томас.

– Как я?.. А... в норме. Спасибо, – ответил Дэвид, кладя подбородок на стол и разглядывая чашку, оказавшуюся прямо перед его носом. – Спасибо за кофе.

– Мне очень жаль, что она не оправдала ваших ожиданий, – произнесла Кристина.

Дэвид продолжал глядеть на чашку, как бы ища ответ на какую-то космическую тайну.

– Калий! – вдруг воскликнул он.

Кристина, которая хотела было выйти, избавиться от этого напряженного молчания, вернулась к нему. – Что калий?

Он поднял голову и сказал:

– Что-то здесь не так, Кристина. То есть что-то неестественное. Может, я ошибаюсь, но я не могу припомнить ни одной остановки сердца, где хотя бы на короткое время оно ни ожило бы... даже когда прошло значительно больше времени между остановкой и правилом девяносто девять. Проклятье! Жаль, что у меня не было времени измерить ее уровень калия. Калий, кальций... не знаю, что, но я убежден, где-то произошел отказ.

– А сейчас разве нельзя измерить уровень калия? – спросила Кристина.

– Можно, конечно, но мало толку. Во время реанимирования и после смерти калий выбрасывается в кровяную систему из тканей, поэтому уровни обычно в любом случае бывают высокими. – От злости он сжал кулаки.

– А из-за чего уровень калия может резко измениться? – дрожащим голосом продолжала Кристина.

– По разным причинам, – ответил Дэвид, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы заметить ее состояние. – Внезапно забарахлили почки... тромб в крови... даже неправильно прописанное лекарство. Должно быть, я где-то ошибся. Впрочем, это уже не имеет значения. Мертвый человек он и есть мертвый, – заключил он и заметил, что его слова причиняют ей боль. – Извини, я не хотел тебя обидеть. Боюсь, что приятная перспектива разговора с доктором Хатнером, находящимся в Кейп-Коде, выбила меня из колеи. Я не думаю, что он придет в восторг, если узнает эту новость, вернувшись домой. Послушай, может быть, как-нибудь мы сядем и поговорим о миссис Томас. Хорошо?

– Может быть... как-нибудь, – отвернувшись в сторону, чуть слышно проговорила Кристина.

* * *

Отыскав в записной книжке номер телефона, оставленный Хатнером, Дэвид после непродолжительного препирательства с телефонисткой дозвонился до него. "Алло" Хатнера не оставляло никаких сомнений, что он спал.

– Господи, помоги, – проговорил Дэвид, воздев глаза к небу. – Доктор Хатнер, это Дэвид Шелтон – прокричал он в трубку.

– Да, в чем дело, Дэвид? – почти с раздражением спросил Хатнер.

Только теперь Дэвид сообразил, что надо было переждать и позвонить завтра. – В Шарлотте, доктор Хатнер, Шарлотте Томас. – Он почувствовал себя так, словно его язык быстро распух и достиг размеров грейпфрута.

– Ну и что с ней?

– Полтора часа назад было установлено, что ее пульс остановился. Мы пытались оживить ее... по полной программе... работали не покладая рук – все напрасно. Она мертва, доктор Хатнер.

– Что значит работали по полной программе? Черт возьми, что у вас там произошло? Я обследовал ее этим утром, и ее состояние оставалось достаточно стабильным.

Дэвид не предполагал, что разговор с Хатнером будет легким, но к такому повороту событий он оказался не готов. Его язык перешел стадию грейпфрута и увеличился до размеров арбуза.

– Я... я не знаю, что произошло, – проговорил он. – Может, все дело в гиперкалемии. Кардиограмма показала короткий период мелкой фибрилляции, затем ничего. Сплошная прямая. Мы сделали все возможное. Результат тот же.

– Гиперкалемия? – в голосе Хатнера прозвучало больше удивления, чем гнева. – В прошлом у нее никогда не было проблем с содержанием калия.

– Вы хотите, чтобы я позвонил мистеру Томасу? – наконец спросил Дэвид.

– Нет, предоставьте это мне. Он все равно ждет моего звонка, – задумчиво протянул Хатнер, но тут же снова перешел на резкий тон. – Для меня ты можешь сделать вот что – свяжись с Ахмедом Хадави, старшим патологоанатомом. Передай ему, что утром будет вскрытие трупа этой женщины. Я хочу знать точно, что же произошло. Если почему-то Томас не согласится, я сам сообщу Хадави, что все отменяется. Передай также ему, что мы будем в секционном зале завтра утром ровно в восемь с письменным разрешением Питера Томаса. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил Дэвид, но Хатнер уже повесил трубку. Он положил трубку на рычаг и в сердцах добавил: – Проклятье!

Пост медицинских сестер был пуст, если не считать Дэвида и секретарши отделения, которая предпринимала отчаянные усилия, чтобы не замечать его. Закрыв глаза, он сел, растирая пальцами виски и пытаясь избавиться от неприятных эмоций, бушевавших в душе. Огорчение? Конечно, это и понятно. Депрессия? Пожалуй, что да. Только что он потерял больного. Одиночество? Черт возьми, как не хватает Лорен!

Но что-то еще не давало покоя. Нечто, покрытое туманной дымкой и расплывчатое. Такое, на чем нельзя было сконцентрироваться. Это нечто *было* связано с другим чувством. Прошло несколько минут, и Дэвид начал догадываться, что его беспокоит. В основе всех его реакций, всех его эмоций лежит неопределенное чувство страха. Дрожа и не совсем отдавая себе отчет в том, что он делает, Дэвид набрал номер Лорен и бросил трубку только после десятого гудка. Несмотря на то, что в больнице у него оставались еще кое-какие дела, Дэвид ощутил настоятельную необходимость уйти отсюда. Позвоню Хадави из дома, решил он.

* * *

Кристина, прислонившись к дверному косяку, ждала, когда Дэвид уйдет. Она ничуть не сомневалась в справедливости того, что сделала, но вместе с тем у нее остался неприятный осадок от содеянного.

Позднее, оторвавшись от составления отчета, она направилась по безлюдному коридору к телефону-автомату. Номер, который она набрала, отличался от того, каким она воспользовалась днем раньше. Неужели прошел только один день?.. Но на этот раз ей никто не ответил. Раздался щелчок и протяжный сигнал.

– Это Кристина Билл из Бостонской больницы, – размеренно произнесла она. – Руководствуясь состраданием и инструкциями "Союза ради жизни", второго октября я помогла прекратить мучения безнадежно больной Шарлотты Томас, введя ей сернокислый морфин. Затягивание необоснованных страданий для человека презренное дело, с которым необходимо всячески бороться. Дстойная жизнь человека и достойная смерть человека должны быть сохранены во что бы то ни стало. Конец сообщения.

Она повесила трубку, затем, повинуясь неодолимому желанию, снова подняла трубку и набрала номер телефона Джерри Кроссуэйта.

При звуке его голоса у нее пропало всякое желание.

– Алло, – спросил он. – Алло... Алло?

Ничего не говоря, Кристина осторожно положила трубку.

В тени противоположного конца коридора Джанет Поулос наблюдала за тем, как Кристина отложила составление отчета и

направилась к телефону, чтобы доложить о состоянии Шарлотты Томас. В этом она ничуть не сомневалась.

– Поговори с ней о Саде, – неоднократно советовала Георгина. – Осторожно, но обязательно поговори.

Джанет возражала ей, считая, что Билл совсем недавно в "Союзе" и еще не готова к вступлению в Сад, однако, Георгина продолжала настаивать.

– Ты только вспомни, – говорила она, – что стало с тобой, когда три года назад я решила, что *ты* не готова. Если я не ошибаюсь, ты подумывала о самоубийстве, не позвони я тебе в тот вечер.

Фактически в тот вечер Джанет мало что сообщала. Приняв к тому времени сотню снотворных таблеток, она лежала на кровати. Отвращение к себе и глубокое чувство бессилия подтолкнули ее к краю пропасти.

Годами она жила ненавистью. Ненавистью к врачам вообще и к одному в частности. Она вступила в "Союз", чтобы, используя эту организацию, поставить на место отдельных докторов медицины. Где необходимо, она даже подтасовывала данные для получения утверждений и рекомендаций регионального контрольного комитета в отношении пациентов.

Однако после шести лет, когда ей удалось представить комитету более двух десятков больных, та скудная финансовая поддержка, которую она время от времени получала за выполненную работу, прекратилась.

Но в один прекрасный день все изменил лишь единственный телефонный звонок. Каким-то образом Георгина пронюхала о фальсифицированных отчетах и рентгеновских снимках, а также о ненависти Джанет к врачам и их власти... выведала все детали ее жизни, но к тому времени ей было на все и на всех наплевать.

Целый год после того как она попала в Сад, Георгина постепенно вводила ее в курс всего происходящего. Приблизительно раз в месяц она называла ей фамилию больного в северо-восточном крыле, который был утвержден Союзом для эвтаназии. Джанет поручалось организовать встречу с убитой горем семьей этого больного и предложить милосердную смерть дорогого им человека в обмен на значительное вознаграждение. Достигнутая договоренность затем

выполнялась ничего не подозревающей сестрой "Союза", которая первоначально представляла кандидатуру того или иного больного.

Это было замечательное, доходное занятие, и Сад открывал неограниченные возможности для Гиацинты. Внутри Бостонской больницы распустились и другие цветы. Одна из них, Лилия, была пересажена из рядов "Союза" самой Джанет. Вскоре обе женщины получили новые обязанности, главным образом в области, которую Георгина описала как "прямой контакт с больными". Они больше не занимались делами "Союза" – эвтаназия сделалась не их профилем; новые возможности во всех смыслах оказались более стоящими. В их число и попали Джон Чепмен с Карлом Перри.

Заметив, что Кристина кончила говорить, Джанет двинулась к ней. Георгина тонко рассчитала, что после "работы" с такой необычной больной, как Шарлотта Томас, Билл могла "созреть". Гиацинта, однако, сильно сомневалась. Она переговорит с этой женщиной, но только в том случае, пока не рассеются ее собственные подозрения. Билл должна еще напугать нагоняев от врачей, которые сами по себе в своем всевластии часто представляют смертельное оружие. Ей еще нужно насмотреться на разные жестокие случаи, имеющие отношение к "Союзу".

После этого она, может быть, и созреет.

Кристина заметила приближающуюся Джанет и осталась стоять на месте.

– Сделала? – торжественно спросила Джанет. Кристина только кивнула головой. – Поговорим немного? – еще один кивок. Молча они прошли в комнату для отдыха медсестер, и Кристина тяжело опустилась на диван, а Джанет села рядом.

– Никогда не бывает легко, правда? – продолжала Джанет, закидывая ногу за ногу, следя за тем, как Кристина смахивает соринку с кофейного столика.

– Я в порядке, Джанет. Нет, в самом деле. Я отдаю себе отчет в том, что делаю... что мы делаем. Поверь. Я знаю, как сильно Шарлотта хотела покончить с этим... Рак, разъевший всю ее печень, а доктор Хатнер требовал, чтобы эти трубки постоянно торчали в ней... Все хорошо, – говорила она медленно, но уверенно.

– Ты не услышишь от меня ни слова осуждения, дорогая, – сказала Джанет, пожимая ей руку, чтобы как-то подбодрить. В ответ

Кристина тоже дотронулась до ее руки. – Очень плохо, что мы единственные, кому приходится нести всю эту проклятую тяжесть, вот и все. – Кристина молча кивнула и скорбно опустила плечи.

Пожалуй, Георгина права. Джанет все же решила пойти немного дальше.

– Такая ответственность, а что мы имеем? Ничего!

Кристина резко повернулась, сверкнув глазами:

– Джанет! Что это значит – ничего?

"Надо выкручиваться, – подумала Джанет. – Хоть раз, но Георгина ошиблась. Наивное идеалистическое пламя Билл не погасло". С трудом выдержав прямой взгляд Кристины, она сказала. – Это значит, что после стольких лет, после сотен, а сейчас, наверное, тысяч, обращенных в нашу веру, ничего не переменилось в медицинской профессии.

– О! – облегченно выдохнула Кристина.

– Стало быть, до тех пор, пока не произойдут изменения, мы делаем то, что обязаны делать. Так?

– Так.

– Слушай, Кристина. Давай как-нибудь вместе пообедаем. У нас много общего, у тебя и у меня, но в таком месте, как это, не особенно поговоришь по душам. Ты уточни свое расписание, а я проверю свое, и в ближайшие дни можно будет куда-нибудь отправиться нам вдвоем. Согласна?

– Согласна. И, Джанет... спасибо за заботу. Извини, что я зарычала на тебя. День выдался просто отвратительный... вот в чем загвоздка.

– Если ты не будешь рычать на свою сестру, – мило улыбаясь ответила Джанет, – то кто будет? Правильно?

– Правильно.

– Ну, мне надо еще к Шарлотте, – поднялась Джанет, – а то ее муж сказал, что он сегодня не придет.

Звони мне в любое время, когда захочешь.

– Махнув на прощание рукой, она ушла. По крайней мере, Георгина будет знать, что они пытались. Билл просто не готова. Очень жаль!

Кристина вернулась вовремя, чтобы закончить свой отчет. Взвинченная, утомленная своей работой в бостонской больнице, она стояла, прислонившись к стене, пока, наконец, не закончилось обсуждение последнего больного, потом первой выскочила из комнаты. Перед ней, ожидая лифта, оказалась Джанет с санитаром. Между ними, на носилках, лежало покрытое простыней тело Шарлотты Томас.

Застывшая на месте Кристина, в голове которой мысли мелькали с калейдоскопической быстротой, следила за тем, как носилки въехали в лифт. И только после того, как двери лифта закрылись, она смогла пошевелиться.

Глава X

Золотые правила медицины, выведенные Фоксом, определяют *патологоанатома* как «Специалиста, который познает свою профессию, идя напролом к сути проблемы, не оставляя ни одного неперевернутого камня (желчного или почечного)».

Как обычно, при одном воспоминании любого из бессмертных определений Джеральда Фокса, на лице Дэвида невольно появлялась улыбка, несмотря на то, что предстояло присутствовать на неприятной процедуре вскрытия тела Шарлотты Томас.

Он опаздывал уже на десять минут, хотя знал, что ничего серьезного не может произойти за такой короткий промежуток времени; разве что будет подготовлено тело Шарлотты и сделан первый разрез. Хотя наблюдения Фокса обычно оказывались исключительно уместными, Дэвид никогда не предполагал, что его циничная максима в отношении патологоанатома явится настолько точной. Ему припомнилось первое впечатление от столкновения с судебной медициной. Это произошло на лекции, которую читал коронер округа перед тем, как группе второкурсников, включая и Дэвида, предстояло наблюдать первое в их жизни вскрытие мертвого тела.

– Причина смерти, леди и джентльмены, – начал старый врач, – вот что мы, в судебной медицине, призваны установить для наших коллег, занятых в судебных кругах. Фактически никто, кроме Бога, не знает, что заставляет человека умирать. Никто. Единственно, что мы можем определить – это состояние отдельного органа в теле пациента на время его или ее смерти. На основании этого мы можем заключить с достаточной точностью причину прекращения сердечной, мозговой или легочной деятельности – единственно истинные причины смерти.

Например, если пациент умер от огнестрельной раны в сердце, мы можем говорить совершенно определенно, что смерть вызвана остановкой сердца при проникающем ранении собственно в сердечную мышцу. Но что мы скажем о пациенте с такой болезнью, как рак? Мы можем обнаружить канцерогенные ткани в печени, мозге, легких или в других органах, и, конечно, в одном отношении можно

утверждать, что рак является причиной смерти. Установление непосредственной причины, однако, почти невозможно. Остановилось ли сердце, поскольку оно было отравлено каким-то неизвестным веществом, выработанным канцерогенными клетками? Или же недостаточность объема жидкости, по причинам, вероятно, не связанным с самим раком, привела к ограничению циркулирования, так что сердце больше не могло функционировать и остановилось?

– Вы должны все это учитывать всякий раз, читая такой диагноз, как "рак", "эмфизема" или "артериосклероз", в качестве причины смерти пациента. Эти болезни могли послужить причиной, приведшей к смерти, но что касается истинной причины смерти... это, мои друзья, остается тайной в подавляющем большинстве случаев...

Тайна. Дэвид в нерешительности остановился перед двумя дверями из матового стекла, на которых буквами из золотой фольги было написано: СЕКЦИОННЫЙ ЗАЛ. Бессонная ночь и хаотичное утро превратили его в злого и раздражительного человека. Перспектива аутопсии Шарлотты только усугубила его отвратительное настроение.

Хатнер был уже внутри. Кейп-Код находится всего в семидесяти милях, и за утро сюда можно добраться без особых проблем. Предпочтет ли он вернуться туда после вскрытия – это другой вопрос. Дэвид дал себе слово, что отправится к ненавистному зубному врачу (а отправляться к нему надо, сколько не тяни), если Хатнер предпочтет остаться в Бостоне и снова взять хирургию в свои руки, но потом подумал о том, чтобы переиграть пари и, по крайней мере, не чувствовать запаха новокаина и не слышать ужасного шума бормашины, если он проиграет в ближайшие два дня. В конце концов он решил, что в случае проигрыша отложит визит к стоматологу, черт его побрал, и мужественно встретит другие, более существенные несчастья.

Резкий запах формалина ударил ему в ноздри, когда он вошел в зал. Это была длинная комната, ярдов в двадцать пять от одного до другого конца. Высокие потолки и чрезмерно яркий флюоресцентный свет частично компенсировали тот факт, что в ней отсутствовали окна. Семь стальных секционных столов, каждый из которых был оснащен шлангом для воды и дренажной системой, располагались на одинаковом расстоянии друг от друга на линолеуме цвета слоновой

кости. Кроме шланга, предназначавшегося для очистки органов во время вскрытия тела и последующей промывки стола, каждый пост имел собственную раковину, черную доску и подвесные весы. Большая красная цифра, от 1 до 7, выложенная на полу, являлась единственной отличительной особенностью каждого места. За исключением поста 4.

По обе стороны этого стола располагалось шесть рядов деревянных помостов, идентичных тем, которые используются в гимнастических залах. В определенное время эти помосты заполняют студенты, находящиеся на различных стадиях переживаний и ощущения странного очарования этого места. В другое время на местах для публики появляются группы стажеров в области патологии и хирургии, и каждый вытянет шею, чтобы не упустить ни одного жеста старшего хирурга, производящего вскрытие. Пост № 4 в прямом и переносном смысле был центром секционного зала Бостонской больницы.

Утром 3 октября в 8.15. на постах 1, 4 и 6 кипела работа; тело, покрытое простыней, покоилось на столе поста № 2. Уоллас Хатнер, скрестив руки на груди, стоял у поста № 4. Помосты были пусты, если не считать стажера, который должен был произвести вскрытие на столе 2, и трех студентов-медиков. Подойдя ближе, Дэвид увидел белое, как полотно, лицо Шарлотты с широко открытым ртом. Он закусил нижнюю губу, проглотил слюну и решил, что лучше сконцентрироваться на вскрытии. Он гораздо лучше переносил аутопсию, воспринимая ее как изучение отдельных органов тела. Чем ближе он позволял себе подходить к человеческому аспекту, тем более неприятной становилась ему эта процедура.

Ахмед Хадави, живой, темный и невысокого роста мужчина с непропорционально большими руками, сделал начальный разрез и погрузился по локоть в грудную полость, деловито занявшись отделением органов груди и брюшной полости от мест присоединения их к шее и стенкам брюшной полости. Работая, он только прищелкивал языком, не выражая никак свои эмоции. Периодически он наклонял голову и произносил ряд слов в управляемый педалью диктофон.

Хатнер холодно кивнул в ответ на приветствие Дэвида. Его поза и манера держать себя ничего общего не имели с мягким, внимательным, почти отечески сердечным врачом, который сидел

рядом с Дэвидом в комнате хирургов каких-то тридцать шесть часов назад. Кивнув головой, он принялся и дальше следить за препарированием, тщательно избегая встречи взглядами. Дэвид беспомощно взглянул на мэтра хирургии. Затем, как неоднократно случалось в трудных ситуациях, им овладел мрачный юмор. Если Хатнер еще сильнее обхватит себя руками, подумал Дэвид, может быть, он рассыплется на мелкие кусочки, и я буду вести его практику до тех пор, пока его снова не склеят.

В этот момент он снова увидел лицо Шарлотты. "Прекрати, Шелтон!" – резко сказал он себе. – "Не смешно! Немедленно прекрати!" Мысленного приказа оказалось достаточно. Он переступил с ноги на ногу несколько раз, затем сел, целиком сконцентрировавшись на патологоанатоме.

– Итак, мы готовы сделать предварительные выводы, – произнес Хадави. Стажер сошел с помоста, чтобы лучше видеть, а Хатнер только сильнее сжал руки в то время, когда патологоанатом принялся детально описывать каждый орган Шарлотты по состоянию в момент смерти.

– Сердце, – начал он, – немного увеличено, и все полости расширены. Имеется небольшая колотая рана в переднем первом желудочке, которая, на мой взгляд, является результатом достойной похвалы по точности внутрисердечной инъекции доктора Шелтона.

Дэвид подумал, что целесообразно чуть улыбнуться и кивнуть головой, но потом спохватился, заметив, что на него никто не смотрит. Тем не менее он улыбнулся и кивнул.

– Отмечается сильно развитое сужение коронарных артерий, – говорил, не останавливаясь, патологоанатом, разрезая одновременно ткани, – хотя незаметны серьезные доказательства недавних нарушений, которые могли бы привести к инфаркту миокарда. – Интерпретация Маргарет Армстронг электрокардиограммы Шарлотты оказались безошибочной, отметил Дэвид. – Учтите, – добавил Хадави, – что присутствие острого инфаркта, отмеченного, скажем, менее, чем двадцать четыре часа назад, часто можно обнаружить только с помощью микроскопического исследования самой мышцы сердца, да и то только в том случае, если мы располагаем правильным срезом.

– Я хочу, чтобы меня известили как можно скорее после того, как будут изучены эти срезы, – приказал Хатнер больше, как показалось Дэвиду, из желания что-то сказать. Хадави бросил на него многозначительный взгляд, давая понять, что слышал его, и принялся за легкие. Немедленно его акций в глазах Дэвида взлетели на несколько пунктов. Оба легких почти наполовину спрессовались от тяжелой инфицированной жидкости. Даже при отсутствии других проблем, вполне возможно, что Шарлотта не смогла пережить такую обширную пневмонию.

Остальная часть обследования была интересна, главным образом, тем, чего не удалось установить. Не располагая, конечно, данными микроскопического исследования лимфатических узлов брюшной полости, Хадави заявил, что не может обнаружить никаких признаков остаточного рака в теле женщины. Киста печени, которую Рыбицки, рентгенолог, ошибочно диагностировал как злокачественную опухоль, заполнила весь орган, и аналогичные заполненные жидкостью капсулы были обнаружены в обеих почках. "Поликистозное поражение печеночной и почечной паренхимы", проговорил Хадави в диктофон.

Наконец патологоанатом отошел от стола, проговорив:

– С телом еще придется немного повозиться, но это не повлияет на мою оценку. Судя по всему, Уолли, картина ясна. Самое важное из того, что я скажу тебе, вот что: пролежень этой женщины настолько глубок и обширен, что я очень сомневаюсь, что его можно было бы залечить даже многослойным лоскутом. Инфекция крестцовых костей уже началась, и ее практически было бы невозможно остановить.

– Кроме того, она имела обширный венозный артериосклероз, который, по моему убеждению, и сказался на сердце. Короче говоря, мое заключение следующее: сердечно-сосудистый коллапс, вызванный легочной и пролежневой инфекцией. Дополнительный стресс был обусловлен частичной и небольшой закупоркой кишечника, которая, как вы можете сами убедиться, вызвана спайками недавнего хирургического вмешательства.

– Доктор Хадави и доктор Хатнер, – сказал Дэвид, – не могли бы мы где-нибудь присесть и поговорить, так как у меня есть несколько вопросов. – Ему претила мысль обсуждать дела Шарлотты над ее разрезанным телом. Хадави понимающе усмехнулся и сел на один из помостов. Хатнер, который продолжал держать руки на груди,

неохотно последовал его примеру. Дэвид определил выражение его лица как нечто среднее между отвращением и яростью. Ни в его глазах, ни в манере поведения не было намека на разочарование или сочувствие. Невзирая на тяжелую болезнь, Шарлотта Томас вошла в больницу как пациент Хатнера, была прооперирована и умерла. Таким образом, она попала в число умерших после операции. Ее операция с последующими осложнениями повлечет за собой самое тщательное обсуждение на семинаре по летальной хирургии. От такой перспективы любой не усидит спокойно на месте, решил Дэвид. Он давно привык больше задавать вопросы, чем отвечать на них.

– Ну, Дэвид, – вывел его из забытья Хадави, – что тебя так беспокоит?

– Ты знаешь, больше всего меня беспокоит ее сердце, которое ни на что не реагировало, когда я пытался применить к ней правило девяносто девять. Это может объясняться просто – слишком много времени прошло между моментом остановки сердца и тем, как я приступил к реанимированию, но я чувствую, что здесь... что-то не так. Может... калия оказалось слишком много, что и привело к фатальной сердечной аритмии.

– Всегда существует такая вероятность, – терпеливо объяснил Хадави. – У меня сохранилось несколько пробирок с ее кровью. Пожалуйста, уровень калия можно проверить в любой момент. Но при этом не забывайте о пределах точности. Ведь такое измерение будет проводиться в отношении пациента, который скончался... в особенности такого, который испытал продолжительное наружное сдавливание сердца.

Наконец заговорил Хатнер. Дэвид не удивился, что тот не хотел сдаваться без боя. – Послушай, Ахмед, – произнес он, тыча в его сторону двумя пальцами, на что Хадави никак не реагировал. – Я совершенно не удовлетворен всем этим. Доктор Шелтон говорит дело. Поскольку макроскопическое исследование не указывает на объяснение причины смерти этой женщины, мы должны докопаться до истины прежде, чем зафиксировать в протоколе нечто неопределенное вроде сердечно-сосудистого коллапса. А что если нерадивая сестра дала ей не то лекарство, которое и вызвало аллергическую анафилактическую реакцию того или иного рода? Ведь было известно, что у нее аллергия на пенициллин.

Хадави, очевидно, привык иметь дело с самомнением Хатнера.

– Если хочешь, – пожав плечами, сказал он, – можно попросить лабораторию, чтобы они определили содержание в ее крови пенициллина. Больше ты ничего не хочешь?

Хатнер ухватился за шанс избежать семинара по летальной хирургии, как тонущий моряк хватается за проплывающий мимо кусок дерева. Ошибочно данное лекарство послужило бы прекрасным поводом для оправдания.

– Да, мне кажется, надо провести широкий анализ, – профессиональным тоном произнес он, выдерживая значительные паузы между словами и явно наслаждаясь ими. – Полный химический анализ... да. Уровни антибиотиков, электролиты, токсины... все, что полагается в таких случаях.

– Поскольку мы не располагаем точными ориентирами, это будет очень дорогое удовольствие, – мягко заметил Хадави, как бы ожидая взрыва эмоций, которые могли бы последовать даже за таким невинным возражением.

– Черт с ними, с деньгами, – вспыхнул Хатнер, и его пальцы замелькали еще быстрее. – Мы здесь говорим о жизни человека. Ты проводишь эти чертовы испытания и даешь мне результаты.

– Как будет угодно, Уолли.

Хатнер удовлетворенно кивнул и направился к выходу. Проходя мимо Дэвида, он щелкнул пальцами и бросил через плечо. – Да, почти забыл. Дэвид... Эта конференция по сосудам в Кейп-Коде оказалась совсем не то, что я думал. Я решил не возвращаться туда. Спасибо за помощь, которую ты оказал вчера. Первого января у меня планируется очередное совещание, может быть, ты и тогда меня подменишь.

В его голосе, подумал Дэвид, столько же искренности, сколько в словах Дон Жуана, уверяющего: "Конечно, я буду уважать вас завтра".

Глава XI

В выборе больницы, как и во всем другом, сенатор Кормиер полагался исключительно на самого себя. Тогда как многие, вашингтонские политики считали престижным лечиться в военно-морском госпитале в Бетесте или у Уолтера Рида, Кормиер отверг все возражения помощников и настоял на том, чтобы его оперировал доктор Луис Кетчем в бостонской больнице.

– Всегда доверяй себе подобным, – сказал он. – Луис старый боевой конь, вроде меня. Или он режет меня, или никто.

Стены палаты сенатора сверху до низу были украшены открытками, и пачки нераспечатанных коробок ожидали своей очереди в углу. Присутствие в палате секретаря и двух помощников помогало создать атмосферу такого же хаоса, который вечно царил в его столичном офисе.

– Сенатор Кормиер, я должна дать вам предоперационные лекарства, и этим людям надлежит покинуть палату. – Сестра, дородная женщина по фамилии Фул-лер, производила достаточно серьезное впечатление, чтобы сенатор мог ее послушаться.

Кормиер провел пальцами по густым посеребренным волосам и, прищурившись, сказал медсестре.

– Еще десять минут.

– Две, – отрезала та.

– Пять, – от заключения сделки у него даже заискрились глаза.

– Так и быть, пять, – сказала она. – Одной минутой больше, и я использую самую тупую иглу для ввода того лекарства. – Сестра решительно направилась к двери, остановилась и строго посмотрела на сенатора, давая ему понять, что она настроена очень серьезно. В ответ Кормиер подмигнул ей.

– О'кей Бет, время заканчивать работу, – сказал он секретарше. – Запомни, ответ с благодарностью всем, кто оставил на карточке обратный адрес. Я подписал чуть ли не тысячу таких посланий вчера, но если они кончились, допечатай, и я надпишу их после операции... Гэри, позвони Лайонелу Герберту и передай ему, чтобы он летел сюда на совещание, которое намечено на послезавтра. Пусть будет готов к

уступкам по этой энергетической программе, иначе, о мой Бог, ей снова быть на чертежной доске. Пусть это знает его босс и все те, с кем он связан по нефтяному бизнесу... Бобби, позвони моей племяннице и скажи, что я в полном порядке, чтобы она не беспокоилась, а самое главное, не расстраивалась из-за того, что не может прилететь сюда, так как ей не с кем оставить ребят. Я скоро сам позвоню ей, как только мне снова разрешат пользоваться телефоном. Да, вот еще что, Бобби... у тебя есть фамилии тех, кто посылал цветы? Поблагодари всех от моего имени. Ты не считаешь, что я задену их чувства, если попрошу в следующий раз прислать конфет? Это место смахивает на кладбище и отдает борделем.

Бобби Крисп, молодой юрист, сообразительный и живой, улыбнулся боссу.

– Вы должны больше мне доверять, сенатор. Вы всего лишь четвертый раз просите об одном и том же. Когда я только начинал у вас, вы просили по семи раз. Я уже занимаюсь этим. Список будет у вас под рукой, как только вы сможете писать, что, вероятно, случится через полчаса после того, как вы отойдете от анестезии. Между прочим, вы никого не знаете по имени Камелия?

– Как? – спросил Кормиер.

– Камелия. Видите эти розовые и голубые цветы на том столе? Их принесли этим утром с запиской, в которой говорилось: "Благодарю за все. Камелия".

– Мужчины! – презрительно произнесла Бет. – То, что вы называете розовыми и голубыми цветами, камелии. Дайте мне взглянуть на эту записку. – Она прочитала ее и пожала плечами. – Все так и есть. Больше ничего.

– Спасибо за проверку, – сказал Крисп. – По чтению у меня э школе были низкие отметки.

– Эй, вы, двое, успокойтесь, – прикрикнул на молодых людей сенатор, потирая подбородок – Камелия довольно странное имя, и я должен был запомнить его. Камелии от Камелии, а?.. – он замолчал, стараясь найти связь между названием цветов и женским именем. Потом покачал головой. – Пожалуй, небольшие провалы памяти – незначительная плата за те перетряски, которые я все еще могу вызвать на Капитолийском холме в мои дряхлые годы. Кто бы она ни была, поздравлений от меня ей не видать.

В этот миг в дверях возникла миссис Фуллер.

– Я сказала пять минут, а прошло значительно больше, – грозно произнесла она. – Честное слово, сенатор, вы самый упрямый и вздорный больной. Мне с такими не доводилось встречаться.

– Хорошо, хорошо. Мы закончили. Знаете, миссис Фуллер, если вы не переменитесь в ближайшее время, я переведу вас из класса крейсерских яхт в категорию бой-баба. – Он улыбнулся и добавил: – Но и в этом случае вы останетесь моей любимой медсестрой. Так что, пожалуйста, поосторожней с этой иглой.

Сестра протерла ватой левую ягодицу Кормиера и сделала ему инъекцию предоперационного средства. Спустя пятнадцать минут он ощутил во рту сухость, и теплое сияние, от которого все становилось безразличным, окутало его. Подобно огням маяка, потолочные светильники в коридоре промелькнули перед ним, когда его везли в операционную.

* * *

Луис Кетчем был высоким, с покатыми плечами ветераном с более чем двадцатипятилетней практикой хирурга. За этот промежуток времени он осуществил сотни операций на желчном пузыре. Ни одна из операций не проходила так гладко, как операция сенатора Ричарда Кормиера. Удаление воспаленного, забитого камнями мешочка прошла очень хорошо, если не считать обычного кровотечения из рядом расположенной печени. Как и сотни раз до этого, Кетчем приказал за последние полчаса операции перекачать больному определенное количество крови.

Анестезиолог, Джон Синглберри, взял пластиковую бутылку с кровью у операционной сестры, молодой женщины, которую звали Жаклин Миллер. Проверив номер бутылки, он подсоединил ее к внутривенной линии. Для ускорения вливания он открыл пошире воздушный патрубок. Кормиер, находясь под глубокой анестезией и дыша через респиратор, спал, лишенный сновидений, и кровь проникала в него из трубки, укрепленной над рукой, подобно огненно-красному серпенту.

Едва перекачиваемая кровь ушла за зеленое покрывало, Жаклин Миллер отвернулась в сторону. Лекарство, которое ей было поручено дать, лекарство, которое она только что ввела в пластиковую бутылку, представляло собой уабайн – быстродействующая и самая сильная форма наперстянки. Его столь трудно обнаружить при химическом анализе, что даже мощные дозы, которые она использовала, практически не поддаются выявлению. Три минуты – все, что требуется для уабайна.

Без всякого предупреждения изображение на кардиомониторе из медленного и плавного сменилось абсолютно хаотичным. Джон Синглберри уставился на золотистый свет, пульсирующий на экране, не веря происходящему.

– Невероятно, Луис! – закричал он. – У него фибрилляция!

Кетчем, который не сталкивался с остановкой сердца в операционной уже много лет, застыл, как парализованный, с погруженными в живот Кормиера руками. Его приказания, когда он все же смог отдать их, оказались неадекватными. Если бы не работа сестер, включая Жаклин Миллер, были бы потеряны драгоценные минуты. Стерильные шторки были быстро вставлены в разрез, и за этим последовали две безуспешные попытки электроимпульсной терапии. Спустя секунды монитор показывал прямую.

Без предупреждения Кетчем схватил скальпель, расширил надрез через нижнюю часть диафрагмы Кормиера. В образовавшееся отверстие он сунул руки, схватил сердце и принялся ритмично его массировать. Ему на помощь бросилась сестра, но все в операционной понимали – это конец. Кетчем продолжал массировать сердце, затем остановился, бросил взгляд на монитор, показывающий прямую линию, и снова взялся за массаж.

В течение двадцати минут он работал руками без какого бы то ни было положительного эффекта. Наконец, он остановился. С минуту в комнате никто не шевелился. Кетчем закусил губу и поверх маски уставился на тело своего друга. Затем две сестры взяли его под руки и, отведя от операционного стола, проводили в комнату для отдыха хирургов.

Стоя поодаль, Жаклин Миллер закрыла глаза, боясь, чтобы они не выдали ее возбужденную улыбку, скрытую под маской. Величайшее приключение в ее жизни закончилось полным триумфом. О, конечно,

Георгина сказала ей, куда идти и что делать, но это *она* сама фактически провела дело. Маленькая Джеки Миллер, повелевающая одним из богатейших людей, самым могущественным нефтепромышленником мира.

Ее охватила нервная дрожь от метаморфозы, происшедшей с ней: девочка из убогого многоквартирного дома, присутствующая на секретном заседании в Оклахоме с президентом "Бичер ойл". Что бы сказал мистер Бичер, если бы он узнал, что женщина, которая передавала ему инструкции, женщина, которая забирала у него четверть миллиона долларов, женщина, которая диктовала каждый его шаг, только что совершила свой первый самостоятельный полет.

Жаклин молча поздравила себя с тем, что судьба свела ее с Георгиной и Садом. Она, правда, мало что о них знает, да это пока и неважно. Когда Георгина будет готова назвать свое Настоящее имя, она узнает больше, а сейчас это ни к чему. Все так занимательно, да и деньги поступают каждый месяц исправно, так что Камелия будет делать все, о чем ее ни попросят, ко всему прислушиваясь и все замечая, что могло бы заинтересовать Сад. Ну, а что касается "Союза ради жизни", они вполне могут обойтись без, дальнейшего участия Джеки Миллер. Хватит бесплатных поездок!

Мексика... Ямайка... Греция... Париж... Жаклин мысленно отметила те места, которые ее манили. Еще один случай, подобный этому, и можно себе позволить побывать там. От перспектив просто кружилась голова.

За ее спиной на узком операционном столе, укрытый по горло простыней, лежал сенатор Ричард Кормиер, и, казалось, что он спит после перенесенной операции. Но этот лишенный сновидений сон отныне будет длиться вечно.

Глава XII

– Леди и джентльмены, пожалуйста, занимайте места и начнем дознание, которое, хочется надеяться, уложится в достаточно разумный период времени.

Подобно стареющей кинозвезде, амфитеатр имени Морриса Твиди в бостонской больнице выдерживал неумолимое давление бегущих лет с грацией и изяществом. Хотя время брало свое и кое-где замечались следы ремонтов, уютный и куполообразный лекционный зал гордо продолжал возвышаться над западным крылом, которое подновляли трижды. Этот зал знавал иные времена, когда семьдесят пять мест, расположенные крутыми рядами, полностью заполнялись обслуживающим персоналом больницы – сестрами, врачами, студентами. Однако в 1929 году после почти пятидесятилетней эксплуатации, главным лекционно-демонстрационным залом больницы стал значительно расширенный амфитеатр, расположившийся в цоколе юго-восточного крыла.

Многочасовые жаркие споры "за" и "против" демонтажа усталой сирены неожиданно прекратились в 1952 году, когда законодательные органы штата провозгласили все сооружение исторической ценностью. Застекленная крыша с витражами, жесткие деревянные сиденья и барельефы-скульптуры, изображающие наиболее значительные события в истории медицины, таким образом были сохранены для новых поколений врачей, жаждущих знаний.

Но несмотря на свою вековую историю, амфитеатр Морриса Твиди не знавал ничего подобного тому, ради чего собралось полсотни взволнованно шумящих мужчин и женщин. Было это 5 октября, в восемь часов вечера – спустя два дня после вскрытия тела Шарлотты Томас.

Как административное лицо, отвечающее за подбор кадров, доктор Маргарет Армстронг сидела за тяжелым дубовым столом, обращенным к сидениям, расположенным полукругом. Рядом с ней, пытаясь навести хоть какой-то порядок в помещении, сидел детектив-лейтенант Джон Докерти, худой, с растрепанной шапкой волос, мужчина лет под пятьдесят, одетый в габардиновый костюм, который

был ему велик на два размера. Ленивыми зелеными глазами он обвел зал и принялся изучать стопку бумаг, лежавшую перед ним на столе. Когда он наклонил голову, то непокорная прядь рыжеватых волос упала ему на глаз. Он рассеянно убрал ее, чтобы через мгновение повторить эту процедуру снова.

Его вялая, почти отрешенная манера держать себя заставляла предположить, что он сталкивался с обстоятельствами и похлеще. На самом деле он провел более пятнадцати лет в бостонской полиции, тщательно вырабатывая такую манеру поведения и в совершенстве овладел ею.

Он снова оглядел зал и затем, почти не открывая рта, обратился к Маргарет Армстронг. – Эти люди скорее привыкли отдавать приказания, чем исполнять их.

Армстронг рассмеялась, выражая этим свое согласие, и принялась колотить блокнотом по столу. – Прошу всех садиться, – громко проговорила она.

– Мы можем не сотрудничать с лейтенантом Докерти, но давайте по крайней мере уважать себя. – Не прошло и минуты, как все расселись.

Администратор больницы сидел с одного края зала в окружении своих ассистентов. Это был полноватый мужчина, щеголевато одетый, который в семнадцать лет сбежал из дома в Бруклине, превратившись из Исаака Лифшица в Эдварда Липтона Ш. Годами он сохранял служебное кресло тем, что натравливал своих врагов друг против друга – и делал это так умело, что ни тем, ни другим не удавалось объединиться", чтобы скинуть в первую очередь его.

По другую сторону зала сконцентрировались те, кто составлял совет доверенных лиц больницы: мужчины, гомогенная патрицианская группа, больше озабоченная тем, как возможный удар по их репутации отразится в справочнике "Кто есть кто", чем той ролью, которую они могли бы сыграть в расследовании. Символический негр в совете отличался от остальных только цветом кожи, а четыре женщины вообще были бесцветны и безлики. Тот факт, что все двадцать четыре члена совета присутствовали в зале, подчеркивал важность происходящего.

Возле центрального прохода сидели Уоллас Хатнер, Ахмед Хадави и другие члены Медицинского профессионального

исполнительного комитета. В этой группе, занимая кресло рядом с Хатнером, расположился и Питер Томас.

Верхнюю часть амфитеатра заняли медсестры. Восемь женщин, все в верхней одежде, расселись вокруг Дотти Дельримпл, которая в своем простом черном платье походила на большой вулкан. Джанет Поулос была там, наряду с Кристиной Билл, Уинни Эджерли и сестрами из отделения Юг-4, включая Анджелу Мартин.

С правой стороны зала, поодаль от Эдварда Липтона Ш, сидел Дэвид – одиноко, до самой последней минуты, пока Говард Ким, анестезиолог, безуспешно помогавший оживить Шарлотту, тяжелыми шагами не приблизился к нему и не сел рядом.

Джон Докерти подготовил список тех, кого он хотел бы видеть в этот вечер. Организацией встречи занималась доктор Армстронг.

– Я хочу поблагодарить вас за то, что вы все пришли, – начал Докерти. – Вы должны поверить мне, что сегодняшнее расследование, о котором я просил, чаще можно увидеть на телеэкране или прочитать у Агаты Кристи, чем встретить в практической работе полиции. Однако мне как можно скорее хотелось бы продвинуться вперед по делу Шарлотты Томас, делу, к которому все из вас в той или иной мере причастны. Театральность никогда не была, так сказать, моим стилем, но собрание вроде этого мне кажется наиболее эффективным способом получения предварительных сведений, с одновременной информацией о них всех заинтересованных сторон. В ближайшие дни я буду допрашивать кое-кого из вас отдельно. – Он взглянул на Маргарет Армстронг, которая кивком головы приветствовала его вступительную речь. Затем, привычным жестом отбросив назад упавшие на лоб волосы, Докерти вызвал Ахмеда Хадави и предложил ему сесть на стул, стоящий под углом к дубовому столу, таким образом, чтобы патологоанатом мог глядеть на него, не поворачиваясь спиной к аудитории.

– Доктор Хадави, не расскажете ли вы нам о своей причастности к делу Шарлотты Томас? – спросил Докерти.

Хадави разложил перед собой листки бумаги и ответил.

– Третьего октября я совершил вскрытие трупа женщины, о которой идет речь. Микроскопическое исследование показало, что у нее имелся глубокий пролежень под крестцом, достаточно развитое сужение венозной артерии и обширная пневмония. Мое первое

впечатление заключалось в том, что она умерла от внезапной остановки сердца, вызванной инфекциями и общим ослаблением организма после двух операций.

– Доктор Хадави, вы и теперь так считаете? – спросил Докерти.

– Нет, не считаю. Лечащие врачи больной, доктор Уоллас Хатнер и доктор Дэвид Шелтон, присутствовали на вскрытии. Они запросили детальный химический анализ состава ее крови.

– Просветите меня на этот счет, доктор Хадави, – продолжал Докерти. – Разве вы не делаете такие анализы регулярно в отношении каждого... э... больного?

Хадави сардонически улыбнулся и, положив руку на стол, сказал:

– Хотелось бы. К сожалению, расходы по аутопсии должно нести наше заведение, и химический анализ вряд ли можно было бы назвать недорогим, учитывая сложную обработку тканей, писанину и всякое такое. Конечно, мы никогда преднамеренно не упустим из виду важный срез ткани или критический тест, однако мы, в нашем отделении патологии, тем не менее всегда должны соизмерять наш пыл с оценкой, которая позволила бы нам остаться в пределах нашего бюджета. – Он замолчал и враждебно уставился на Эдварда Липтона Ш.

– Пожалуйста, продолжайте, – попросил Докерти, черкнув несколько слов в блокноте, лежавшем перед ним.

– Из многочисленных химических анализов, – сказал Хадави, сверившись со своими записями, – два имели ненормально высокие уровни. Во-первых, калий составлял семь и четыре, тогда как верхняя предельная норма – пять и ноль. Во-вторых, уровень морфина в ее крови намного превышал тот уровень, который отмечается у больного, когда он принимает обычные дозы сернокислого морфина от боли.

– Доктор Хадави, не могли бы вы высказать нам свое мнение по поводу этих результатов? – в голосе Докерти не слышалось даже малейшего намека на напряжение.

– Видите ли... мое мнение по поводу повышенного содержания калия, – и, пожалуйста, учтите, что это всего лишь предположение, – заключается в том, что он искусственно завышен... – как результат процессов, происшедших в тканях сразу же после остановки сердца. Что касается высокого морфина, то это совершенно другая история. Вне всякого сомнения, его уровень, определенный в крови этой

женщины, оказался критически высоким, что могло легко, хотя и необязательно, привести к прекращению дыхания и, в конечном счете, к смерти.

Докерти рассеянно провел рукой по волосам и, помолчав, сказал:

– Доктор, вы даете понять, что смерть была вызвана повышенной дозировкой морфина? – Хадави кивнул. – Скажите, вы считаете такую завышенную дозу случайной?

Хадави вздохнул, взглянул на детектива, затем покачал головой.

– Нет, – произнес он. – Нет, я так не считаю.

По амфитеатру пробежал легкий шум. Выждав, когда воцарится напряженное молчание, Докерти констатировал.

– Итак, леди и джентльмены, смерть Шарлотты Томас превращается в убийство. И именно по этой причине мы и собрались здесь. – Снова гробовое молчание. На этот раз Хадави беспокойно заерзал на своем месте, желая поскорее покончить с допросом.

– Благодарю вас за помощь, доктор, – сказал ему Докерти. – Когда Хадави поднялся, намереваясь идти, детектив добавил: – О, вот еще что... Вы сказали, что химические тесты были затребованы врачами миссис Томас... – он бросил взгляд на свои записи... – доктором Хатнером и доктором Шелтоном. Вы не помните, кто именно из них просил провести эти тесты?

Темные глаза Хадави сузились. Всматриваясь в лицо детектива, он пытался прочесть на нем, какой скрытый смысл он вкладывает в свой вопрос. Затем, недоуменно пожав плечами, сказал:

– Как мне помнится, доктор Шелтон интересовался содержанием калия. Остальные тесты заказывал доктор Хатнер.

Докерти кивком головы отправил патологоанатома на место, одновременно тихо проговорив.

– Спасибо. – После этого он обвел взглядом зал и, не глядя в сторону Дэвида, сказал:

– Доктор Шелтон?

Ховард Ким протянул свою ручищу и ободряюще хлопнул Дэвида по спине, когда тот прошел мимо гиганта, направляясь к проходу. Дэвид, конечно, слышал об аномальных анализах крови; до него даже докатились слухи, распространявшиеся со скоростью огня по больнице о том, что проводится полицейское расследование. Хотя доктор Армстронг не сказала ему, что он будет вызван для дачи

показаний, Дэвид ничуть не удивился, когда детектив назвал его фамилию.

Докерти улыбнулся, крепко пожал ему руку и, указав на место, освобожденное Хадави, принялся монотонным голосом расспрашивать о событиях, предшествовавших остановке сердца у Шарлотты Томас. Постепенно речь Дэвида потекла связно и плавно. Докерти умел разговаривать с людьми. Вскоре Дэвид давал показания взъерошенному лейтенанту совершенно непринужденно, как если бы они сидели в баре. Затем, не меняя тона разговора, Докерти сказал:

– Как я понял, доктор Шелтон, незадолго до того, как вы обнаружили отсутствие пульса и дыхания у миссис Томас, у вас произошел разговор о ней и о серьезно больных пациентах вообще с доктором Армстронг и с сестрами, а именно... – он посмотрел на записи... – сестрами Эджерли, Гоулд и Билл. Не могли бы вы передать нам содержание этого разговора?

Прошло пять секунд, десять, пятнадцать... Дэвид словно онемел. Этот вопрос никак не вписывался в схему допроса. В нем не было смысла... если только... Он принялся судорожно искать скрытый смысл вопроса Докерти к Хадави относительно того, кто из врачей на самом деле просил о проведении теста, который установил высокий уровень морфина в крови. Смутное ощущение страха, столь неопределенное и почти мимолетное, который он испытал в ту ночь, в отделении Юг-4, возросло стократно. В висках застучало, а руки налились тяжестью. *Боже праведный! он подозревает меня! Он подозревает меня!*

В этот момент он заметил, что от доброжелательного взгляда Докерти не осталось и следа, и теперь стальные глаза, не отрываясь смотрят на него, оценивают, изучают, стараются проникнуть в самую душу... Дэвид знал, что он долго молчит... слишком долго не отвечает на поставленный вопрос. Глубоко вздохнув, он постарался отогнать от себя тревожные мысли. Остынь, приказал он самому себе, и не делай из всего трагедии. Просто расскажи этому человеку то, что известно тебе.

– Доктор Шелтон, вы помните тот инцидент, о котором я спрашиваю вас? – В подчеркнута вежливом тоне Докерти сквозило раздражение.

Еще ничего не сказав, Дэвид понял, что его речь будет путанной и скомканной. Так оно и вышло. После ряда "э..." и "а..." он, наконец,

произнес:

– Я просто сказал им... что к больному, который так сильно страдает и лишен шансов на выживание вследствие своей болезни можно... можно применить лечение, связанное... с некоторой умеренностью. В особенности, если терапия... особенно болезненна или... негуманна... как, например, дыхательный аппарат. – Он подавил желание сказать больше, старательно избегая панических слов, которые сами собой вырываются из горла, когда пытаешься оправдаться.

Докерти медленно облизнул губы, постукивая концом карандаша по столу. Затем почесав голову, он спросил:

– Доктор Шелтон, не думаете ли вы, что отказ от надлежащего лечения больного есть форма его умерщвления из сострадания? Или эвтаназия?

– Нет, я не думаю, что это есть форма какого бы то ни было убийства. – Расплавленные капли гнева прорвались сквозь удушающий слой страха. Его голос зазвучал резко, и слова слились в скороговорку. – Это добротная, разумная, клиническая оценка. Ради этого и существует врач. Побойтесь Бога, я никогда не настаивал на отключении респиратора или прописании чего-нибудь летального больному.

– Никогда? – в голосе Докерти послышалось недоверие.

– Черт возьми, лейтенант! – взорвался Дэвид. – С меня хватит ваших инсинуаций! – Он совершенно забыл об окружающих. – Если вы хотите меня в чем-то обвинить, обвиняйте! Но когда будете обвинять, объясните, почему именно я постоянно твердил во время реанимации, что тут что-то не так. Почему именно я потребовал определить содержание ка... – слово замерло на его устах. Он все понял еще до того, как заговорил детектив, понял, на что тот намекал, и со злости прошипел: "Черт!"

– У меня была возможность, доктор Шелтон, перекинуться парой слов с вашими коллегами и сестрами, которые находились вместе с вами в палате Шарлотты Томас. Как и вы, они тоже были обеспокоены тем, что тут что-то не так. Очевидно, проблема и другим, помимо вас, была ясна, поскольку они обратили на нее внимание. Потребовали бы они, как вы, анализа крови этой женщины, мы никогда не узнаем, поскольку вы сделали это. По крайней мере, в отношении калия.

– И вы пытаетесь сказать, что я сделал это, чтобы отвести от себя подозрения, чтобы никто не мог подумать ни о каком морфине? – Докерти молчал. – Это же смешно! Это самое настоящее безумие! – вскричал Дэвид.

– Доктор Шелтон, – спокойно произнес Докерти. – Пожалуйста, возьмите себя в руки. Я никого ни в чем не обвиняю.

– Пока, – бросил Дэвид.

– Простите?

– Ничего. Вы кончили со мной?

– Да, спасибо, – поблагодарил Докерти, снова принимаясь механически вести дознание. Направляясь к своему месту, Дэвид заметил Уолласа Хатнера, который сидел и взирал на него холодными металлическими глазами. Невольно он вздрогнул.

Докерти посоветовался с доктором Армстронг и вызвал Дороти Дельримпл. Старшая медсестра отделения отделилась от сиденья и принялась подниматься со стула то одним боком, то другим, как тугая пробка из бутылки. Встав со стула, она заскользила по проходу с парадоксальной грацией. По-женски она поздоровалась за руку с Докерти, затем уселась на дубовом стуле и улыбнулась, давая понять, что готова отвечать.

Докерти интересовал внешний вид Шарлотты Томас за день до смерти.

– Сестры обычно делают записи в конце каждой смены, – пояснила Дельримпл. – Следовательно, записи вечерней смены второго октября не проводилось вплоть до смерти пациентки. Однако сестра, которая присматривала за миссис Томас в тот вечер, мисс Кристина Билл, зашла к ней в семь часов, приблизительно за два часа до ее кончины. Ее замечательная запись свидетельствует о том, что больная находилась... позвольте, я процитирую: "в здравом уме, ориентирована и менее подвержена депрессии, чем накануне". Мисс Билл далее пишет, что "параметры ее жизненно важных функций – пульс, дыхание, температура и давление крови – находятся на стабильном уровне". Дельримпл повернула свои массивные плечи и голову в сторону аудитории и посмотрела туда, где сгруппировались сестры. – Мисс Билл, – громко спросила она, – вы ничего не хотите добавить к тому, что я сказала лейтенанту?

Кристина, которая была совершенно подавлена импульсивным выступлением Дэвида, не слышала ее. Только сутки назад она узнала о том, что в теле Шарлотты обнаружили морфин. Информация поступила по телефону от Пег, сестры, которая просила ее дать оценку Шарлотте Томас.

– Кристина, я хочу, чтобы ты была в курсе всего, что происходит здесь, но не хочу излишне беспокоить тебя, – сказала эта женщина. – Завтра вечером, как я узнала, будет проводиться нечто вроде расследования. Там будет полицейский. Однако, наша сестра, Джанет Поулос, успела просмотреть твои записи в карте больного. Там ничего такого нет, считает она, что могло бы бросить на тебя тень подозрения. Мы убеждены, что расследование будет недолгим и бесплодным, и что смерть Шарлотты Томас отнесут на счет кого-то, чье имя и мотивы преступления останутся нераскрытыми. Все операции "Союза" в нашей больнице прекращаются на неопределенное время, но не пройдет и нескольких дней, как об этом деле все забудут. Тебе совершенно ничего не грозит... поверь мне, пожалуйста.

Кристина, плотно сжав губы, уставилась в золотисто-голубой купол, когда Дельримпл обратилась к ней.

Поодаль от Кристины сидела Джанет Поулос, сжавшись в комок от предчувствия, что Кристина вот-вот вскочит на ноги, сознается в содеянном и, рыдая, раскроет единственное известное ей имя сестры по "Союзу": Джанет. Господи, самое время звонить Георгине. Она-то уж точно знает, как поступить.

Взгляд Джанет скользнул мимо Кристины туда, где сидела Анджела Мартин; ее холодные голубые глаза устремлены на сцену внизу, золотистые волосы, как всегда, уложены безукоризненно. Эта женщина всегда остается совершенно невозмутимой. Даже если бы Кристине Билл было известно ее имя – Джанет не сомневалась, что и в этом случае она сохраняла бы олимпийское спокойствие: Находясь в "Союзе" почти десять лет, они только совсем недавно узнали друг друга ближе и стали лучшими подругами, деля радости и маленькие удовольствия Сада и рассуждая о той таинственной женщине, которая свела их вместе.

Джанет оглядела зал, подумав, а не имеет ли Георгина другие глаза и уши, помимо Лилии и Гиацинты. Вполне возможно, подумала она. По телефону это был только тихий шепчущий женский голос, но

Джанет, всегда впечатляла ее холодная логика и безбрежные источники информации. Благодаря ей Сад постоянно разрастался – как в других медицинских заведениях, так и в самой бостонской больнице. Как никак, а любой член Союза мог всегда превратиться в потенциальный цветок. Георгина твердо верила в это. Но принцип обоих движений всегда оставался неизменным: сестра с больным остаются наедине в палате. Может быть, она поспешила с Билл, однако эта женщина редко ошибается, и Джанет отчаянно хотелось поскорее убедиться в этом.

Обессиленная, Джанет откинулась на спинку кресла и постаралась сосредоточиться.

– Мисс Билл? – снова произнесла Дельримпл, Уинни Эджерли толкнула в бок Кристину. – Я спросила, не можешь ли ты добавить что-нибудь к сказанному лейтенантом.

Кристина проглотила комок, подкативший к горлу. Она попыталась что-то произнести, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Она откашлялась и впила ладонями в подлокотники.

– Извините, – через силу проговорила она. – Нет, мне нечего добавить.

Джанет облегченно перевела дух и закрыла глаза. Билл выдержала экзамен.

Кристина взглянула туда, где сидел Дэвид, подперев голову рукой и невидящим взглядом уставившись на Дельримпл и Докерти. Она не только замечала, но и понимала его одиночество. По правде говоря, она тоже была одинока. Несмотря на звонки Пег, несмотря на ободряющие слова Джанет о том, что с ней весь огромный "Союз", Кристина чувствовала себя так, словно оказалась на необитаемом острове. Ей хотелось броситься к нему и как-то утешить его. Сказать ему, что она, как никто другой, знает о его непричастности к смерти Шарлотты. "Все будет хорошо", – раз за разом твердила она себе. – "Оставь все, как есть, и все образуется". Она заставила себя сконцентрироваться на сцене внизу, где доигрывался спектакль.

– Мисс Дельримпл, – продолжал Докерти, – вы располагаете списком лекарств, которые принимала миссис Томас?

– Она принимала левомецитин, который является антибиотиком, и демерол – болеутоляющее средство.

– Никакого морфина?

– Никакого морфина, – ответила она, энергично качая головой.

– Никакого морфина... – задумчиво произнес Докерти, но его тихий голос расслышали все присутствующие. – Скажите, могла ли сестра или кто другой из обслуживающего персонала иметь доступ к сернокислому морфину в количествах, которые были указаны доктором Хадави, и дать его миссис Томас?

Дельримпл долго думала, прежде чем ответить на поставленный вопрос. – Ответом на ваш вопрос будет то, что, конечно, любой имеет доступ к любому лекарству, если он располагает достаточными деньгами и готов выйти за легальные рамки ради этого. Однако я заявляю, что практически невозможно, чтобы кто-то из моих сестер (или если хотите, кто-то другой) мог бы вынести из больницы наркотики, не будучи замеченным. Видите ли, незначительное количество впрыскиваемых наркотиков хранится на каждом этаже, и оно тщательно учитывается двумя сестрами при пересменке... то есть, когда одна группа уходит, а другая заступает ей на смену. Старшая сестра имеет доступ к больничной аптеке, но наркотики там хранятся под надежным замком, и ключи к ним имеют только фармацевты больницы.

– Таким образом, – подвела она итог, поудобнее усаживаясь в кресле и складывая свои пухлые руки, – с точки зрения законного источника только фармацевт или врач мог получить достаточно большое количество морфина за один раз.

Докерти склонил голову, и они вновь начали шептаться с доктором Армстронг.

– Мисс Дельримпл, – спросил он наконец, – не указывают ли записи сестер, что в день смерти Шарлотты Томас у нее были какие-либо посетители?

– Посетители, навещающие больных, помимо врачей, обычно не регистрируются сестрами в журналах. Тем не менее, я скажу вам, что никто в них не значится.

– Даже врач, который обнаружил у миссис Томас отсутствие пульса и дыхания? – спросил Докерти.

Выражение лица Дельримпл ясно указывало на то, что она решительно не одобряет намеки детектива.

– Нет, – произнесла она размеренно, – там не было никакого упоминания о посещении доктором Шелтоном палаты больной. Однако спешу добавить, что большинство сестер находились на обеде,

когда случилась эта остановка сердца. На этаже в то время не было никого, кто мог бы заметить его прибытие.

Докерти, не обращая внимания на ее последнее замечание, сказал:

– Хорошо, спасибо вам большое, – потом кивком головы отпустил женщину.

Дэвид снова вспыхнул.

– Лейтенант, с меня хватит! – он вскочил на ноги, чуть не упал, но успел ухватиться за спинку сидения рядом. Слева от него лунообразное лицо Говарда Кима бесстрастно воззрилось на него. – Я не понимаю, что вы там думаете или на что намекаете, но заявляю вам однозначно, что я никогда бы не прописал больному лекарство или лечение с единственной целью каким-то образом навредить ему. – В наступившей тишине он услышал, как внутренний голос вновь предупреждает, что словесная несдержанность может дорого ему обойтись.

"Сядь, ради всех святых", – продолжал вещать все тот же голос. – "Он не может причинить тебе, дураку, вреда. Ты сам себе причиняешь вред. Сядь и замолкни!"

Нарастающая ярость и страх заставили смолкнуть этот голос.

– Почему я? – сдавленно вырвалось у Дэвида. – Разумеется, были и другие – ее муж, родственники, друзья до того, как я вошел к ней в палату. Почему вы обвиняете меня?

– Доктор Шелтон, – размеренно произнес Докерти, – я ни в чем вас не обвиняю. Я уже говорил это. Но поскольку вы подняли этот вопрос, то, к вашему сведению, в тот вечер профессор Томас был на семинаре. Присутствовали двадцать три студента. С семи до десяти. По утверждению профессора, никаких других посетителей, которые хотели бы увидеть его жену, не было. А теперь если я ответил на ваш вопрос, давайте продолжим...

– Нет! – закричал Дэвид. – Все дознание сплошной фарс. Я не вижу здесь никакой справедливости. Любой первокурсник с юридического факультета провел бы более беспристрастное слушание, чем это делаете вы. Если вы хотите загнать меня в угол, делайте это в суде, где вам хотя бы придется отвечать перед судьей. – Он умолк, тяжело дыша и стараясь собраться с мыслями. Внутренний голос опять принялся нашептывать свое. "Разве ты не видишь, дурень, что все дознание инсценировано таким образом, чтобы заставить тебя сделать

то, что ты уже сделал. Я старался переубедить тебя, но ты не захотел меня слушать, не так ли?"

– На этом все, леди и джентльмены, – заключил Докерти, – для начала достаточно. В ближайшем будущем я в индивидуальном порядке свяжусь с кое-кем из вас. Благодарю вас за то, что вы пришли. – Он прошептал что-то на ухо доктору Армстронг, после чего сложил свои записки и оставил зал, даже не взглянув на бледного, как статуя, Дэвида.

К тому времени, когда Дэвид немного успокоился и перестал сжимать спинку стула, амфитеатр имени Морриса Твиди почти опустел. Кристина вместе с остальными сестрами ушла. Ушел и Говард Ким. Посмотрев вверх, он встретился взглядом с Уолласом Хатнером. Глаза высокого хирурга сузились. Затем, презрительно тряхнув головой, он резко повернулся и, подхватив под руку Питера Томаса, направился к выходу.

Дэвид остался стоять один, уставившись на горящую красным цветом надпись "Выход" над задней дверью, пока кто-то не тронул его за плечо. Он испуганно обернулся и увидел перед собой беспокойные голубые глаза Маргарет Армстронг.

– Ты здоров? – спросила она.

– Да... ничего страшного, – ответил он, не пытаясь скрыть резкость в голосе.

– Дэвид, я чувствую себя такой виноватой за все, что произошло здесь. Если бы я знала, как вцепится в тебя лейтенант Докерти, я ни за что не допустила бы такого поворота событий. Он сказал, что ему важно знать спонтанную реакцию отдельных людей. Ты угодил в их число. Но тебя занесло, и у меня не было никакого шанса... – ее объяснение повисло в воздухе. – Послушай, Дэвид, – после паузы продолжала она, – я к тебе очень хорошо отношусь. С самого первого дня, как ты пришел сюда. Откройся мне, пожалуйста, что у тебя на душе. После того, что случилось с тобой, я понимаю, как тебе тяжело, но, прошу, скинь камень с сердца. Я хочу помочь.

Дэвид посмотрел на нее, подавил гнев и кивнул.

– Тогда через час у "Пучеглазого"? – она тепло и искренне улыбнулась.

– Хорошо, у "Пучеглазого", – сказал Дэвид, беря куртку. Два новых союзника вместе покинули больницу.

У "Пучеглазого", местной достопримечательности, в течение почти тридцати лет доктора и медсестры делились друг с другом житейскими невзгодами. Над входом в бар неоновая вывеска, краса и гордость заведения, изображала движущиеся персонажи из комиксов, преследующие вора, стянувшего булочки с рубленным бифштексом. Когда они вошли, то Дэвид заметил четырех сестер, присутствовавших на дознании. Ни Дотти Дельримпл, ни Кристины среди них не было.

– Много лет не была здесь, – сказала Армстронг, когда они уселись за дальним столиком. – Мы с мужем в молодости заходили сюда. Ничего не изменилось, если не считать этой крикливой рекламы.

Дэвид отметил, что у нее нет обручального кольца.

– Ваш муж жив? – спросил он.

– Арн? Нет, он умер восемь, хотя нет, девять лет назад.

– О да, как глупо с моей стороны, – спохватился Дэвид, припоминая, что он, как и все в бостонской больнице, знали, что она вдова Арна Армстронга, нейрофизиолога с мировым именем и вероятного претендента на Нобелевскую премию, доживи он до окончания своей работы. – Извините.

– Не говори глупостей... – проговорила доктор Армстронг, останавливаясь на полуслове, когда к ним подошла взять заказ фигуристая блондинка в черной мини-юбке и красном свитере в обтяжку. – Мне пива из бочки... А моему "кадру"?.. – она улыбнулась Дэвиду.

– Кока-колу. Большую порцию со льдом.

Официантка ушла, а Армстронг взглянула на Дэвида. – Невзирая на то, что сегодня случилось с тобой?

Она знала. Конечно, она знала. Но она не провоцирует его. В ее голосе он уловил даже восхищение.

– Вот уже почти восемь лет ни капли алкоголя... или наркотиков. Чтобы взяться за прежнее, нужно, черт возьми-, нечто посильнее, чем выпады Докерти. А пока что я боюсь только одного – как бы мои зубы не застыли от ледяной кока-колы, – задумчиво сказал он, вспоминая Джона Докерти, смотрящего на него, и всех других неприятных людей, с которыми он был вынужден встречаться в течение тяжелых лет, прошедших с того дня, как были убиты Джинни и Бекки.

Как бы прочтя его мысли, Армстронг сказала.

– Дэвид, знаешь, я в курсе многого, что произошло с тобой в прошлом. – Он молча кивнул. – Ты также должен знать, что и лейтенанту Докерти это известно. Я, правда, не понимаю, каким образом он так быстро все раскопал, но думаю, что в своем деле он специалист. Впрочем, сам знаешь, наша больница – большая коммунальная квартира. Каждый норовит залезть в твою жизнь, а то, о чем люди не могут сплетничать, они обычно додумывают.

– Я был центром насмешек и раньше, – усмехнувшись сказал Дэвид. – Я точно знаю, что вы имеете в виду. На этот раз, однако, это не простые инсинуации. Я никогда никого не обижу, а тем более не способен на убийство.

– Мне не надо объяснять, – сказала она. – Я тебе доверяю. Как я уже говорила, лейтенант Докерти работает очень тщательно и очень эффективно. Я уверена, что он желает тебе добра. Он, кажется, не похож на тех, кто останавливается прежде, чем полностью не раскроет дело.

Принесли напитки, и Дэвид с радостью ухватился за возможность прервать разговор. Напившись, он проговорил:

– Может быть, мне добровольно выйти из штата, пока все не уляжется?

Армстронг с силой ударила кружкой по столу, расплескав пиво и заставив оглянуться на них пару, сидевшую рядом. – Черт возьми, молодой человек, я в жизни не встречала большего врага себе, чем вы. На основании того, что я слышала сегодня вечером, и того, что я считаю правдой, нашему лейтенанту придется предъявить самые серьезные изобличающие доказательства, прежде чем я отстраню кого-либо, включая и тебя, от работы. И если ты считаешь, что я не обладаю такой властью, следи за тем, как будут развиваться события.

Впервые за вечер Дэвид широко улыбнулся:

– Спасибо, – сказал он. – Большое спасибо.

– Пожалуйста, – она посмотрела на часы. – Этой старой птичке завтра вкалывать весь день в офисе, поэтому предлагаю на сегодня все закончить. Поговорим завтра. А тем временем советую тебе расслабиться. Будь терпеливым. Людям, вроде лейтенанта Докерти и твоего друга, Уолласа Хатнера, нельзя рассказывать много. Пусть сами до всего докапываются. – Она разгладила пятидолларовую бумажку на

столе и, не дожидаясь сдачи, направилась вместе с Дэвидом к своей машине.

Когда она села за руль и опустила боковое стекло, Дэвид сказал:

– Как бы ни было у меня паршиво на душе, а мне паршиво почти все время... спасибо. Более подходящих слов я не знаю. Спасибо.

– Следи за собой, Дэвид, – сказала она, – и постарайся пройти сквозь это достойно. Для меня это будет лучшей благодарностью.

Он проследил за тем, как ее машина скроется за углом, затем медленно побрел к соседней стоянке, где находилась его тачка. Желтый "сааб", купленный им год назад, покоился на ободах. Все четыре шины были изрезаны вдоль и поперек. На лобовом стекле красной краской из аэрозоля было намалевано: УБИЙЦА.

"Коммунальная квартира", – пробормотал Дэвид, глядя на бессмысленную жестокость. – Кажется, так вы сказали, леди. Паршивая коммуналка с дикими зверями.

Глава XIII

Барбара Литтлджон не прождала и минуты на аэровокзале, как к ней подъехало такси. Но и за столь короткое время нахождения в сырой и промозглой Новой Англии холод проник сквозь ее одежду, сковав руки и ноги, обжигая кожу. Перелет из Лос-Анджелеса сам по себе испытание, подумала она, а тут еще... Она все еще продолжала дрожать, когда машина миновала дорожную заставу и втиснулась вместе с другими машинами в туннель, пропитанную сыростью и выхлопными газами бетонную трубу, соединяющую восточные районы Бостона с самим городом. К тому времени, когда они вырвались из плотного потока машин, направляясь к центру, пошел дождь.

Барбара настояла на том, чтобы водитель как можно ближе подъехал к входу отеля "Копли". Она стремительно вбежала в фойе, недоумевая, почему всегда считала погоду Новой Англии на редкость прекрасной.

Это была привлекательная женщина лет сорока, высокая, загорелая и почти такая же стройная, как во времена, когда она работала моделью. Клерк, сидевший за столом, моложе ее лет на десять, раздел ее глазами.

– Я из фонда Дональда Найта Клинтона, – произнесла она, игнорируя его наглый взгляд. – У нас здесь намечено заседание совета директоров.

– О, да, мадам. В восемь. Номер один – тридцать три. К вашим услугам лифт. Это на втором этаже. – Он взглянул на ее вечернюю сумку. – Вы остановитесь у нас на ночь? – снова плотоядный взгляд.

– Нет, спасибо. Я остановлюсь у друзей, – она отошла, оставив молодого человека наедине со своими фантазиями.

Две женщины, одна из Далласа, вторая из Чикаго, заметили Барбару, когда она шла по коридору и перехватили ее у лифта. Краткий, но теплый обмен словами, и затем все трое вошли в лифт.

Был понедельник: не прошло и двадцати четырех часов с момента дознания в бостонской больнице. Женщины, всего шестнадцать, в срочном порядке, пересмотрев свои графики дежурств, прибыли на заседание в "Копли" со всех уголков страны – Нью-Йорка,

Филадельфии, Сан-Франциско, Майами. Они прибыли потому, что так велела Пегги Доннер, а также потому, что являлись региональными руководителями "Союза ради жизни".

Номер 133 был обит зеленым, как лес бархатом, на стенах которого висели литографии длинных и стройных лошадей, принимавших участие в скачках 1862 года; в центре стоял конференц-стол, поодаль от него сервировочный столик, а у окна – кушетка из мягкой кожи.

Барбара обменялась рукопожатием с ранее прибывшими и быстро сосчитала их. Двенадцать. Четверка из Бостона, включая Пег, опаздывала.

– Кофе нет? – спросила она, ни к кому в частности не обращаясь, одновременно раскрывая "дипломат", вынимая из него толстую папку с тиснением "Фонд Клинтона" и усаживаясь во главе сверкающего стола, отделанного под орех.

– Старший санитар только что был здесь, – ответила одна из женщин. – Он сказал, что вот-вот прибудет каталка. – Ее юмор только на короткое время разрядил обстановку. Экстренное заседание было беспрецедентным, и из присутствующих только Барбаре было известно о его назначении. Она взглянула на свои часы. Восемь десять. Их обычные ежеквартальные совещания редко начинались так поздно. Но тон задавал Бостон, и хотя у нее есть другие дела, придется подождать.

Разбившись на кучки, женщины приглушенно обменивались семейными и служебными новостями. Они прибыли из миров, где каждая обладала положением, властью и влиянием. Сюзан Бергер, координатор младшего обслуживающего персонала из больничного консорциума города Сан-Франциско, весело болтала с Джун Улльрих, администратором практических исследований из крупнейшей в Америке фармацевтической фирмы. Они отдавали себе отчет в том, что своим высоким положением обязаны принадлежностью к "Союзу ради жизни". Действуя легально через "Фонд Дональда Найта Клинтона", движение каждый месяц издавало свой бюллетень, в котором постоянно уточнялся статус различных филантропических проектов "Союза" и перечислялись самые престижные вакансии для медицинских сестер, которые рассматривались в особом порядке.

Директор-координатор "Союза" Барбара Литтлджон также являлась администратором "Фонда Клинтона", распоряжаясь по своему усмотрению полумиллионом долларов, которые добровольно поступали каждый год от сестер – членов "Союза". Однако истинная власть принадлежала Пегги Доннер. Барбара снова проверила время и разложила перед собой записи. Еще пять минут, и она начнет, с Пег или без нее.

В этот момент в комнате появился старший коридорный, похожий на хорька мужчина с черными лоснящимися волосами, толкая перед собой тележку с кофе. Красивыми движениями он накрыл маленький стол скатертью, расставив на нем сияющие чистотой чашки и кофейник. В качестве финального жеста он, на минуту выйдя из комнаты, принес большую изящную вазу с цветами и церемонно установил ее между рядами чашек.

– Цветы, – задумчиво проговорила Сюзан Бергер. – Это то, что ей нужно сейчас. Пегги будет легче работаться... О Боже, как они хороши!

Коридорный улыбнулся, словно этот комплимент адресовался ему. Он повертелся еще несколько секунд, находясь в центре внимания и поправляя и без того идеальную сервировку стола, потом, пятясь и улыбаясь, вышел. Несмотря на все его усилия, казалось, что ваза прямо-таки переполнена георгинами. Они словно предупреждали: Сад будет внимательно слушать и анализировать, молодые побеги станут оценивать тех, кто дал им жизнь. Это было предупреждение, понятное только участникам совещания.

* * *

Руфь Серафини, крепкая, динамичная заведующая школой медицинских сестер больницы Белый мемориал, прибыла первой из бостонской группы. Благодаря Пегги Доннер движение зародилось в Бостоне, и хотя оно быстро распространилось по больницам всей страны, представительство этого города продолжало оставаться наибольшим. Три директора, включая Руфь, требовались для управления деятельностью штатов Новой Англии. Сама Пегги больше не занималась текущей работой.

– Другие скоро подойдут? – спросила Барбара после того, как они обменялись рукопожатием.

– Понятия не имею. Я застряла в дороге. – Руфь налила чашку кофе и села к столу.

– Прошу прощения у всех за опоздание, – сказала она. – Я думаю, пора начинать. Можно заняться политикой Фонда. Прошло всего лишь шесть недель, так что сегодня не будет финансового отчета. – Те, кто стоял, заняли места за столом. Барбара оглядела каждую и улыбнулась. Какой большой путь пройден от простых медицинских сестер, которые некогда собирались в цоколе у Пегги и обсуждали насущные дела, чтобы потом образовать "Союз". Она собиралась уже начать, когда, наконец, прибыли те, кого все ожидали. Первая, Сара Дьюи, эффектная молодая негритянка, которая обладала степенью магистра и доктора философии по интенсивной терапии и реанимации. За ней появилась Дотти Дельримпл.

– Добро пожаловать, – тепло приветствовала ее Барбара. – Опоздала на какие-то двадцать минут на собственную вечеринку.

– Не на нашу, Барб, – поправила ее Дельримпл. – Пегги. Она скоро будет. Просила начинать без нее.

– Очень хорошо. – Барбара взглянула на повестку дня. – Открываю заседание. Во-первых, рассмотрим отчеты о работе наших сельских центров здоровья. Клиники в Кентукки и в Западной Виргинии заполнены почти на сто процентов пациентами. Сестры, обслуживающие их, утверждают, что не пройдет и года, как оба учреждения вполне встанут на ноги. – Директора зааплодировали этому сообщению, и сидящие рядом с Таней Уорт из Цинтиннати похлопали ее по спине. Центры были ее детищем, и то, что они функционируют, ее заслуга. Таня улыбнулась.

Были быстро рассмотрены и другие пункты повестки: амбулаторные центры для детей тех сестер, которые заняты на работе, современное оборудование для больниц со слабым финансированием, стипендии для получения ученых степеней по уходу за больными, усилия по улучшению работы и образа медицинской сестры. Сюзан Бергер вкратце остановилась на усилиях, предпринимаемых в масштабах всей страны, чтобы добиться разрешения в завещаниях указывать право человека на добровольное ограничение мер по

поддержанию его жизни. До сих пор эти усилия, впервые предпринятые Пегги Доннер, увенчивались незначительным успехом.

– И последнее, – сказала Барбара, – но не по значению. Мы получили письмо от Карен. Многие из вас никогда с ней не встречались, но она состояла в совете несколько лет, пока ее муж не получил назначение в американское посольство в Париже. Она передает наилучшие пожелания и надеется, что мы все в полном здравии. Менее, чем за два года она сумела подняться до заместителя начальника отдела кадров в своей больнице. – Женщины постарше встретили аплодисментами это сообщение. Барбара улыбнулась. – Кажется, – продолжала она, – Карен установила контакт с пятью членами "Союза" из того списка перебравшихся в Европу, который я направила ей. Она утверждает, что они готовы образовать контрольный комитет, но вот никак не могут решить, на каком языке им именоваться: английском, французском, голландском или немецком.

– Возможно, мы поможем им перевести "Союз ради жизни" на эсперанто, – предложил кто-то.

Директора начали смеяться над этим предложением, но тут в комнату вошла Пегги Доннер, и все сразу смолкло.

В наступившей тишине Пегги оглядела каждую женщину, и недовольное выражение ее лица сменилось гордостью. Это были самые любимые из нескольких тысяч ее детей.

– Ничто не поднимает мне настроение так, как новая встреча с вами. Прошу прощения за опоздание. – Она направилась к столу, но внезапно остановилась возле огромного букета георгинов, и на ее губах заиграла таинственная улыбка. Затем она сорвала белоснежно чистый бутон и задумчиво положила его на ладонь. Наконец, посмотрев на Барбару, которая подтвердила, что настал ее черед выступать, Пегги повела заседание:

– Прошло почти сорок лет... – гипнотически зазвучал ее голос, – *сорок лет*, ... с тех пор, как я с четырьмя сестрами образовала тайное общество, которое превратилось в наш «Союз». Недавно одна из этих сестер, Шарлотта Томас, скончалась в Бостонской больнице. Она была Шарлотта Уинтроп, когда мы встретились впервые. Простая студентка, готовящая стать сестрой, но полная сил, такая необычная... Активно участвовала в нашем движении больше десяти лет, и за это время

сделала не меньше любой из нас для становления нашей замечательной организации.

– У нее обнаружилась неизлечимая болезнь, усугубленная пролежнем, и она выразила мне настоятельное желание умереть свободной. Она высказала это желание также своему лечащему врачу, но, как это часто бывает, тот остался глух к ее мольбам и прибег к самым радикальным методам лечения, превратив ее жизнь в сплошную агонию. – Несколько дней назад я позвонила одной, исключительной по своим достоинствам, молодой сестре нашего Союза, Кристине Билл, и попросила ее дать оценку для представления дела Шарлотты нашему региональному контрольному комитету. По многим причинам как личного, так и профессионального характера я не смогла сделать этого сама. Комитет утвердил и рекомендовал внутривенный морфин. Вследствие ряда непредвиденных и неблагоприятных обстоятельств было проведено исключительно тщательное вскрытие трупа и обнаружен критически высокий уровень морфина в ее крови.

Сестры сидели, как пораженные, слушая Пегги, описывающую подробности расследования Докерти в твидовском амфитреатре. Рассказывая, она расхаживала взад и вперед, рассеянно теребя цветок. Ее тон оставался ровным и спокойным, а речь носила характер изложения одних лишь фактов. И только когда она заговорила о Дэвиде Шелтоне, ее слова окрасились эмоциями. Она детально остановилась на его биографии, сделав упор на трудности, с которыми он сталкивался, когда злоупотреблял алкоголем и наркотиками. На ее лице мелькнуло даже отвращение.

– Сбившийся с пути молодой человек, – категорически добавила она. – Он сделает медицине большое одолжение, если оставит ее.

Стараясь подыскать нужные слова, Пегги убыстрила шаги.

– Мои сестры, – мрачно произнесла она, – прошло свыше двадцати лет с тех пор, как были учреждены наши региональные контрольные комитеты. За это время больше трех с половиной тысяч случаев было рассмотрено без малейшего намека на наше... или чье-либо еще участие. Есть все основания полагать, что ситуация, сложившаяся в Бостоне, впредь нигде не повторится. Но что произошло, то произошло. Я находилась постоянно с лейтенантом Докерти с самого начала его расследования. Хотя он подозревает этого

Шелтона в смерти Шарлотты, но все же сомневается. Он все больше и больше узнает об особых отношениях, установившихся между Кристиной Билл и Шарлоттой. Он упомянул даже о возможности ее допроса на детекторе лжи. Я ни за что не допущу этого. В первый раз сидящие за большим столом обменялись беспокойными взглядами. Никто из них не видел, чтобы она теряла над собой контроль. Атмосфера в комнате понемногу накалялась.

– Мы все принадлежим к одной организации, которая связала нас воедино, – продолжала Пегги. – Наши узы священны и нерасторжимы, словно скреплены кровью. Когда одна из нас страдает, все должны разделить ее боль. Когда одной угрожает опасность, как Кристине сейчас, все должны броситься ей на помощь. Я и каждая из вас должны добиться максимального от наших сестер. Мы должны защитить ее! – голос женщины сорвался на удушливый, почти отчаянный крик. Она замолчала, остановившись у окна. Стало так тихо, что были слышны удары тяжелых капель о стекло. Беспокойство сидящих за столом усилилось, уступив место дурным предчувствиям. Смятые лепестки цветка выпали из руки Пегги.

– Пегги, благодарю тебя, – произнесла Барбара Литтлджон, пытаясь взять ведение собрания в свои руки. – Ты прекрасно знаешь, что все мы разделяем твои взгляды и твое отношение к движению. Мы определенно окажем Кристине Билл посильную поддержку, – уверенно произнесла она, особо не надеясь, однако, что Пегги, откажется от задуманного. Отсутствующий взгляд Пегги подтверждал ее опасения.

– Я хочу, чтобы этого человека признали виновным, – сквозь стиснутые зубы едва слышно произнесла Пегги.

Женщины изумленно уставились на нее. Дотти Дельримпл закрыла лицо руками.

– О чем ты говоришь? – первой опомнилась Сюзан Бергер. В ее голосе слышались недоверие и гнев одновременно.

Пегги уставилась на нее, но Сюзан стойко выдержала этот взгляд.

– Сюзан, я хочу снять подозрения с Кристины Билл. Нет необходимости объяснять тебе, что может случиться с ней или с нашим Союзом, если полиция расколется. Наша работа слишком важна. Я хочу, чтобы совет принял любые меры предосторожности, которые необходимы для защиты Кристины и наших интересов. При

небольшой ловкости, я уверена, мы убедим полицию в виновности доктора Шелтона. Учитывая его прошлое, самое большее, что может грозить ему – несколько месяцев во второразрядной больнице да отлучение на пару лет от ящика с лекарствами. По-моему, это невысокая цена за...

– Пегги, я с этим не согласна, – возразила. Руфь Серафини. – Мне наплевать на то, что натворил этот Шелтон. То, что мы собираемся сделать, противоречит достойной жизни человека... совершенно противоречит тому, за что мы боремся. – Ее возвышенные слова вызвали гул одобрения и поддержки некоторых членов! Серафини обвела взглядом сидевших за столом. Из пятнадцати женщин семь поддержат Пегги, о чем бы та не просила. А остальные? Голосование будет почти равным. Руфь решила идти напролом. – Что если мы оставим все, как есть, и посмотрим, как станут развиваться события? Если надо, мы можем снабдить Кристину Билл деньгами, адвокатами... всем необходимым. Но в данный момент нет даже уверенности, что...

– Нет! – Слово прозвучало как удар хлыста, и Руфь Серафини попятилась от глаз Пегги, словно это были копыя, направленные в ее грудь. – Разве ты не понимаешь? – продолжала наседавать Пегги. – Пройдет совсем немного времени, и Кристина расскажет им о нас, как бы она ни сопротивлялась. Разве вы не представляете, как пресса все исказит? Для нас это конец. Я никогда не допущу этого! – Она швырнула измятый цветок на стол и отвернулась к окну, тяжело дыша. Какое-то время слышалось ее затрудненное дыхание да причудливая музыка осеннего урагана. Но когда Пегги обернулась, на ее лице была улыбка.

– Сестры, – мягко произнесла она, – год назад я представила план, в соответствии с которым решила, что мы должны наконец объявить общественности о нашем существовании и священной задаче, стоящей перед нами. Располагая многими тысячами катушек с магнитофонными записями, на которых записаны слова самых уважаемых в мире медицинских сестер, я считаю, что мы можем развернуть такую широкую кампанию, что тем, кто противится нашей идее, ничего другого не останется, как согласиться. Это явится достойным завершением дела всей нашей жизни, вашей и моей.

– Согласно нашей процедуре, я представила свое предложение на голосование и потерпела поражение. Следовательно, я была

вынуждена подчиниться требованиям нашего "Союза". Однако, обещаю вам, что если сегодня мы не защитим эту женщину от угроз, я обнародую свой план. Пусть будет лучше так, чем полиция и пресса представят "Союз" в сенсационном, вульгарном и искаженном виде. Я предам гласности магнитофонные записи. Они у меня есть, все. И я сделаю это!

Женщины за столом стали обмениваться многозначительными взглядами. Эти отчеты служили кровавой клятвой, которая связала их вместе. Если хотя бы раз сестра представляла такой отчет – пути назад уже не было. Так повелось с самого начала. Сперва отчет в письменном виде, потом – в записи на пленке. Все присутствующие представляли такие отчеты, а многие и по несколько раз – и теперь Пегги собиралась предать их огласке. Остатки демонстративного неповиновения среди директоров растаяли.

– Барбара, – Пегги повернулась к Барбаре Литтлджон. – Я хочу, чтобы собрание предоставило мне право делать все необходимое для признания виновным доктора Дэвида Шелтона и защитить интересы Кристины Билл и Союза ради жизни.

Барбара знала, что дальнейшее препирательство бесполезно. Выражения лиц сидящих за столом служили тому наглядным подтверждением. Пожав плечами, она поставила вопрос на голосование. Слева от нее Сара Дьюи медленно подняла руку. Барбара по очереди смотрела на каждую женщину, и как по команде их руки поднимались. Все проголосовали единогласно "за".

Прерывая наступившее молчание, Дотти Дельримпл откашлялась и впервые проговорила. – Пегги, как ты знаешь, Кристина Билл работает у меня. Я знаю ее достаточно хорошо, хотя еще не решилась сказать ей о моей причастности к "Союзу". Она, как ты заметила, замечательная сестра, преданная идеалам, которые мы все разделяем. Можем ли мы быть уверены, что она позволит этому человеку ответить за то, что сделала сама, независимо от нашего решения, принятого сегодня?

Этот вопрос не выходил из головы каждой женщины.

– Это, Дороти, наша с тобой ответственность... твоя и моя. В свое время ты должна будешь открыться ей. Объяснить ситуацию, а ты прекрасно это умеешь делать. Я уверена, она тебя поймет. Ты можешь поделиться с ней своим секретом, так как я думаю, что она заслужила

такое доверие. Если необходимо, я и все присутствующие здесь поделюсь с ней своими секретами. Тебя это устраивает?

Дельримпл улыбнулась.

– Я знаю тебя слишком долго и слишком хорошо, чтобы спрашивать, есть ли у меня выбор. Я поговорю с ней.

Пегги кивнула и улыбнулась в ответ.

Доротти Дельримпл действительно знала Пегги хорошо. С самого начала Дотти следила за ее стремительной карьерой... даже уговорила поступить в высшее медицинское училище в то время, когда туда трудно было поступить женщине, а тем более медсестре. Она следила за удивительными успехами Пегги в области кардиологии и ее браком с одним из самых известных ученых и сторонником прав человека в мире. Она следила за тем, как эта женщина стала играть первую скрипку при подборе медицинских кадров для одной из крупнейших в стране больниц.

Она знала так же твердо, как то, что завтра взойдет солнце, что Маргарет Доннер Армстронг достигнет всего, чего захочет. Приговор Дэвиду Шелтону вынесен и его судьба фактически предрешена.

Произнеся еще несколько слов, Барбара Литтлджон распустила собрание. попрощавшись, Дотти остановилась у роскошного букета, наклонилась, чтобы вдохнуть его сильный аромат, и слегка коснулась воздушного лепестка. Затем, бросив прощальный взгляд на Пегги, вышла.

Комната быстро опустела. Вскоре в ней остались только двое – Пегги Доннер, невозмутимо уставившаяся в окно, и Сара Дьюи, которая остановилась в дверях, а затем вернулась. Она была в десяти футах от Пегги, когда та, не оборачиваясь сказала. – Сара, как мило с твоей стороны, что ты осталась. Нам так редко выпадает возможность поговорить по душам.

Стройная негритянка замерла на месте, затем заметила свое отражение в стекле.

– Так вот каким образом Пегги Доннер прославилась тем, что видит затылком?

– Одна из моих уловок. – Маргарет Армстронг обернулась, тепло улыбаясь. Сару она сама вовлекла в движение. – Я вижу беспокойство в твоих прекрасных глазах, Сара. Тебя тревожит то, что произошло сегодня?

– Немного. Но не из-за этого я осталась, чтобы поговорить с тобой.

– О?

– Пегги, совсем недавно Джонни Чепмен умер в твоей больнице от обширной аллергической реакции. Вероятно, это связано с каким-то лекарством. По крайней мере, так поговаривают. Ты слышала о нем и работе, которую он делал? – Армстронг кивнула. – Хорошо, я знала Джонни много лет. Заседала во многих комитетах... всех и не сосчитать.

– И?

– Я говорила кое с кем о причинах его смерти. С людьми из моего окружения. Один заявил, что в этой смерти не было ничего случайного. Ты, вероятно, догадываешься, что он мозолил глаза многим важным людям много лет.

– Моя дорогая, всякий раз, когда умирает важный или влиятельный человек, появляются теории, отвергающие естественную или случайную смерть. Конечно, все эти теории – сплошная чушь.

– Я понимаю, – сказала Сара, – и хочу надеяться, что в данном случае ты права. Наверняка мы никогда не узнаем, потому что церковь Джонни запрещает вскрытие трупа. Это мне сказала его жена. Она написала это большими красными буквами на его карте возле списка тех лекарств, к которым он испытывал аллергию.

– На что это ты намекаешь? – беспокойно спросила Армстронг.

– Пегги, этот человек сказал мне, что ему доводилось слышать, что Джонни Чемпен не покинет Бостонскую больницу живым. Так и вышло. Через два дня у Джонни внезапно развивается анафилаксия и он умирает. Сенатор Кормиер скончался на операционном столе от сердечного приступа. Газеты писали, что отказало сердце, но они так же заметили, что, поскольку, приступ оказался внезапным и смертельным, то почему-то при вскрытии не были выявлены причины сердечной недостаточности.

– Сара, я все же не вижу, какое...

– Пегги, два задания, которые я выполнила по решению "Союза", были связаны с использованием внутривенного уабайна. Оба случая имитируют сильные приступы сердца. Это вещество невозможно обнаружить. Разве не мог кто-нибудь...

– Молодая леди, мне кажется, я дала вам высказаться. Ваши инсинуации отличаются плохим вкусом и неуместностью. Хуже того. Они произносятся в то время, когда нашему движению так необходимо полное единство.

– Пегги, пожалуйста, – холодно заметила Сара Дьюи. – Не отчитывай меня. Я не хочу ворошить ничье осиное гнездо. Все, что мне хочется выяснить: не использует ли кто-то в вашей больнице наши методы. Членов "Союза" в штате Бостонской больницы больше, чем в любой другой.

– И я лично знаю каждую из них, – сказала Армстронг. – Все они прекрасные сестры и достойны большого уважения. А теперь, если у тебя нет ничего более конкретного, чем то, что ты здесь мне изложила, я прошу... нет, настаиваю на том, чтобы свои притянутые за уши предположения ты держала при себе. У нас с тобой куча неотложных дел, и в первую очередь надо разобраться с этим человеком, который представляет угрозу всему нашему движению. – Армстронг почувствовала, что наговорила слишком много в порыве чувств и мягко добавила: – Сара, после того, как вопрос с этим Шелтоном будет снят, мы подробно поговорим о том, что беспокоит тебя. Договорились?

Сара Дьюи внимательно посмотрела на женщину и кивнула.

– Договорились.

– Вот и хорошо, – прошептала Армстронг.

Номер 133 обе женщины покинули вместе. На улице разыгралась непогода, и ветер обрушивался на здания с такой яростью, что под его напором, казалось, качались дома.

Глава XIV

"Трещина, которая обычно походит на кролика..." – снова и снова повторял Дэвид эти слова, рассматривая ряд мелких линий, разукрасивших потолок его комнаты.

"...которая, на удивление, обычно походит на кролика". Где он читал это? Неважно, решил он. Ни одна из трещин не напоминала ему кролика. Кроме того, управляющий домом обещал их заштукатурить, так что все равно это бесполезное занятие для ума.

Он повернулся набок, подпер голову рукой и уставился в окно. Контуры домов, стоящих через улицу, в холодном сплошном ливне казались размытыми и неясными.

Прошло почти два дня после того вечернего кошмара с Докерти. На следующее утро после допроса Дэвид старался вести дела в больнице как обычно. Но это было похоже на работу в холодильной камере. Ни один вирус не мог бы распространиться по палатам быстрее, чем молчаливое обвинение, брошенное ему в лицо. Большинство сестер и врачей старались не замечать его. Другие шептались, когда он проходил мимо, а одна сестра прямо указала на него пальцем. Те же, кто говорил с ним, подбирали слова с подчеркнутой осторожностью солдат, пересекающих минное поле.

После обеда совсем стало невмоготу. В больнице у него оставались только двое больных, Олдос Баттеруорт и Эдвина Берроуз. Первый, в принципе, снова становился проблемой доктора Армстронг. Кровообращение в его прооперированной ноге стало даже лучше, чем в здоровой. Эдвина Берроуз рвалась домой, и, вероятно, ее можно было бы выписать и сейчас, не дожидаясь утра. Дэвид сделал запись в карте Баттеруорта, поручив доктору Армстронг снять швы через три дня; после этого он составил список указаний в отношении Эдвины Берроуз и отправил ее домой.

Опустив голову, он направился к главному выходу и столкнулся с Дотти Дельримпл. Они обменялись извинениями, и Дельримпл спросила:

– Идете в офис?

Дэвид, подавив искушение ответить на вежливость ложью, сказал:

– Нет. На сегодня у меня все. Я иду домой.

Его удивил интерес и беспокойство в ее глазах. Хотя они были знакомы, но никогда долго не говорили наедине.

– Доктор Шелтон, я хочу, чтобы вы знали, как я огорчена вчерашним. – Она, поймал себя на мысли Дэвид, первый человек, который за целый день открыто что-то заявил ему о неприятном инциденте.

– Я тоже, – пробормотал он.

– У нас не было возможности узнать друг друга поближе, но я много слышала о вас от моих сестер... одни сплошные комплименты. – Дэвид натянуто улыбнулся. – Вам, должно быть, они давно надоели? Признайтесь? – спросила она. Дэвид снова улыбнулся, на этот раз более раскованно. Дельримпл уперлась массивной рукой в стену и продолжала. – Боюсь, эта новость будет для вас не такой уж приятной, но хочу заметить, что лейтенант Докерти вызывал меня этим утром. Ваше имя всплыло только раз, но мне показалось, что он не очень-то уверен в вашей виновности, несмотря на весь тот цирк, который устроил вчера вечером.

– Судя по тому, с чем я сегодня утром столкнулся, мисс Дельримпл, это тот случай, когда он оказался в абсолютном меньшинстве. Внезапно я ощутил себя лабораторной мышью, которой уже не вырваться на волю. В данный момент лейтенант Докерти в самом конце списка моих хороших знакомых и друзей.

– Думаю, что окажись я в вашем положении, то чувствовала бы себя не лучше, – сказала Дельримпл. Она замолчала, как бы стараясь подыскать слова, чтобы продолжить беседу, затем пожала плечами, бросив на прощание: – Всего хорошего, – удалилась.

Она сделала несколько шагов по холлу, когда Дэвид бросился за ней.

– Мисс Дельримпл, – закричал он. – Задержитесь на минутку, я прошу вас помочь мне. – Старшая медсестра остановилась, медленно, как шхуна, развернулась, и ожидающе улыбнулась, – Вчера вечером у вас была карта Шарлотты Томас, – сказал Дэвид. – Не могли бы вы мне передать ее на день? Я не знаю, чего в ней искать... а вдруг окажется, что я что-то упустил.

– Извините, доктор Шелтон, – с помрачневшим лицом сказала Дельримпл. – Карта, которая была у меня вчера, это второй экземпляр.

Оригинал у лейтенанта, – она заколебалась, но потом решила продолжать. – Но теперь у меня нет даже второго экземпляра. – Дэвид вопросительно посмотрел на нее. Под его взглядом она почувствовала себя неуютно и, запинаясь, начала оправдываться. – Я... э... отдала его доктору... этим утром... Уолласу Хатнеру и мужу той женщины... и адвокату. Они пришли за ним, имея предписание суда. Очевидно, это было единственной уступкой со стороны лейтенанта.

У Дэвида похолодели руки, а по спине пробежали мурашки. Он почти не сомневался, зачем они это сделали: преступная небрежность врача. Другие разумные объяснения не приходили в голову. Ему вчинят иск на сумму в миллион долларов. Питер Томас подготавливает почву для решительных и быстрых действий против него. Дэвид содрогнулся. И в довершение всего Томас собирается привлечь его к суду, а в этом ему помогает его же главный хирург.

Дельримпл коснулась его плеча, хотела что-то сказать, но потом, видимо, передумала.

– Извините, доктор, – холодно произнесла она. – Я хотела бы вам помочь, но не могу.

Чтобы не вспылить, Дэвид крепко сжал губы и заспешил к выходу, бросив на ходу:

– Спасибо.

К тому времени, когда он прибыл домой, ярость буквально душила его. Не зная, как с ней справиться, он принялся ходить из угла в угол. Затем, подавленный чувством собственного бессилия, бросился на кровать и схватил телефон. Он позвонит доктору Армстронг, Докерти или даже Питеру Томасу. Кому угодно, лишь бы что-то делать. Но кому же звонить?.. Телефонная книга лежала на столике рядом. Он раскрыл ее и принялся судорожно перелистывать, почти не надеясь встретить там чье-то имя... безразлично чье.

Большинство страниц были не заполнены.

Попались, правда, имена его братьев – один жил в Калифорнии, другой в Чикаго. Живи они даже в соседнем доме, он не обратился бы к ним. После той аварии, после запоев и наркотиков и, наконец, последних событий в больнице они тихо и незаметно отстранились от него. Рождественские открытки да звонки через каждые полгода – вот все, что теперь их связывало.

Мелькнули еще фамилии коллег по Белому мемориалу. Время от времени за последние восемь лет они даже приглашали его на вечера встречи. Его звали, с ним было весело... до определенного момента. Но после того, как он пытался излить душу кому-нибудь из приглашавших, его стали звать все реже и реже. От этих ребят будет мало толку.

В жизни любого врача, разбитой на учебу в колледже и университете, а также на интернатуру и стажировку, и в которой к тому же должны найти место жена с детьми, надежных друзей, как правило, не встретишь. Для Дэвида поддержание тесных дружеских связей было просто невозможно.

Одиночество становилось нестерпимым. Не к кому обратиться за помощью. Не к кому, исключая Лорен, но она за пятьсот миль от него, скорее всего, с этим своим конгрессменом и ... Стоп! Есть *один* человек. Его зовут Розетти. В течение десяти лет, всякий раз, когда ему было плохо или требовался совет, выручал Джой Розетти. Джой и Терри тоже. За месяцы знакомства с Лорен, он с ними почти не виделся, но Джой из тех, кому на это наплевать.

Взволнованный, Дэвид отыскал номер бара Джоя на Норт-сайд и позвонил. Даже если Розетти ничего не посоветует, что сомнительно, поскольку он мог дать совет в любом деле, то уж наверное поддержит, рассказав парочку новых анекдотов. В предвкушении предстоящего разговора настроение у Дэвида заметно повысилось.

Однако резкий и глухой голос в баре информировал Дэвида, что мистера Розетти нет на месте. От хорошего настроения тут же не осталось и следа.

– Это говорит доктор Шелтон. Доктор Шелтон, – проговорил Дэвид, делая упор на слове "доктор"; так он разговаривал всегда, когда нужно было заказать обед в ресторане, номер в гостинице или поскорее отделаться от телефонистки, сидящей на коммутаторе в незнакомой больнице. – Я близкий друг мистера Розетти. Не могли бы вы сказать, когда он вернется или где найти его?

Голос в трубке, даже не прикрыв ее, кому-то прокричал.

– Эй, какой-то доктор на проводе. Говорит, что друг мистера Розетти. Я могу сказать ему, где он?

Вскоре в трубке послышалось.

– Э... сэр, мистер Розетти с женой отправились в свой дом на северном побережье. Вернутся завтра поздно вечером.

Дэвид успел услышать, как тот же голос спросил:

– Что передать? – но он уже положил трубку. Не прошло и минуты, как тишина и бездействие стали невыносимыми. Только от отчаяния он решился на звонок Уолласу Хатнеру. Когда раздались долгие гудки, ему нестерпимо захотелось нажать на рычаг, но он только сильнее прижал трубку к уху. Когда Хатнер поднял трубку, ухо Дэвида сделалось белым.

– Да, доктор Шелтон, в чем дело? – отрешенно, словно их разделяли сотни световых лет, спросил хирург.

– Доктор Хатнер, я очень расстроен тем, что произошло вчера. Мне удалось сегодня кое-что установить, – промямлил Дэвид. – Не могу ли я... поговорить с вами несколько минут?

– Знаете ли, – отрезал Хатнер, – мое рабочее время давно закончилось и...

– Пожалуйста! – взмолился Дэвид. – Простите за повышенный тон, но вы должны меня выслушать. – Он замолк, потом облегченно вздохнул, не слыша со стороны Хатнера новых возражений. Собравшись с духом, уже более спокойно и тщательно подбирая слова, он сказал: – Доктор Хатнер, я знаю, что вы помогли мистеру Томасу и его адвокату получить копию карты Шарлотты. Все же вы должны поверить, что к ее убийству я совершенно не причастен. У вас и, возможно, еще кое у кого создалось впечатление, что я стою за умерщвление из сострадания, но это не так. Мне... мне нужна ваша помощь... помощь любого... чтобы убедить Питера и лейтенанта в этом. Я... – в этот миг Дэвид понял, насколько непродуманным оказался его звонок. Что он хотел конкретно сказать или спросить?.. Хатнер, по-видимому, почувствовал то же самое.

– Доктор Шелтон, – сказал он довольно сухо, – пожалуйста, поймите меня. Я никоим образом не собираюсь осуждать или оправдывать вас. Этим утром я помог Питеру, как старому, убитому горем другу. Вот и все.

Старому другу? Дэвид чуть не расхохотался. Неделю назад Питер Томас ясно дал понять, что они едва знакомы. Теперь они превратились в старых друзей. Он крепче сжал телефонную трубку и заставил себя слушать, что говорит Хатнер.

– Утром меня вызывал лейтенант, и у меня сложилось мнение, что он очень тщательно ведет расследование. Нам остается только ждать и следить за тем, по какому направлению оно пойдет. Если, как вы утверждаете, вы не причастны к смерти Шарлотты, я уверен, лейтенант сумеет доказать, что так оно и есть. А теперь, если у вас нет больше никаких вопросов...

Дэвид молча швырнул трубку.

Проснувшись на следующее утро в половине шестого, он ощутил привычную боль в скулах.

* * *

Целый час Дэвид занимал себя тем, что считал секунды между вспышками молний за окном и последующим ударом грома. Но вот совпали подряд три счета. Это означало, что электрический фронт проходит в полутора милях от их района. Если этот результат сопоставить с разочарованиями последних дней, то его математический триумф был равнозначен выигрышу олимпийской медали. Минут пятнадцать он читал глупую книгу. Пару минут поработал с гантелями. Потом снова принялся за книгу. Насколько он мог понять, там говорилось о суетливых перемещениях того, кто был лишен собственного угла. Примерно то же он испытывал в первые недели заточения в лечебницу Бриггса.

Глядя на телефон, он размышлял над тем, стоит ли еще раз звонить Лорен. Раньше он уже пытался связаться с ней, звонил ей домой и даже в вашингтонские отели, где она по обыкновению останавливалась. Она скоро там будет, успокаивал он себя. После ее отъезда они разговаривали только однажды, как раз накануне этого ужасного допроса Докерти. Лорен позвонила и сказала, что ее трудно будет застать на месте, так как она хочет узнать реакцию многих людей на смерть сенатора. На самом деле, как она призналась, помимо того, чтобы сказать "привет", она хотела узнать, не может ли Дэвид поговорить с людьми в больнице и побольше узнать о разыгравшейся трагедии. В то время он был уверен, что кое-что разузнает. Конечно, он не мог предполагать, что пройдет совсем немного времени, и он превратится в парию Бостонской больницы.

Почувствовав жажду, он пошел на кухню и выпил воды, вернулся в комнату и, чувствуя, что не напился, пошел в ванную.

Она сказала, что отправляется в Спрингфилд освещать похороны. Возможно, пробудет там день или два. Возможно, позвонит оттуда, и они встретятся в Спрингфилде. Может быть, на машине даже отправятся в Нью-Йорк или... или в Монреаль.

Беспорядочные маршруты... беспорядочные мысли.

Он вновь раскрыл шпионский роман, какое-то время читал, пока не обнаружил, что в потрепанной книге не хватает последних десяти страниц. Он даже не удивился, только пожал плечами и отправился принимать душ, второй раз за день. Включая кран, он услышал, как звонит телефон.

Дэвид выскочил в коридор, чуть не упав, и влетел в комнату.

– Эй, где ты была? – тяжело дыша, спросил он. – Я волнуюсь. Я даже толком не знаю, в каком городе ты находишься.

– Дэвид, это доктор Армстронг. Ты здоров?

– А? – О, черт возьми. – Извините, доктор Армстронг. Да, я в полном порядке. Я ждал звонка от Лорен и... о... эта женщина, которую я...

– Дэвид, отдохни немного. Хочешь, я перезвоню потом?

– Нет, нет, я чувствую себя прекрасно. Правда. – Не отрывая трубку от уха, он протянул руку и, взяв со стула хирургические брюки, натянул их одной рукой. Потом, вздохнув, опустился на кровать. – Если говорить начистоту, то у меня паршивое настроение. Сначала полчаса я жду, а следующие полчаса соображаю, чего же я жду.

– Но ты не?.. – многозначительно спросила она.

– Нет, исключено, – ответил он, улыбнувшись. – Ни капли и ни таблетки. Я сказал вам вчера, что возврата к старому нет. – По правде говоря, искушение снова вступить на скользкую дорогу у него было, пусть мимолетное, но было. Эти секунды искушения заканчивались быстро, но после стольких лет привычки к наркотикам любые ощущения подобного рода несли с собой страшную опасность.

– Хорошо. Рада слышать это, – сказала Армстронг. – Очень жаль, что ты так долго возвращался к нам.

– Да, я все понимаю, – сухо вставил он, надеясь, что она не потребует от него неприятных объяснений в свете последних событий

в больнице, которые касались не только его, но и ее. – Есть какие-нибудь новости?

– Ничего особенно важного. Наш друг, лейтенант, с воскресенья не оставляет нас в покое. Он регулярно сообщает мне или Эду Липтону, что находится на территории больницы. Вот, собственно, и все.

– Вы знаете, вчера я случайно столкнулся с мисс Дельримпл и попросил у нее копию карты Шарлотты Томас. Мне подумалось, что изучая ее, я мог бы что-то обнаружить.

– И мисс Дельримпл отдала ее тебе?

Дэвид не уловил повышенного интереса в ее голосе.

– Нет. Она отдала бы ее мне, но у нее этой карты больше нет. – Вкратце он пересказал разговор с Дотти Дельримпл и содержание последующего звонка Хатнеру.

– Выходит, – после непродолжительной паузы сказала она, – коршуны кружат над добычей.

Дэвид усмехнулся, представив себе эту картину.

– Кружат и выжидают. Я чувствую себя чертовски беспомощным. Я хочу что-то сделать, чтобы доказать им, что я еще жив и готов драться, но у меня нет даже палки под рукой, чтобы отогнать хищников.

– Понятно, – проговорила она. – Будь я на твоем месте, то тихо сидела бы и ждала. Будь что будет.

– Пожалуй, вы правы, доктор Армстронг, но, к сожалению, пассивность никогда не была моей сильной стороной. Если не я, то кто разберется во всем этом беспорядке.

– Я, Дэвид.

– Что?!

– Я тебе говорила, что сделаю все, что в моих силах.

– Я помню.

– Так вот, у меня есть друг в отделе кадров, который работает у нас на компьютере, проверяя тех, у кого раньше были осложнения с психикой, наркотиками или отсидками в тюрьме. Ну, что ты на это скажешь?

– Отличная мысль! – оживился Дэвид. – Как насчет того, чтобы проверить тех, кто последнее время работал в агентстве Шарлотты Томас?

– Можно попробовать.

– А также выпускников ее школы медсестер. И... и активистов, поддерживающих права больных... их право на добровольный уход из жизни...

– Эй! Остынь, Дэвид! Не будем пороть горячку. Ты останешься там, где я могу с тобой связаться, и подавляешь в себе импульс саморазрушения. Я занимаюсь остальным, так что не беспокойся. Ты возвращаешься на работу?

– Завтра. Завтра начну действовать. Это лучше, чем сидеть и ждать у моря погоды. Спасибо вам. Мне теперь будет легче работать, зная, что хоть что-то делается.

– Что-то делается, – эхом отозвалось в трубке.

* * *

Маргарет Армстронг положила трубку на рычаг и сквозь приоткрытую дверь офиса взглянула на больных, ожидающих приема... человек десять с проблемами различной сложности, которые почти наверняка будут ею решены. Даже по прошествии стольких лет она изумлялась собственным возможностям.

«Мама, мама. Скажи, чем я могу тебе помочь?»

Она понимает теперь. У нее есть знание и власть, и она многое понимает. Но как в то время она могла знать, что правильно, а что неправильно? Она продолжала оставаться девочкой... всего лишь пятнадцатилетней девочкой.

"Убей меня! Ради Бога, пожалуйста, убей меня!"

"Мама! Прекрати! Ты не понимаешь, что говоришь. Разреши, я тебе дам что-нибудь от боли. Когда тебе станет лучше, ты перестанешь говорить такие вещи. Я знаю – перестанешь."

"Нет, дочка. Это не поможет. Лекарства мне дают, но боль не проходит вот уже много дней подряд. Ты должна мне помочь. «Мама, я боюсь. Я ничего не соображаю. Эта женщина в коридоре так кричит, я ничего не соображаю. Я боюсь Я... я ненавижу это место»."

«Подушка. Просто положки мне ее на лицо и крепко нажми. Все произойдет очень быстро».

«Мама, пожалуйста. Я не могу сделать это. Должен быть какой выход. Другой. Пожалуйста, помоги мне понять. Подскажи мне, что делать...»

Секретарша Маргарет Армстронг несколько раз звонила ей по селектору, потом подошла к двери ее кабинета и постучалась. – Доктор Армстронг?

Дверь распахнулась, и секретарша мгновенно поняла, что ей нужно проявить терпение. Она застала главу кардиологического отделения в те редкие минуты, когда та отрешилась от всего происходящего. В такие моменты она сидела за столом, рассеянно теребя халат и невидящим взором уставившись вдаль. Секретарша знала, что такое случается с доктором и быстро проходит.

Молодая девушка осторожно прикрыла за собой дверь и вернулась к своему столу. Не прошло и трех минут, как зуммер селекторной связи загудел.

Разговор с Маргарет Армстронг и намеченный план действия, пусть и путаный, заметно поднял настроение Дэвида. А после органной музыки Баха и двадцати минут интенсивных упражнений с гантелями он вообще повеселел. Он принял душ, переделся и, растянувшись на кровати, листал журнал, когда услышал, как повернулся ключ во входной двери. Он бросился в холл, и в это время вошла Лорен. Если бы не плащ и шляпа с обвисшими полями, можно было подумать, что она вернулась с вечеринки в саду: Светло-голубое платье плотно облегалo ее тело, а на бронзовой шее красовалось тонкое ожерелье из золота.

Те несколько мгновений, что он стоял и глядел на нее, были для него сейчас важнее всего на свете. Но когда он прямо посмотрел ей в лицо, она отвела глаза в сторону. Внезапно Дэвид почувствовал, что даже боится прикоснуться к ней. – Добро пожаловать домой, – неуверенно проговорил он, осторожно протягивая руку. Она взяла его руку и обняла его, но в ее движении не было теплоты. Ее холодность и запах духов – это были те же духи, которыми она душилась в день своего отъезда – наполнили его чувством одиночества и неведомой приближающейся опасности.

– Я не имел ни малейшего представления о том, когда ты вернешься, – сказал он, надеясь, что ее ответ поможет развеять опасения.

– В последний раз, когда я тебе звонила, я сказала, что готовлю материал по Кормиеру, – ответила она, усаживаясь в кресло, стоящее в комнате. Дэвид отметил, что она не села на тахту. – Какая паршивая история получилась, – продолжала она. – Из всех людей, у которых я когда-либо брала интервью, единственный, кому я всецело доверяла, был Дик Кормиер. Его похороны явились событием. Выступал президент, главный судья и...

Дэвид, не в силах больше вынести напряжения и эту нервную болтовню, резко оборвал ее.

– Лорен, ты хочешь сказать что-то более важное, не так ли? То есть дело не только в сенаторе. Что-то грызет тебя. Пожалуйста, высказывай все. Я... у меня сейчас так муторно на душе. Я должен тебе многое сказать, но сначала надо объясниться. – У нее другой, подумал он. Лорен встретила другого мужчину. И судя по ее лицу, так оно и есть. Она смотрит в окно, кусая губы. Дэвиду показалось, что она готова расплакаться, но когда Лорен заговорила, в ее голосе он уловил больше раздражения, чем грусти.

– Дэвид, – начала она, – когда я приехала домой, меня ждал там полицейский. Я провела два часа в полицейском участке, отвечая на вопросы лейтенанта Докерти... даже очень личные... касающиеся тебя и нас с тобой.

– Тебе Докерти объяснил в чем, собственно, дело? – спросил он, поняв, что соперника у него нет.

– Только в общих чертах, – ответила она, качая головой. – На первых порах он был достаточно любезен, но потом его вопросы стали более острыми... и наглыми. В конце концов я не выдержала и заявила ему, что без адвоката не буду говорить с ним. Он дал ясно понять, что у тебя нелады с психикой и что я стараюсь выгородить тебя. Дэвид, я не могу...

– Сволочь! – закричал Дэвид. – Когда все кончится, он ответит за эту грязь... Я достаточно натерпелся от него. – Он сжал кулаки так, что они побелели. – Лорен, это настоящий кошмар. Этот человек одержим вендеттой. Едва я предстал перед ним на допросе, он, словно зашоренный, стал гнаться за мной. Я ничего не делал, но он нагромоздил кучу косвенных доказательств и пытается втиснуть их в дело, состряпанное против меня. – Чувствуя, что он теряет над собой контроль, Дэвид попытался взять себя в руки, но уже не мог

остановиться. Одно за другим с его губ срывались слова, и каждое громче и острее предыдущего. – Я бы сам разобрался во всем этом дерьме, которое наложено в больнице. Разобрался бы! Но втягивать сюда тебя... Этот подонок зашел слишком далеко. – Он принялся нервно ходить по комнате, рассекая руками воздух.

– Дэвид, прошу тебя! – пронзительно закричала Лорен. – Ты поступаешь, как безумный. Пожалуйста, одумайся. Я боюсь, когда ты такой.

Он резко остановился и перестал размахивать руками. Потом сделал глубокий вдох и проговорил.

– Извини, детка. Извини. Сначала слишком много шуток, затем слишком много безумия. – Дэвид слабо улыбнулся. – Кажется, у меня... всегда перебор, да? – Он тяжело опустился на тахту. – Лорен, обними меня на минутку, – попросил он, протягивая к ней руки.

Лорен сжала губы, посмотрела на дверь и покачала головой.

– Дэвид, нам надо поговорить.

– Давай поговорим.

– У моей службы всюду есть люди, Дэвид. Включая местное полицейское отделение. Дело вроде этого... допрос в участке... мой босс большой консерватор и очень строг. Если он пронюхает, что...

– Господи! – взорвался Дэвид, – ты преподносишь все так, будто я постарался наплевать тебе в душу. Ты можешь понять, что я к этому совершенно непричастен? Бог мой, меня преследует маньяк... моя карьера может полететь к черту или случится что-то похуже, а моя подружка боится, что ее на ковер вызовет шеф. Полное безумие!

– Дэвид! – злясь, тихо и отдельно, проговорила Лорен, – я тебе не раз говорила, что ненавижу это слово – "подружка". Успокойся, пожалуйста, и попытайся понять мое положение во всей этой истории.

Потеряв дар речи, Дэвид только молча смотрел на нее, раскачиваясь из стороны в сторону. Лорен поправила платье, выпрямилась в кресле, и вызывающе начала.

– Я знаю, что ты обрадуешься, узнав, что из-за всех неприятностей, с которыми тебе приходится сталкиваться, ты освобождаешься от присутствия в четверг на званом обеде с танцами, который дает Артистическое общество. После того, как лейтенант доставил меня домой, позвонил Эллион Мей и поинтересовался, буду ли я на нем присутствовать. Зная, как ты ненавидишь такие

мероприятия, я приняла его предложение. – От его диких глаз ей стало страшно. Она поджала губы и с гордой гримасой отвернулась к окну.

Он встал и сделал шаг в ее сторону, чувствуя, что начинает терять контроль над собой. Сжав кулаки, он сделал еще один шаг..

Внезапно из прихожей послышались позывные домофона. Дэвид резко повернулся и на негнущихся ногах подошел к устройству связи.

– Да? – громко сказал он.

– Это лейтенант Докерти, доктор Шелтон, – послышался снизу трескучий голос полицейского. – Нельзя ли к вам подняться?

– У меня есть выбор? – спросил Дэвид, нажимая на кнопку и открывая парадную дверь.

В течение полуминуты единственный звук, который мог слышать Дэвид, были судорожные нервные глотательные движения, постепенно перешедшие в более спокойное дыхание. В последние два дня он ожидал визита Докерти. Этот человек умеет выбирать время для своих посещений. До него донесся хриплый стон шестерен, когда дышащий на ладан лифт пополз вверх. Стоя в дверях, он презрительно вслушивался в работу тросов, испытывающих огромное напряжение. Знававшей иные времена кабине пришлось целую минуту преодолевать четыре этажа. Но вот новый лязг и грохот, сопровождающийся дребезжанием двери кабины лифта, возвестили о благополучном прибытии стража правопорядка. Дэвид вышел из квартиры, когда Докерти открыл тяжелую дверь шахты. За его спиной стоял высокий мужчина в форме.

– Доктор Шелтон, это офицер Колб, – произнес Докерти. – Мы можем пройти? – Это прозвучало не как вопрос, а скорее как приказ. Дэвид подумал о Лорен, затем пожал плечами и повел их в комнату.

– Мисс Николс. – Докерти кивнул, но представить ей Колба не захотел.

Лорен встала и взяла свой плащ.

– Прошу меня извинить, – произнесла она официально, – я как раз собиралась уходить.

Едва она сделала шаг к двери, как Докерти сказал:

– Я думаю, мисс Николс, вам следовало бы остаться. – Глаза Лорен сузились, она сжалась, затем вернулась на место.

На душе у Дэвида опять начали скрести кошки.

Секунд пять Докерти молча глядел на пол, потом сунул руку в карман пиджака и вынул блокнот с твердым переплетом, внутри которого лежали зеленые бланки. – Доктор Шелтон, – спросил он, протягивая ему блокнот, – вам не знакомо это?

Дэвид полистал формы и, запинаясь, ответил. – Знакомо. Это формы С два-двадцать два. Но я не вижу, каким образом...

– По ним заказывают наркотики? – спросил Докерти.

– Да, но...

– На них стоит ваш штамп, не правда ли?

– Хватит! – вырвалось у Дэвида. – С меня хватит! Вы мне скажете, чего хотите или... или уходите! – почти прокричал еж. В животе у него, да и в груди тоже, образовались огромные узлы, которые начали все туже и туже завязываться.

– Доктор Шелтон, я разослал запрос по всем аптекам города с просьбой представить мне фамилии тех людей, которые за последний месяц приобрели у них морфин для внутривенного впрыскивания. – Из нагрудного кармана он вынул отдельный зеленый листок бумаги. – Эта форма С два-двадцать два была использована для приобретения трех ампул сернокислого морфина в аптеке Квигга, что в западном Бронксе. Она датирована вторым октября, днем, когда была убита Шарлотта Томас. Это ваша форма, доктор Шелтон. На ней стоит ваша фамилия.

Дэвид схватил листок.

– Это не моя подпись, – механически произнес он, глядя на буквы и закрывая глаза. Много лет над ним подшучивали, он и сам подшучивал над собой, видя свои каракули. – "Любая макака может выписывать рецепты моим пациентам", – как-то раз съязвил он. Эта форма могла промелькнуть в ворохе его бумаг на столе и остаться незамеченной.

– Возможно, – спокойно согласился Докерти, – однако я подозреваю, что она ваша. У меня имеется еще кое-что, доктор. Ордер, который я получил на обыск вашего кабинета, позволил мне не только изъять ваши формы, но и это. – Он снова сунул руку в карман и вытащил небольшую фотографию в золотой оправе. – Мистер Квигг однозначно узнал вас по этой фотографии как того человека, который приобрел у него морфин.

Дэвид уставился на фото, с которым он никак не мог расстаться, где была изображена вся его семья – он, Джинни и трехлетняя Бекки – возле лодок-лебедей в городском парке. До аварии оставалось два месяца...

Докерти, казалось, пребывал в нерешительности, но вот он потрянул головой и произнес:

– Дэвид Шелтон, я беру вас под арест за убийство Шарлотты Томас.

Слова прозвучали как удар грома, отозвавшись неприятным жужжанием на высокой ноте в висках. Он попытался движением головы избавиться от подступающей боли, слушая, как полисмен зачитывает с затасканной картонной карточки его конституционные права и плохо их понимая. Дэвид смотрел (словно это был и не он, а посторонний наблюдатель), как человек в форме протянул к нему руки и защелкнул наручники за спиной. Извинение Докерти по поводу ограничения его свободы потонули во всепоглощающем шуме в голове.

Сбитый с толку, запуганный, почти ничего не соображающий, Дэвид попытался было вырваться, но стоящий рядом полицейский только крепче взял его за плечо.

Пораженная происходящим, Лорен попятилась от шатающегося Дэвида, которого повели к выходу полицейские.

Докерти обернулся и мрачно сказал:

– Ему нужен адвокат, мисс Николс. На вашем месте я нанял бы самого лучшего адвоката. – Кивнув на прощание, он скрылся за дверь.

Ветер стих, но продолжал хлестать холодный сильный дождь. Докерти накинул на плечи Дэвида ветровку и застегнул ее спереди. Но все равно, когда они доволочили его до дежурной машины, он промок до нитки. Собственный арест представлялся Дэвиду чередой причудливых и не связанных между собой эпизодов. Мрачный голубой свет, пульсирующий на крыше автомобиля. Крошечные, идеальной формы ромбы металлической сетки. Прохожие, сбивающиеся в группы от ливня. Стоп-кадры, мелькающие сквозь сетку и ветровое стекло. Гротесковая демонстрация диапозитивов.

Полицейский участок... свет... униформы. Затем слышатся голоса. "Выверни карманы, сынок. Сынок, ты слышишь меня? Сынок?.. вот

его бумажник... Спиши все с водительских прав, мудака... Давай правую руку, большой палец... вот сюда, встать сюда... вторую руку теперь... Слышь, парень, так полагается. Давай сюда. Смотри прямо... теперь поверни голову... нет, вот сюда, пошел... Третья пустует. Давай в нее."

Потом следует какофония звуков. Скрежет металла о металл... громкое лязганье... Лифт? Нет, не сюда. Не может быть лифтом... музыка... откуда?.. Откуда раздается музыка?.. Новые голоса... "Сюда, босс, сюда... свет, мне нужен свет. Моя говенная сигарета потухла... Когда, твою мать, обед? Собираются нас кормить или нет?"

Наконец широкие размытые полосы неясно маячат перед его глазами. Мало-помалу они сужаются и темнеют... Решетка! Это же решетка!

На него снова обрушивается шквал звуков, на которые налагаются изображения других решеток, и все это врывается в его сознание...

– Нет! Пожалуйста, о Боже, нет! – кричит он, поворачивается и падает на колени возле туалета и судорожно блюет в мутноватую воду, обработанную дезинфектантом.

Не чувствуя зловония, Дэвид доползает по каменному полу до металлической койки, влезает на нее и погружается в холодный неестественный сон, в котором стихают его рыдания.

Глава XV

– Пора вставать, сынок, утро. В этой чашке листерин. Сполосни лицо холодной водой и прополощи хорошенько рот. Это поможет тебе очухаться.

Дэвид с усилием приоткрывает веки. Первое, что он видит – те же узкие полоски. Решетка? Но на этот раз полоски голубого и красного цвета материализуются в пропахшую потом подушку у него перед глазами.

Охранник – полнокровный мужчина лет пятидесяти с огромным животом, свешивающимся через ремень, – останавливается в дверном проеме и терпеливо ждет, когда Дэвид окончательно проснется и протрет воспаленные глаза.

– Ты способен говорить, сынок? – спрашивает он.

Дэвид кивнул, прищурясь, посмотрел на офицера, затем принялся умываться. Страж порядка, по-видимому, не торопился, и Дэвид с минуту собирался с силами, стараясь размять затекшие спину и шею, одновременно соображая, как же быть. На смену страху и затравленности прошлого вечера почему-то пришло странное успокоение. Он выпрямил ноги, наклонился вперед и коснулся кончиками пальцев пола. Мир и спокойствие? Черта с два! Ты по уши в дерьме, кругом творится сплошное безумие, и ни о каком спокойствии не может быть и речи.

Ему припомнился летний лагерь. Река. В то время ему было одиннадцать, нет, двенадцать лет. Он далеко отплыл от плота, как вдруг резкая боль пронзила живот. Он камнем пошел на дно от этой удушающей боли, и вода хлынула в легкие. Боль, внезапно начавшаяся, также внезапно прекратилась, а с ней пропал и страх. Вот тогда-то он впервые и испытал это чувство отрешенности и покоя. Он умирал, как сейчас, беспомощный и обреченный на гибель.

– Рад, что ты оклемался, – усмехнулся сержант, надувая красные, как редиска, щеки. – Ребята из ночной смены сказали, что ты был совсем плох. Не мог даже держать телефонную трубку. – Когда Дэвид ничего не сказал, он добавил: – Тебе ведь лучше, а?

– О да, я в порядке... спасибо, – отрешенно ответил Дэвид, ощупывая себя. – Э... где я нахожусь?

– В первом районе, – ответил мужчина, с беспокойством глядя на Дэвида. – Ты в тюрьме первого района Бостона. Ты понимаешь это? – Дэвид молча опустил голову. – Нам надо идти. Ты должен предстать перед судом. Судья и люди в суде тебе помогут. Не беспокойся.

Потрясенный Дэвид с любопытством следил, как полицейский защелкнул наручники на его правой руке и вывел из камеры. Он вежливо улыбнулся негру с посеребренными волосами, к которому оказался прикован. Спокойно, словно погрузившись в амнезию, он уставился на соединенные вместе руки – черную и белую. Так они и дошли до "воронка".

– Я Лайэнс, – представился негр, когда они сели, и машина тронулась. – Регги Лайэнс. – Его умное лицо было испещрено сетью бесчисленных тонких морщин, заработанных тяжелой жизнью, и несколькими крупными складками, оставленными более осязаемыми вещами.

– Дэвид. Я Дэвид, – в свою очередь, сказал он.

– Не доводилось никогда ездить этим маршрутом, а. Дэвид? – спросил Лайэнс. Дэвид, глядя из окна, покачал головой. – Так вот, приготовься к сюрпризу. Отстойник в Суффолке – самое паршивое место, приятель. Настоящая дыра. – Дэвид тупо уставился на мотоцикл, следовавший за ними. – Эй, слышь?.. А, неважно... Тронутым, оно, может, и легче... Держись лучше за старину Регги. Он не подведет.

Отстойник представлял собой клетку. Огороженное сеткой пространство для заключенных, ожидающих судебного разбирательства. Двадцать человек, каждый из которых, конечно, считал себя невиновным, были втиснуты в нее – насильники, пьяницы, бродяги, убийцы, эксгибиционисты. Рядом стояло с полдюжины адвокатов, пытающихся перекричать друг друга сквозь гвалт.

– Перкинс, кто из вас Перкинс?.. По правде говоря, Арнольд, мне до лампочки, виновен этот парень или нет. Он либо признается в убийстве первой степени и избавляет нас от суда, либо дело закончится судом и тогда ему грозит от трех до пяти... Слушай, парень, я знаю, что ты насмотрелся на Перри Мейсона по "ящику", но, поверь, здесь этот номер не проходит. Сегодня мы не говорим – виновен или не

виновен. Сегодня мы говорим о деньгах. Если у тебя водятся "бабки" или ты можешь их раздобыть, мы выручаем тебя из беды. В противном случае жди суда на Чарли-стрит. Сегодня на твои оправдания всем наплевать... Они нужны для освобождения под залог? Уловил? Под залог...

Дэвид протиснулся в угол клетки и взглянул на высокое окно, потемневшее от грязи. Понемногу реальность возвращалась, а с ней и ужас происшедшего. Он подумал о больнице. Операционные, наверное, уже готовы к приему второй партии больных за день...

– Эй, Дэвид, у тебя есть адвокат? – Регги Лайэнс вырос рядом и прислонился к клетке. Измятая сигарета перемещалась вверх и вниз то время, когда он говорил.

– А... нет, Регги, у меня его нет, – рассеянно ответил Дэвид. – По крайней мере, я не знаю. – Неприятное давление за грудиной усилилось. Он попытался припомнить, когда в последний раз ел. Когда в последний раз бегал вдоль реки. Он огляделся. С каждой секундой отчаяние усиливалось.

– Шелтон? Дэвид Шелтон? Кто из вас Шелтон?? – Судебный исполнитель оказался коренастым мужчиной лет шестидесяти. В его взгляде присутствовало что-то такое что заставляло предположить: любимое занятие этого типа за стенами суда – обрывать крылья у насекомых.

– Дэвид, – наклонившись, прошептал Лайэнс, – не дрейфь. Иди и думай о любимой девочке с пляжа или о чем-нибудь таком. Все эти формы и мантии... так, для маскарада. Игра, в которую они играют, чтобы произвести впечатление друг на друга и нагнать на нас страху... Суки!

Дэвид повернулся и перевел взгляд на старое, неопределенного возраста, лицо Регги.

– Спасибо, – хрипло ответил он. – Спасибо большое.

Старик с любопытством посмотрел на него, затем взял руки Дэвида в свои. Его ладони были усеяны мозолями.

– Желаю удачи, – тихо произнес он. – Не сдавайся.

Толстый исполнитель надел на Дэвида наручники, когда тот вышел из клетки. Через минуту он уже сидел на скамье подсудимых в деревянном закутке в четыре квадратных фута, отделенном от зала заседаний. По команде он встал, упершись коленями в доски, впитывая

в себя новые слова, новые голоса и картины, вплетавшиеся в непрекращающийся ночной кошмар.

Секретарь, которая зачитала обвинение, почти наверняка была старой девой, и ей на роду было написано заседать в старых залах суда.

– Что касается факта возбуждения против вас Джоном Докерти уголовного дела под номером тридцать одна тысяча девятьсот сорок семь, оформленного должным образом в городе Бостоне, округ Суффолк, от имени штата, в котором расположен указанный город, то Дэвид Эдвард Шелтон, проживающий в означенном городе в округе Суффолк, второго октября в нарушение свода законов, глава двести шестьдесят пять, раздел один, совершил преднамеренное убийство Шарлотты Уинтроп Томас путем введения в ее тело определенного количества сернокислого морфина.

Дэвид сильнее уперся в доску, когда окружной прокурор, щеголеватый молодой человек с двумя кольцами на каждой руке, коротко обрисовал ему дело, которое было возбуждено против него. В его сознании запечатлелись только определенные слова и фразы: ...заранее обдуманное... преступное пренебрежение своими знаниями и квалификацией... скрытая инъекция... определенно идентифицируется как убийство, столь же отвратительное, что и преступление на почве страсти...

– Доктор Шелтон, вы признаете обвинения, которые против вас выдвинуты? – механически спросил судья. Дэвид кивнул. – Пожалуйста, говорите. Вам понятны обвинения?

– Да, – через силу ответил Дэвид.

– Вам нужен адвокат?

В наступившей тишине из задних рядов послышалось.

– Да, да, ему нужен адвокат, ваша честь. – Худой мужчина, одетый в костюм-тройку в тонкую полоску, поднялся и решительно направился по проходу к судье.

– Вы представляете интересы этого человека, мистер Гласс?

– Да, ваша честь.

– Пусть протоколируют, что интересы обвиняемого представляет мистер Бенджамен Гласс.

Дэвид, прищурясь, смотрел на человека, который вышел, чтобы защищать его. Черные волосы... поредевшие... зачесаны аккуратно

назад. Поцарапанный "дипломат" из коричневой кожи. Массивное обручальное кольцо тонкой работы.

Гласс подошел к нему и ободряюще улыбнулся.

– Вы здоровы? – мягко спросил он. – Дэвид кивнул. – У вас лицо белое, как полотно. Вам не требуется доктор или какая-нибудь помощь? – Дэвид только замотал головой. У адвоката было темное, цвета маслины, моложавое, волевое лицо, хотя время на нем успело оставить отпечаток. Темные круги под глазами оттеняли напряженность в глазах. – Извините за опоздание. Лорен связалась со мной только этим утром. Давайте будем выбираться отсюда, а потом поговорим.

Бен Гласс приблизился к судье.

– Ваша честь, я хотел бы ходатайствовать об освобождении под залог и слушании возможных причин обвинения. – Дэвиду он казался маленьким и хрупким, но его поза и гордо откинута голова вселяли уверенность.

Это был его мир, пришло Дэvidу на ум, его операционная.

– Спасибо, Лорен, – прошептал он. Впервые в темном тоннеле мелькнул проблеск надежды.

– На каком оснований? – спросил судья.

– Ваша честь, доктор Шелтон – уважаемый хирург без криминального прошлого, и, по последним сведениям, в настоящее время не нуждается в психиатрическом обследовании.

– Очень хорошо. Пятьдесят тысяч долларов наличными.

– Ваша честь, – в голосе Гласса послышалось неподдельное изумление, – этот человек может иметь степень доктора медицины, но уверяю вас, он не миллионер. Прошу вас избавить нас от второго на сегодня посещения Верховного суда. Назовите сумму в сто тысяч, и пусть я буду его поручителем.

Судья задумчиво поиграл кончиками пальцев, затем сказал:

– Ладно, мистер Гласс. Остановимся на залоге в сто тысяч долларов.

– Благодарю вас, ваша честь.

Бен взял Дэвида под руку и в сопровождении судебного исполнителя вывел его из зала.

– Ты почти дома, Дэвид. Мой друг, который, собственно говоря, и является поручителем, захочет десять тысяч. Они у тебя есть?

– Я... не думаю так...

– А у семьи? Ты можешь попросить у родителей или в каком-нибудь другом месте?

– Мои родители мертвы. У меня... есть два брата... Да тетка, которая могла бы помочь. А что будет, если я не достану этих денег?

– Поверь мне, будет гораздо лучше, если ты их раздобудешь. Место, где ты проторчал этой ночью, покажется тебе раем по сравнению с Чарли-стрит, куда они могли бы тебя сейчас упрятать. Вот что скажу тебе. Мори Кауфман, этот поручитель, так разжирел на моих клиентах, что он мне обязан и согласится и так дать в долг, чтобы не портить со мной отношений. Сегодня у нас среда. В пятницу утром я принесу деньги. О'кей?

– О'кей, – сказал Дэвид в то время, как исполнитель снял с него наручники и жестом указал на клетку. – И... мистер Гласс, спасибо вам.

– Дэвид, надеюсь, что твоя уверенность во мне не слишком пострадает, если я скажу, что я из тех хиппи с цветками, которые тусовались на антивоенных демонстрациях в то время, когда ты как пай-мальчик штудировал медицину в институте. И зови меня Бен. Я мистер Гласс только в том, что касается гонорара, который ты должен будешь заплатить мне. – Он повернулся и направился к выходу. Дверь за Дэвидом с лязгом затворилась.

– Эй, Дэвид, этот Гласс, этот пижон, твой адвокат? – В уголке губ Регги Лайэнса зубочистка заменила бычок.

– Я... я так думаю, – сказал Дэвид, невольно радуясь тому, что его голос заметно окреп.

– Тогда порядок. Пожалуй, я теперь спокоен за тебя. На вид он вроде бы не очень, но я не раз видел, как он мечется по суду. Пижон, но боец. Такому можно доверять.

– Спасибо за слова, Регги. Это помогает, – Дэвид даже улыбнулся. – Ты мне здорово помог. Слушай, а за что тебя сюда?

Лайэнс улыбнулся и подмигнул ему.

– За то, что я есть, приятель. Вот за что.

* * *

Рекламный щит над баром гласил: "Деликатесы Педди О'Брайэна. Здесь вы найдете лучшую в мире печенку и самого знаменитого ирландского еврея после мэра Брискоу".

– Я никогда даже не слышал о таком месте, – улыбнулся Дэвид, сядя на деревянную скамью напротив Бена. Трилистник и звезды Давида были повсюду. На стене над их кабинкой фотография грязных и оборванных ирландских революционеров соседствовала со снимком, на котором было изображено подразделение новых израильских танков.

– Ты еврей? – спросил Бен.

– Нет.

– Ирландец?

– Нет.

– Все ясно. Неудивительно, что ты не нашел сюда дорогу. Хотя рано или поздно, многие ее находят. Вот и мы нашли.

– Благодаря тебе.

– Такова моя работа, – буднично ответил Бен. – Случись у меня приступ аппендицита, то я смогу бывать здесь, смакуя рубленую печенку, благодаря тебе. Так устроена жизнь. Я правильно говорю?

– Правильно, – подтвердил Дэвид. Он понимал, что беспечная беседа, которую они вели, выйдя из зала суда, была также тщательно отрежиссирована Беном, как и его выбор этого грязного, полного жизни ресторана. Он также понимал, что это делалось неспроста. Уверенность возвращалась, а с ней и надежда на лучшее.

Бен заказал фирменное блюдо, которого сполна могло бы хватить на десятерых. Какое-то время они ели молча, потом он произнес:

– Может, и некрасиво ждать, пока ты насытишься, чтобы заводить разговор о моем гонораре, но таким образом кормятся мои малютки дома. С тебя десять тысяч, Дэвид.

Дэвид испуганно вздрогнул, затем спокойно сделал глоток воды. Почему-то долг в 20 000 долларов его теперь волновал не больше укуса комара после пережитого кошмара.

– У меня нет таких денег, – решительно сказал он.

– Я более терпим к моим должникам, чем Мори, поручитель, – успокоил его Бен, – но свое привык получать.

Дэвид стиснул зубы.

– По-моему, после обвинения в убийстве и ночи в тюремной камере нет места для ложной гордости. Несомненно, я мог бы одолжить деньги, если бы наступил на собственное тщеславие давным-давно. Мои братья, в принципе, могли бы помочь. И у меня есть друг, который владеет баром на Норт-сайте.

– Розетти?

– Ты знаешь Джоя?

– Не так, чтобы очень... но хорошо иметь другом такого человека. Так уж получилось, что Розетти занял нейтральную позицию между ребятами из Норт-энда и властями, не переходя ни на ту, ни на эту сторону. Если он твой друг, тогда звони ему.

– Потребуется, позвоню.

– Я же сказал, что привык получать свое. – Дэвид кивнул. – Мы отныне в одной упряжке, – сказал Бен, протягивая руку для пожатия. – А теперь я расскажу тебе, что ты можешь получить за свои деньги... и что ты должен делать, чтобы я остался с тобой. Ты получишь все, чем я располагаю, Дэвид. Время, друзья, связи... все, что ни пожелаешь. Взамен я хочу от тебя только одного... кроме гонорара, конечно. – Он выдержал эффектную паузу. – Честности. Полного доверия и чтобы без дураков. Второго шанса у нас уже не будет. Если я поймаю тебя на вранье, пусть самом невинном, ищи себе другого адвоката. В моей работе неприятных сюрпризов больше чем достаточно, чтобы получать их еще от клиентов.

– Мы все еще в одной упряжке, – подтвердил Дэвид.

– Отлично. Тогда начнем с твоей краткой биографии. Предположим, что я ничего не знаю.

В этот момент живой, невысокого роста мужчина с веснушками и седеющими рыжими волосами подлетел к ним и оперся о стол. На нем был запачканный передник с большой зеленой звездой Давида. Со своим провинциальным акцентом он произносил слова нараспев.

– Бенджи, старина. Я вижу, ты расширил свой офис опять.

– Привет, Пэдди. Давненько не виделись. – Бен пожал ему руку. – Ты процветаешь. Слушай, это мой друг, Дэвид. Он хирург, так что передай своим ребятам, чтобы не шумели, пока мы работаем, а то я заставлю его повесить твои драгоценные органы на мишень для игры в дартс^[1].

Пэдди О'Брайэн расхохотался и хлопнул Дэвида по спине. – Я не прочь, если от этого они заработают лучше. Бенджи – наш самый лучший адвокат, но может улизнуть не заплатив по счету, так что смотри в оба. Вы, парни, можете говорить спокойно о своих делах. Я сейчас пришлю две пинты... от меня лично.

– Пожалуйста, одну, Пэдди, – сказал Бен. Его глаза встретились с глазами Дэвида. – Для меня.

– Есть, одна пинта и кока-кола, – не моргнув глазом, сказал коротышка.

– Значит, ты ничего не знаешь, так? – улыбаясь, спросил Дэвид.

– Утром я опоздал, так как имел разговор с Джоном Докерти, – пояснил Бен. – Я пробыл с ним недостаточно долго, чтобы узнать побольше о тебе, но уверяю тебя, он не собирается откладывать твое дело в долгий ящик. Можешь, иронизировать и говорить, что я ничего не знаю, если тебе так хочется. Идет?

– Идет. Откуда начинать?

– С твоей биографии.

– Моя биография... – задумчиво повторил Дэвид, вспоминая разрозненные события, лица людей, самые яркие впечатления... – Начало довольно невинное. Два старших брата. Приличные, любящие родители. Дом с белым частоколом. Все, как полагается. Когда мне исполнилось четырнадцать, все пошло наперекосяк. У матери обнаружили рак. Он возник в голове, и никто о нем не догадывался. Но и после обнаружения она прожила почти восемь месяцев. У моего отца был небольшой магазин. Электроприборы. Он продал его, чтобы ухаживать за матерью... между периодами госпитализации, то есть. Вскоре после ее смерти *он* заболел коронаротромбозом. Умер, даже не успев упасть на пол. Не знаю почему, но с того времени мне захотелось стать врачом. Точнее, хирургом. Уже тогда.

Прошло немало лет с тех пор, как он вот так сидел и размышлял над прошлым. К своему удивлению, он обнаружил, как легко и свободно льются его слова.

– Ты хочешь знать о такого рода вещах? – спросил он Бена. Тот кивнул.

– До колледжа обо мне заботились тетя с дядей, затем в основном всего добивался сам. Гением я не был, зато твердо знал, чего хочу и, стиснув зубы, карабкался наверх. Учась в медицинской школе, получал

стипендию и одновременно подрабатывал. Бывало трудно, но все преодолевал и шел дальше. На второй год интернатуры пришли первые, успехи. В госпитале я был своего рода вундеркиндом, а за его пределами жизнь летела к черту. Курил слишком много сигарет, не спал ночами, депрессия не хотела отступать. С проблемой я боролся единственно известным мне способом – еще больше погружался в работу. Оглядываясь назад, я верю, что если бы не тот дорожный знак, который украли мальчишки, я бы кончил плохо.

Бен испуганно вскинул голову, потом улыбнулся:

– Женщина?

– Джинни. Ее машина столкнулась с моей на перекрестке. На ее стороне отсутствовал дорожный знак. Ирония ситуации до сих пор мучает меня. Я познакомился с ней благодаря несчастному случаю и... – впервые ему стало трудно говорить.

– Дэвид, – движением руки остановил его Бен, – если тебе сейчас тяжело говорить, мы потом к этому можем вернуться. Рано или поздно, но мне нужно будет знать такие вещи.

Дэвид поиграл стаканом и сказал:

– Нет, я готов рассказывать дальше. Только останови меня, если я впаду в излишнюю сентиментальность... или тебе это наскучит. – Бен усмехнулся и махнул рукой в знак отрицания. – Мы поженились через шесть месяцев. Она работала дизайнером. Редкий и мягкий человек. Моя жизнь совершенно изменилась. В последующие четыре года все шло как нельзя лучше. Начальник хирургического отделения в Белом мемориале попросил меня остаться старшим стажером еще на один год. Иначе туда не попасть. Таким образом, все складывалось чудесно. По крайней мере, некоторое время... У нас была маленькая девочка, Бекки. Я закончил стажировку и начал практиковать. Потом случилась эта авария. Когда я вел машину... Я... Наверное, детали не важны. Бекки и Джинни умерли. Вот так. Я отделался царапинами и ушибами... ничего серьезного. За исключением того, что по-своему я тоже умер. По-настоящему к работе я так и не вернулся. Потянулся к рюмке... начал сильно закладывать и превратился почти в алкоголика. Пил запоем. Но слава Богу, у меня хватило ума держаться подальше от операционной.

– В кабинете я, однако, продолжал прием легких больных. Тогда-то я пристрастился к транквилизаторам. Своего рода заколдованный

круг. Сначала, чтобы подняться, затем, чтобы уснуть. Известная история. Сперва коллеги относились ко мне терпимо. Даже пытались помочь. По-хамски одного за другим я всех оттолкнул от себя. Так продолжалось с год. В конце концов из больницы меня вышвырнули. Я даже не подозревал об этом, поскольку ушел в очередной запой.

– Чертовски трудно вырваться из этого цикла, – заметил Бен.

– В одиночку – да. Это уж точно. Короче говоря, в одно прекрасное утро я проснулся в клетке. Мой последний друг не мог больше мириться с этим и поместил меня в лечебницу. Слышал о заведении Бриггса? – Бен кивнул, давая понять, что оно ему знакомо. – Оно-то и нужно было мне, но на первых порах... Без ручек на дверях. На окнах решетка. Полная картина... Ты еще не заснул?

– Я кое-что успел узнать о тебе от Лорен и Докерти, – улыбаясь, ответил Бен, – но вовсе не это. Просидеть всю эту ночь взаперти...

– Я не страдаю классической клаустрофобией, – вздрогнув, продолжал Дэвид. – По крайней мере, я так считаю. Просто порой, после первых недель, проведенных у Бриггса, мысль быть запертым или загнанным на ограниченное пространство вызывает у меня ужасное ощущение в животе, а иногда накатывает холод, который... – Он замолчал, силясь улыбнуться. – Хотя по правде говоря, это смахивает на самую настоящую клаустрофобию, не так ли?

– Я не люблю ярлыков, – ответил Бен.

– Ну да неважно. – Дэвид проглотил сухой комок, застрявший в горле, и выпил полстакана воды. – Что же еще... Осталось немного рассказывать. Несколько месяцев нахождения у Бриггса не пропали даром, и я смог вернуться к медицине. Но не к хирургии. Я провел почти три года, занимаясь общей практикой в одной из клиник в центре города, затем вернулся назад и два года проработал хирургом-стажером. Вот уже два года как я состою в штате Бостонской больницы. Хотя было нелегко, но понемногу жизнь стала налаживаться. А на прошлой неделе опять начались неприятности...

– Дэвид, ты рассказал гораздо больше, чем я думал, – признался Бен. – Я благодарен тебе за это. Мне теперь гораздо легче будет работать.

Дэвид с любопытством посмотрел на него и спросил:

– Интересно, почему ты не спросил, виновен я или нет?

Бен усмехнулся, подперев голову руками:

– Я спрашивал, друг мой. С десяток раз, и каждый раз по-новому. Ты настрадался достаточно, и я готов перевернуть все вверх дном, чтобы это не повторилось.

– Спасибо, – прошептал Дэвид. – Бен, когда ты говорил с Лорен, она?.. Я хочу сказать, что мы разругались и...

– Дэвид, я не хочу влезать в ваши отношения, и вот что скажу тебе. Я давно знаю Лорен Николс. Она яркая, невероятно красивая женщина, которой волей обстоятельств не пришлось в жизни слишком часто сталкиваться с несчастьями. Она... хм... просила передать тебе вот это. – Он вытащил розовый конверт, один из тех, какими обычно пользовалась Лорен, и отдал его Дэвиду.

– Нетрудно догадаться, что там. Как ты думаешь? – Дэвид сложил конверт и сунул его в карман.

– Я так не думаю, – мягко ответил Бен. – Ты дойдешь сам до дома? Если тебе негде переночевать...

– Спасибо, Бен, я в порядке. Правда, на самом деле.

– Я позвоню завтра, – сказал Бен.

– До завтра.

* * *

Свинцовые тучи угрожающе обложили небо, но дождь, шедший три дня подряд, прекратился. От Пэдди О'Брайэна до дома было около двух миль, и Дэвид не спеша отправился пешком, остановившись только раз, чтобы побродить по старому кладбищу, где был похоронен известный ювелир и патриот Америки Пол Ревере. Ему пришло в голову, что кладбище – подходящее место для чтения письма Лорен. Потом он решил, что зря драматизирует их разрыв. Записка, как он и ожидал, полуофициальная, на одну треть состояла из "благодарю тебя за все", и на две трети – "кажется, у нас ничего не получилось". – Выходит, она была обо мне более высокого мнения, – вслух сказал Дэвид, разрывая записку на кусочки и аккуратно бросая розовые лепестки на старую могилу. Удивительно, но ему почти не было больно. Возможно, это произошло потому, что их разрыв оказался еще одним кирпичом в стене, которая ограждала его от жизни. Направляясь в сторону Бостон-коммон, он понял, что очень редко чувствовал себя

раскованно рядом с Лорен. Это была его ошибка. Он сам старался втиснуть ее в пространство, которое в его жизни занимала Джинни. Еще до того, как у них все началось, его надежды были обречены.

Постепенно улица заполнялась людьми, спешащими домой. Вымотанные бизнесмены, смеющиеся группы секретарш, строго одетые деловые женщины – все шли через зеленый парк, закончив свои дневные дела и готовясь взяться за вечерние. Какое-то время Дэвид развлекался тем, что пытался установить зрительный контакт с каждым прохожим, двигавшимся ему навстречу. После двадцати пяти или тридцати попыток результат оказался нулевым. Дэвид опустил голову, пытаясь понять, что же он упустил из виду. Наконец сам с собой заключил пари, что если произойдет хотя бы один абсолютно неоспоримый зрительный контакт до того, как он дойдет до дома, кошмар, связанный со смертью Шарлотты Томас, скоро прекратится.

Когда он достиг Коммонуэлс-авеню, начал снова накрапывать дождь. Прищурившись, он посмотрел на небо и ускорил шаги.

Возле его дома пожилой сухопарый джентльмен сидел на скамье, читая вечерний выпуск "Бостон глоб". Он вытянул руку и понял, что капли мелкие и редки и у него есть время, чтобы дочитать последние параграфы статьи про убийство из сострадания в Бостонской больнице.

На третьей странице две колонки были отведены подробному описанию ареста и предварительного слушания дела Дэвида. Не найдя вовремя его фотографии, репортер, ведущий криминальную хронику, выудил из газетного архива фотографию Бена Гласса и тиснул ее в газету.

Сухопарый старик закончил читать статью, сунул газету подмышку и пошел домой. Погруженный в размышления о только что прочитанном, мужчина не заметил попытки Дэвида установить с ним контакт.

Глава XVI

– Крисси, проверь ванну. Она в порядке? – крикнула Лайза, натягивая юбку и застегивая на боку молнию.

– Лайза, ванна в ажуре. Я уже говорила тебе, там все в порядке. В запасе еще час до ее прихода. – Кристина положила грампластинку в футляр и поставила его на полку, затем поправила стопку альбомов. Она была раздражена и напугана недавним звонком Дотти Дельримпл и сейчас желала одного – чтобы ее подруги поскорее отправились на свидание и у нее было немного времени до того, как придет эта женщина.

Старшая медсестра и намеком не обмолвилась, почему она вздумала к ней зайти, но Кристина была почти уверена, что визит связан со смертью Шарлотты Томас. Она хотела было позвонить в региональный контрольный комитет и спросить у него совета, но потом решила, что это глупо, когда даже не знаешь, в чем, собственно, заключается дело.

В комнату влетела Лайза, голая по пояс.

– Кэрол, для этого парня с лифчиком или без?

– Ты его *не знаешь*, Лайза, – послышалось из комнаты Кэрол. – Не позволяй ему прикасаться к себе, и он не поймет, что ты без лифчика.

– Что ты думаешь, Крисси? С лифчиком или без?

Кристина задумалась на минуту и сказала:

– Сезон выдался скучным. Я думаю, сойдет и так. – Ее голос прозвучал не так весело, как ей хотелось бы.

– Ты надута, как барабан, – проворчала Лайза, натягивая блузку. – Может, что-то хочешь сказать?

– Поверь, – возразила Кристина, – если бы было о чем говорить, я бы сама сказала. До сих пор мисс Дельримпл ни разу не приходила ко мне, вот и все. Она может предложить мне повышение, а может и уволить меня. Почему я знаю. Слушай, желаю вам хорошо провести время. Надеюсь, тебе повезет с парнем. И спасибо, что помогли убраться.

– О, подожди! – Лайза щелкнула пальцами и бросилась к себе в комнату, говоря на ходу. – Они прибыли совсем недавно. Когда тебя не

было. – Она вернулась с вазой цветов. – Вот здесь у окна они будут идеально смотреться... Нет, на столе... хотя, я думаю, их лучше поставить...

– Лайза, какие милые! Кто их прислал?

– На камине. Да? Им место там.

– Лайза, *кто?*

– О, это от Арнольда. Арнольда Рингера, моего поклонника в офисе. Дурак считает, что они – прямой путь к моему телу. Ну, что скажете?

– Он прав, – в один голос сказали девушки и рассмеялись.

Кристина убирала кухню, когда зазвенел колокольчик над дверью. Кэрл с Лайзой попрощались, и она осталась одна.

Она только успела глубоко вздохнуть, выйти в общую комнату и вернуться, как ее одиночество было нарушено. Раздался символический стук в заднюю дверь, и в комнату скользнула Айда Файн. Под рукой у нее торчал сложенный вдвое экземпляр вечерней "Глоб". Она начала говорить прежде, чем Кристина успела сказать, что та явилась совсем некстати.

– А где мои девочки? Ушли на ночь глядя? А что же ты? – Айда редко задавала вопросы без того, чтобы не ответить на них самой, или они следовали один за другим и часто оказывались не связанными между собой.

– У них свидание, Айда, – сказала Кристина, надеясь, что металл, прозвучавший в ее голосе, отведит визитершу от дальнейших расспросов, но не обидит.

– А у тебя, самой чистой из всех трех, нет никого? Тебе нездоровится, признайся? Ты себя плохо чувствуешь? У меня остался суп. Я знаю, что медсестры слишком ученые, чтобы верить в такого рода вещи, но...

– Нет, Айда, я чувствую себя хорошо. – Эту женщину можно остановить только лобовой атакой. – Просто этим вечером я занята. Ко мне скоро придет моя начальница, так что я должна подготовиться. Может быть завтра или попозже мы сможем поговорить, хорошо?

Айда бросила газету на стол.

– Я уверена, что это из-за доктора, который убил женщину в вашей больнице, – сказала она. – Это надо же – доктор! Моя мать

мечтала выдать меня за доктора, но нет, я оказалась такой глупой, что вышла замуж за моего супруга, мир праху его и...

Кристина широко открытыми глазами уставилась на Аиду, которую, казалось, невозможно было остановить... – не то, чтобы Харри был плохим человеком. Напротив, он был очень хорошим, но порой...

– Айда, ты о чем?

– Об убийстве. Там написано о каком-то Дэвиде. Должно быть, еврей. Нет, он не может быть евреем. Еврейский мальчик, убивающий больного? Просто не...

– Айда, прошу тебя! – от крика Кристины женщина сразу умолкла. – Ради Бога, о чем ты?

– Да тут все сказано. В "Глоб". Я думала, ты знаешь. Да, оставь газету себе. Только отдай мне телевизионную программу. Я забыла ее купить, когда ходила на рынок и...

Кристина уже не слышала ее. Газета зашуршала в ее руках, когда она расправила страницу, на которой крупными буквами было набрано: "Хирург, обвиняемый в убийстве из милосердия, отпущен на свободу под залог".

Кровь ударила ей в лицо.

– О, Господи, – прошептала она, читая отчет об аресте и заключении под стражу Дэвида. – О, Господи...

Словоизвержение Айды продолжалось еще с минуту, потом пошло на убыль и, наконец, совсем прекратилось. Кристина от слова до слова прочитала всю статью, не замечая, что хозяйка внимательно смотрела на нее.

Айда принесла с кухни стул, и Кристина машинально опустилась на него, дочитывая последние строчки.

"Надежный информатор «Глоб» сообщает, что Шелтон прописал большое количество морфина в день смерти миссис Шарлотты. Адвокат Гласс отказался давать какие-либо комментарии, но твердо заявил, что его клиент ни в чем не виноват.

– Когда будут рассмотрены все обстоятельства, – сказал он, – я уверен, что правда восторжествует, и мой клиент будет реабилитирован.

Доктор Шелтон был освобожден под залог в 100000 долларов. Дата судебного заседания пока не назначена".

Айда побежала к раковине, намочила полотенце и приложила холодный компресс к голове Кристины. Целую минуту Кристина не пыталась помешать ей, но потом осторожно отвела ее руку в сторону.

– Я думала, ты в курсе, – удивилась Айда. – Тебе известен этот Дэвид? – Удивительно, но она остановилась на двух вопросах.

– Да. Я... знаю его, – произнесла Кристина. Она все время вспоминала Дэвида Шелтона с того самого дня, как впервые познакомилась с ним. Не то, чтобы он занимал все ее мысли... нет, ничего такого определенного. Но тем не менее. Расследование Докерти дало ей предлог говорить о нем с другими сестрами, не выдавая себя.

Айда Файн озабоченно потерла руками.

– Крисси, ты белая, как полотно. Может, помочь тебе лечь в кровать или вызвать доктора?

– Айда, со мной все в порядке. Правда. Но я хотела бы побыть одна. Пожалуйста.

– Ладно, ладно, ухожу, – по привычке недовольно проворчала женщина. – В случае чего я у себя наверху. А также еда, если захочешь есть... Оставь себе газету, – продолжая говорить и пятясь спиной, она скрылась за дверью.

Кристина перечитала статью, затем из адресной книги выписала имя и фамилию Бена Гласса и название юридической фирмы, в которой тот работал. Зачем Дэвиду понадобилось так много морфина? И именно в день смерти Шарлотты? Совпадение? Возможно, но согласиться с ним довольно трудно. Может быть, слухи, циркулирующие в больнице, на сей раз оправданы. Может быть, он все-таки принимает наркотики. Или торгует ими. А может быть, й то, и другое вместе. Но ее чувство к этому мужчине, пусть и неопределенное, отвергало эти предположения.

Она сжала пальцами виски, ощущая, как с каждым ударом сердца усиливается тупая пульсирующая боль. В конце концов не имеет значения, решила она, почему Дэвид купил этот морфин. Она прекрасно помнила, что избавилась от ампул, предоставленных ей Союзом, и из-за нее он, следовательно, не мог пострадать. Все было продумано так хорошо. И исполнено, черт возьми, тоже хорошо. Так захотела Шарлотта. Комитет одобрил это решение. Она не действовала в одиночку. Кристина закрыла глаза от боли, которая становилась

нестерпимой. Малейшее движение головой причиняло еще большее мучение.

"Ляг, – сказала она сама себе. – Найди аспирин или валий – что-нибудь... И ляг". Она зажмурилась от лампочки на кухне, которая вдруг превратилась в яркое солнце, и заставила себя встать. В этот момент в дверь позвонили.

Она неуклюже двинулась к плите. Чай, надо приготовить чай, подумала Кристина. Звонок повторился. Уже более настойчиво.

Со стоном Кристина повернулась и побежала в коридор открывать дверь.

Дотти Дельримпл в пурпурном плаще выглядела еще импозантнее. Она тепло улыбнулась из-под красной шляпы с большими полями и вошла в квартиру.

– Льет, как из ведра, – сказала она, держа черный зонт как дирижерскую палочку. – Куда его поставить? – спросила она по-хозяйски.

Стук в висках у Кристины начал стихать, когда она положила зонт у двери и повесила на вешалку плащ размером с тент.

– Чай? – предложила она, забыв пригласить гостью войти. – Вы хотите чаю?

– Он будет как нельзя кстати, Кристина, – широко улыбнулась Дельримпл, делая два шага по коридору. – Сюда?

Кристина заметно успокоилась и сказала:

– О, извините, мисс Дельримпл. Так невежливо с моей стороны. Проходите. Я... извините за беспорядок, но...

– Ерунда, – прервала ее старшая медсестра. – Чудесная квартирка. Не нервничай, Кристина, прошу тебя. Обещаю тебе, что не буду кусаться. – Она окинула взглядом комнату, выбрала стул, обитый материей, который стоял напротив дивана, и уселась на него. – Ты что-то говорила о чае?

– О да, чайник на плите. Он сейчас нагреется.

– Мне, пожалуйста, с лимоном, – крикнула вслед Кристине Дельримпл. – Без сахара.

– Минуточку, – ответила Кристина, суетясь на кухне. Она надкусила печенье из единственной коробки, которую смогла отыскать. – Черт, – прошипела она, выплевывая залежалый бисквит в корзину.

За то короткое время, что Кристина разливала чай и резала лимонные дольки на подносе, она ухитрилась обжечь руку и порезать большой палец. Войдя в комнату, она замерла на месте, едва не уронив поднос. Дотти Дельримпл держала в руках вечерний "Глоб".

– По твоей реакции видно, что ты читала газеты, – сказала Дельримпл.

Кристина закрыла глаза и глубоко вздохнула. Если ее начальница пытается увязать ее имя с именем Шарлотты, то она очень ошибается. Кристина пожалела, что не позвонила в контрольный комитет Союза. – Я... моя хозяйка недавно показывала ее мне, – заикаясь ответила она. – Это ужасно.

– Ты хорошо знакома с доктором Шелтоном? – спросила Дельримпл, указывая рукой на диван.

– Да нет, не очень. Мы едва, знакомы. Я... я только познакомилась с ним на прошлой неделе. "Слишком много слов, – подумала она. – Чего она хочет?"

– Тебе известно, что он за человек?

Что он за человек? Вопрос застал Кристину врасплох. Почему Дельримпл спрашивает об этом? Не пытается ли она как-то выгородить ее? Кристина решила продолжать словесный поединок до тех пор, пока не выяснит цель прихода женщины.

– Что он за человек? Как вам сказать... Я знаю его только по сплетням в больнице.

– Этот мужчина – законченный наркоман и, скорее всего, алкоголик, – отрезала Дельримпл. – Тебе это известно? – Кристина была слишком шокирована утверждением старшей медсестры, чтобы отвечать. – Несколько лет назад, – продолжала женщина, – он был уволен из Белого мемориала. Его назначение в нашу больницу вызвало многочисленные протесты сотрудников. Дэвид Шелтон не делает чести своей профессии.

В воображении Кристины возникло лицо Дэвида – мягкое и сосредоточенное, с добрыми честными глазами. Слова Дельримпл никак не вязались с этим обликом. – Я... даже не знаю, что сказать.

Дельримпл наклонилась вперед и пристально посмотрела на нее.

– Нетрудно догадаться, что я неспроста говорю тебе все это. – Ее голос приобрел странный, мистический оттенок. – Кристина, мы с тобой обе сестры. Сестры! – Кристина изумленно вскрикнула. – Я

хотела открыться тебе в тот день на Юге-4, но наши правила запрещают так поступать. Я состою в "Союзе" с первых дней работы медсестрой. Фактически я представляю Северо-восток в нашем совете директоров.

– Я никогда не могла подумать... То есть, я хочу сказать, я никогда не предполагала...

– Нас тысячи, Кристина, – рассмеялась Дельримпл. – По всей стране. Мы предлагаем самый лучший уход за больными. Объединены идеалами и клятвой отстаивать человеческое достоинство.

– Значит, вы все знаете о Шарлотте?

– Да, моя дорогая. Все руководители знают, контрольный комитет Новой Англии знает... И, конечно, Пегги знает. Я здесь представляю их всех. Моя обязанность здесь – помогать.

– И мне помогать?

– Да.

– А кто поможет доктору Шелтону? – угрюмо спросила Кристина.

– Моя дорогая, ты кажется, не понимаешь, о чем я говорю. – Дельримпл подалась вперед, придавая вес своим словам. – Этот человек...

Кристина остановила ее, приложив палец к губам и глядя за окно. Дельримпл недоуменно посмотрела на нее и повернула голову туда, куда смотрела Кристина.

– Я что-то слышала, – прошептала Кристина. – Вон там, за окном.

Дельримпл наклонила голову, вслушиваясь.

– Ничего, – тихо произнесла она.

Продолжая сомневаться, Кристина на цыпочках подошла к окну и принялась всматриваться в ночную мглу. Под окнами и на улице никого не было видно. Она прижалась к стене и так простояла минуты три, потом, видя, что ничего не происходит, опустила шторы и опять села на диван.

– Там был какой-то шум, – сказала она. – Похоже на глухой удар.

– Возможно, кошка, – предположила Дельримпл.

– Возможно, – неуверенно согласилась Кристина.

Дельримпл терпеливо потягивала чай, ожидая, когда Кристина сосредоточится на их разговоре.

– Я... извините, – наконец проговорила Кристина.

– Я понимаю, что тебе довелось пережить, дорогая, – улыбнулась пожилая женщина, – мы все проходили через это, хотя ситуация, подобная твоей, никогда прежде не возникала, и, вероятно, больше не возникнет. Наша задача не из легких. Идя избранной дорогой, мы вынуждены делать выбор, и редко он проходит безболезненно. – В ее голосе послышалась резкость, которая неприятно задела слух Кристины.

– Чего вы от меня хотите? – спросила она.

– О, ничего, дорогая, – ответила Дельримпл. – Совсем ничего.

– Мисс Дельримпл, – недоверчиво сказала Кристина, – я не допущу, чтобы этот человек страдал из-за меня. Я не переживу этого.

– Боюсь, Кристина, – бесстрастно проговорила Дельримпл, – что пострадает гораздо больше людей, если ты попытаешься обелить его.

У Кристины все оборвалось внутри.

– Как... что вы имеете в виду?

– Пег... женщина, с которой ты говорила... Это Пегги Доннер. Около сорока лет назад она основала "Союз ради жизни", отдав всю себя его становлению.

– И?

– Кристина, она не допустит, чтобы ты или любая другая сестра пострадала за правое дело. Она боится, что огласка твоего участия рано или поздно приведет к разоблачению всего движения.

– Но это неправда! – возмутилась Кристина. – Я ничего такого не разглашала, чтобы...

– Дай мне досказать. Важно не то, что, на твой взгляд, должно случиться, а то, что произойдет по решению Пегги. Видишь ли, прежде чем рисковать публичным обнародованием наших действий через отвратительное полицейское расследование и падкую на сенсации прессу, она сама проинформирует публику. – Ее лицо покрылось смертельной бледностью. – Она располагает нашими магнитофонными записями, Кристина. Каждой из нас. Если ты захочешь обратиться в полицию, то, как заявила она на совете директоров, она сама передаст все материалы в руки общественности, осветив их по-своему. Все равно она вот уже несколько лет собирается сделать это. И только когда мы все надавили на нее, она отказалась от задуманного. Мы считаем, что время еще не наступило.

Боль в голове Кристины снова дала о себе знать.

– Это недопустимо, – пробормотала она. – Просто недопустимо...

– Очень даже допустимо, Кристина. И карьеры всех этих женщин из "Союза" висят на тонкой ниточке, которую ты держишь в своих руках. Я не в восторге от этой ситуации, несмотря на личную антипатию к дегенератам-врачам вроде доктора Шелтона. Однако поверь мне как человеку, знающему Пегги многие годы. Она пойдет на это.

Кристина в немом отчаянии только покачала головой.

– Мы в больнице могли бы отправить тебя в отпуск, – мягко продолжала Дельримпл. – Я без труда могла бы устроить тебе отдых недели на три или четыре. А когда вернешься, тебя будет ждать повышение. Как тебе нравится Греция? В это время года на островах там просто чудесно. Месяц на солнце, и ты позабудешь обо всех тревогах.

– Я... я не думаю, что смогу...

– Ради нас, Кристина, ты должна пойти на это. Пожалуйста, поверь мне, что угроза Пегги не пустая. Учитывая нашу численность и позитивный имидж, который она может создать, Пегги убеждена, что в настоящее время "Союз" выдержит огласку. Если ты обратишься к властям, тогда уж ничто и никто не остановит ее. Может, она и права, но лично я не хочу рисковать своей карьерой и жизнью ради одного призрачного шанса.

– Наступит хаос, – сказала Кристина.

– Если не хуже.

– Мне нужно время, чтобы подумать.

– Чем скорее ты отправишься в эту поездку, тем лучше, – продолжала гнуть свое Дельримпл. – Уверяю тебя, что ты воспримешь весь процесс гораздо легче, если будешь в это время отсутствовать. – Она встала, вынула из сумочки конверт и вручила его Кристине. – Это должно помочь тебе сделать то, что ты должна сделать. – Звони, пожалуйста, если тебе понадобится моя помощь. Это трудная ситуация, Кристина, – пострадать одному, чтобы не страдали многие. Однако выбор ясен.

Кристина проводила ее до двери и застыла в неподвижности, пока Дельримпл надевала плащ.

– Твои сестры, – на прощание сказала женщина, – мы все благодарны тебе за то, что ты делаешь. – Она протянула руку и сжала

ладонь Кристины, затем повернулась и вышла.

* * *

Синий "седан", припаркованный в темном месте между двумя фонарными столбами, фактически был невидим. Развалившись за рулем, Леонард Винсент внимательно следил за домом, тяжело дыша. Его чуть было не застукали, пришлось удирать и вот теперь, обливаясь потом в холодной ночи, он приходил в себя. Его правая рука совершала медленные круговые движения, вода лезвием ножа по оселку, лежащему на коленях, с любовью концертирующего скрипача, прикасающегося к своему инструменту. Лезвие имело в длину восемь дюймов и слегка загибалось у острия. Резная костяная ручка была еле видна в большом кулаке. Нож был гордостью Леонарда Винсента – идеальным орудием в его работе.

Парадная дверь открылась. Винсент тихо заржал при виде огромной женщины, маневрирующей на бетонных ступеньках. Когда она пересекла улицу, направляясь к своей машине, он уже сочинял первые строчки донесения. "Ровно в пять тридцать здоровая тетка вошла в дом". На бледном лице Винсента появилась косая ухмылка. "Затем она выкатилась из дома и запрыгала по ступенькам к своей машине. Точно в шесть пятнадцать уселась за руль. В шесть тридцать врубила двигатель..."

Поглощенный собой Винсент поздно среагировал, когда женщина развернулась на 180° и направила машину на него. За миг до того, как ее фары осветили его, Винсент распластался на переднем сидении, ударившись лбом о дверную ручку. Он обругал ручку, потом дверь и, наконец, толстую суку, из-за которой все произошло. Но больше всего он обругал себя за то, что взялся за работу, не зная толком, ни того, кто нанял его, ни того, что от него хотят.

А дело началось со звонка приятеля-бармена.

– Леонард, – сказал он, – наклеывается одно дельце. Тут одна телка спрашивает, не знаю ли я кого-нибудь, кто хочет быстро заработать хорошие бабки. Еще говорит, что тому, кто возьмется за это дело, следует помалкивать и делать то, что ему говорят. Я, конечно, сунулся выяснять детали, но эта падла так на меня посмотрела... И

отстегнула полтинник, прибавив, что последует еще, если я подыщу кого-нибудь, кто задает меньше вопросов, чем я. Интересно? Я вот что скажу тебе, Леонард, телка странная, но толковая. К тому же у нее сиськи что надо.

Винсенту сразу не понравилась ни она, ни задание. Она назвалась Гиацинтой, имя, конечно выдуманное. Но не это важно. Ее дело – договориться и потом заплатить.

Они сошлись на авансе в две с половиной тысячи, и тогда она назвала один телефонный номер и имя – Георгина, снова вымышленное.

Винсент потер шишку, которая вскочила над левым глазом и послал куда подальше эту Георгину, которая заставила его сидеть в ненастье и получать шишки. "Леонард, – сказал он самому себе, – ты рискуешь по-крупному на этот раз, пусть даже за чертовски большие деньги."

Он продолжал наблюдать за домом, пока не убедился что Кристина Билл не собирается выходить из него, затем сунул нож в кожаный чехол ручной работы и свернул за угол, где стояла телефонная будка. На втором звонке женский голос ответил:

– Да?

– Это Леонард, – хрипло и монотонно сказал он.

– Да?

– Вы хотели знать обо всех, кто общается с Кристиной?

– И?

– Так вот, только что от нее ушла большая толстая женщина. Она пробыла у нее сорок пять минут.

– Мистер Винсент, вам было сказано звонить немедленно, как только к ней кто-то придет, не дожидаясь ухода этого человека.

– Послушайте, у вас голос не Георгины! Где эта Георгина?

– Мистер Винсент, выслушайте меня, пожалуйста. Когда Гиацинта платила вам, она вам сказала, чтобы звонить по этому номеру. А теперь либо вы делаете так, как вам говорят, либо имеете неприятности. Большие неприятности. Надеюсь, ясно?

Угроза возымела действие. Леонард Винсент не боялся того, кто сталкивался с ним с глазу на глаз, но этот ледяной бестелесный голос – иное дело. Он проклял себя еще раз за то, что ввязался в эту историю. – Да, ясно, – процедил он сквозь зубы.

– Вот и хорошо. Как долго вы следили за домом после того, как женщина из него вышла?

– Минут десять-пятнадцать. Точно не знаю. Впрочем достаточно долго. Она сидит дома как привязанная.

– Вот и хорошо. Возвращайтесь, пожалуйста, на место наблюдения.

– А как насчет сна?

– Вам уплатили, и уплатили хорошо за то, чтобы вы, мистер Винсент, следили за перемещениями этой женщины. А теперь возвращайтесь на место. И запомните – мы должны знать в ту же минуту, когда эта женщина с кем-то заговорила, а не после того, как от нее ушли. Звоните по этому телефону ровно в два, и мы поговорим о вашем сне. Да, вот еще что. Прежде чем уплатить вам аванс, женщина, которая вас наняла, навела справки и узнала о вашей тенденции бить людей, порой без всякого на то основания. Отныне без нашего разрешения вы никого не тронете пальцем. Надеюсь, и это ясно?

– Как скажите, – равнодушно ответил Винсент. – Это ваши деньги. – Он повесил трубку, долго глядел на нее, а затем на нее плюнул. По привычке проверив возврат монеты, он поехал наблюдать за домом.

В двухэтажном здании горело только окно жилой комнаты, занавешанное шторой. Время от времени на ней то возникал силуэт Кристины, то исчезал. Леонард Винсент вынул свой оселок и, напевая под нос одну и ту же мелодию, достал из "бардачка" второй нож.

* * *

Кристине не сиделось после того, как она проводила Дотти Дельримпл. Она принялась ходить из комнаты в комнату с нераспечатанным конвертом в руке. Внезапно она посмотрела на него так, словно не понимая, как он очутился у нее, и надорвала его.

Внутри находилось пять аккуратно перевязанных пачек стодолларовых банкнот по десять в каждой.

– Выбор ясен, – вслух произнесла она, припоминая слова старшей медсестры. Опять в воображении возникло лицо Дэвида. Кристина

долго смотрела на пачки денег, затем швырнула их в ящик письменного стола.

– Выбор ясен, – тихо повторила она.

Глава XVII

В четверг девятого октября, как и в течение трех предыдущих дней, синоптики Бостона предсказали прекращение устойчивого фронта низкого давления и дождя. Четвертый день подряд они садились в лужу.

В Хаддлстоне, расположенном в штате Нью-Хемпшир, до которого девяносто минут езды на север от Бостона, смыло крытый мост, простоявший сто пятьдесят лет – таким сильным оказался напор Кристального ручья, превращающегося в августе в мелкую речушку.

Аварии на сумасшедшей дороге № 128, никогда не бывавшие здесь редкостью, увеличились втрое.

Для Дэвида Шелтона, однако, как и для большинства людей, проживающих в этом районе, последствия неослабевающего ливня оказались более коварными. Свыше мили отделяло его дом от финансового квартала и юридических фирм Уэллмена, Мак-Коннелла, Энрайта и Гласса. Рассерженный на весь мир и недовольный бездействием, он решил бросить вызов судьбе и отправился на встречу с Беном пешком. Не пройдя и квартала, он вымок до нитки. "Промокать так промокать", упрямо решил он, пригибая голову под сильным ветром.

Офисы нужной ему фирмы занимали почти весь двадцать третий этаж здания из алюминия и зеркал. Это был самый шикарный небоскреб во всем штате. – Неудивительно, что он содрал с меня 10 000, – пробормотал Дэвид. Три женщины с привычным спокойствием регулировали поток посетителей на пространстве, которое не уступало по величине всему офису Дэвида.

Чувствуя себя утонувшей крысой, он хотел было попросить у строгой секретарши полотенце и смену белья, но приглядевшись к ней, понял, что подобным фривольностям здесь не место. – Мистер Гласс, – робко произнес он. – У меня назначена встреча с мистером Глассом. – Женщина, почти не скрывая своего изумления, указала ему на ряд кожаных кресел. До него донесся переливчатый сигнал, сообщавший о том, что к Бену пришли.

Какие бы цели ни преследовали специалисты по интерьеру, подумал Дэвид, задача сделать здесь клиентов, чувствовавших себя утонувшими крысами, менее бросающимися в глаза явно не входила в их число. Безвкусное изобилие выразилось в золотистом ковровом покрытии, в котором нога утопала по щиколотку, оригинальных масляных полотен на стенах и джунглях из бамбуковых пальм и гигантских папоротников. За стеклянными перегородками находилась солидная библиотека. Самое интересное то, что ею воспользовались несколько человек.

Бен выскочил из-за угла, улыбнулся, глядя на жалкий вид Дэвида, и протянул обе руки.

– Либо ты шел пешком, либо это наглядный ответ на "Ураган семьдесят восьмого".

– И то, и другое. – Дэвид взял ладони адвоката в свои руки и сжал их. Бен был его последней надеждой... островком в мире безумия и беспорядка.

– Уже обедал? – спросил тот, когда они шли в его офис.

– Вчера. Но прошу, мне ничего не надо. Если хочешь, сам поешь.

– Мясной хлеб а ля Эми? – Он вытащил коричневый пластиковый пакет из стола. – Здесь хватит на двоих. Точно не хочешь?

– Нет, спасибо, – отказался Дэвид, оглядывая кабинет Бена, в котором царил беспорядок, резко контрастировавший с остальными комнатами и залами, отличавшимися строгостью обстановки. Повсюду были разбросаны книги и журналы с многочисленными закладками из ценных бумаг, сложенных пополам, а стены увешаны фотографиями в рамках и рисунками пером. – Твои коллеги допускают такую простоту? – спросил он, указывая рукой на валявшиеся тут и там книги.

– Они принимают меня за уличного малого, – усмехнулся Бен. – Один из моих партнеров раз даже назвал мой офис "норой". Одна эта комната обходится в тысячу долларов в месяц, а для него она "нора". – Он принялся за бутерброд, одновременно говоря. – Сегодня ты выглядишь лучше, чем вчера. Продолжаем держать удар?

– Меня временно уволили с работы, – сухо заметил Дэвид.

– Что?

– Временно уволили. Этим утром ко мне зашла доктор Армстронг, отвечающая за подбор кадров. Из всей больницы только ей, черт

возьми, до меня есть дело. Так вот, она позвонила и сказала, что хочет зайти ко мне. Догадываясь, о чем пойдет речь, я предложил ей все сказать по телефону, но она настояла на своем и сама пришла ко мне в кабинет. Какая удивительная женщина!

– И что произошло дальше?

– Дальше произошло следующее. Накануне вечером заседал профессиональный исполнительный комитет и голосовал, хотя она была против, за то, чтобы я добровольно ушел с работы и лишился привилегий хирурга до тех пор, пока обстановка не прояснится.

– Этот ваш исполнительный комитет не теряет времени даром, – хмыкнул Бен.

– По словам доктора Армстронг, мое изгнание из больницы возглавил Уоллас Хатнер, начальник хирургического отделения. Он также помогает мужу убитой женщины вчинить мне иск в связи с преступным пренебрежением обязанностями врача. Если меня найдут виновным, они готовы сразу же действовать. Доктор Армстронг еще сказала, что они сделали мне одолжение, попросив меня уйти добровольно, чтобы не заносить в мою личную карточку решение о принудительной отставке. Хотя я думаю, что они пошли на это, чтобы меньше возиться с бумагами.

– Сволочи! – выругался Бен.

– Все одно к одному. Еще до моего ареста это место превратилось в айсберг, на который опасно ступать ногой. Там все походили с ума. Я... я просто не знаю, как быть. Я готов сражаться, но не имею ни малейшего представления, с кем и за что сражаться...

– Легче на поворотах, – оборвал его Бен. – Сражение только начинается. И теперь я наношу удары, а ты дожидаясь своего шанса. Сегодня мы обменяемся идеями в отношении того, кто и почему, а завтра начнем планировать, что делать. Где-то должен быть ответ. Надо только набраться терпения и не пороть горячку. Мы отыщем этот ответ.

Дэвид натужно улыбнулся и сказал:

– Да, совсем забыл. – Он вытащил из брюк размокший конверт. – Хорошо, что карандаш не течет, – прибавил он, передавая конверт. – Доктор Армстронг не хотела подвергать меня в больнице дальнейшим неприятностям, поэтому в обмен на мое обещание сидеть дома, навела кое-какие справки. Там лист бумаги с четырьмя фамилиями. Она

получила их через компьютер, который хранит данные на всех сотрудников больницы. Два санитаря, у которых тюремные сроки, медсестра, причастная к наркотикам, и еще одна медсестра, занимающаяся отстаиванием прав в больнице. Их я никого не знаю. В принципе немного, но доктор Армстронг также сказала, что она назовет эти имена лейтенанту Докерти.

– Она уже сделала это, Дэвид.

– Вот как?

– Лейтенант звонил час назад. Я с ним разговаривал минут тридцать. Он хочет, чтобы ты... с доктором Армстронг.. перестали играть в Холмса и Ватсона и дали ему спокойно делать его работу.

– Делать его работу? – недоверчиво переспросил Дэвид. – Бен, да этот человек только и делал, что неделю валял меня в грязи. Он настроен против меня. Вот с кем мы должны сражаться.

– Нет, приятель, – решительно возразил Бен. – Это очень хороший полицейский. Я знаю его с первых дней моей практики. Хочешь верь, а хочешь не верь, но он не желает твоей гибели.

– Тогда какого хрена он меня арестовал?

– Пришлось. На него давили со всех сторон, и потом масса всяких косвенных улик. Мотив, возможность, способ убийства... сам понимаешь.

Дэвид сжал кулаки и проговорил:

– Я также знаю, что не убивал эту женщину.

– Знаешь, Джон Докерти тоже на сто процентов не уверен, что это сделал ты. В противном случае он не взялся бы за Маркуса Квигга, фармацевта, который...

– Докерти говорил мне, кто он, – вставил Дэвид. – Но, Бен, я никогда не встречал этого человека. Чем я ему не угодил?

– Одно из трех, – ответил Бен. – Мщение, страх, деньги.

– Бен, – недоверчиво проговорил Дэвид, – о нем я никогда не слышал, пока Докерти не упомянул его имя. Абсолютно точно. Маркус Квигг это не какой-нибудь Джон Джойс. Если я насолил этому Квиггу... Нет, мщение совершенно отпадает.

– Если только у него нет сестры или брата, – предположил Бен, – под другой фамилией.

– Если! – Дэвид, выведенный из себя, ударил ладонью по столу. – Существует множество непредсказуемых событий, чтобы можно было

верить любому, решившему подставить меня. Множество разных вариантов.

– Дэвид, в данный момент можно только навредить себе, углубляясь в бездну неизвестности. У нас просто не хватает информации... пока. – Бен замолчал, поглаживая свое кольцо и подыскивая подходящие слова. – Дэвид, – продолжал он, – я не хотел касаться этой темы сегодня, но, пожалуй, лучше всего сделать это сейчас. Я вчера сказал тебе, что от тебя требуется полная откровенность. Было такое? – Дэвид молча кивнул. – Ты не упомянул, что однажды умышленно напичкал своего больного раком лекарствами. Правда?

Дэвид застыл, не веря услышанному.

– Бен, я... это безумие, – заикаясь сказал он. – Это случилось девять лет назад. Меня полностью оправдали. Я... как ты проведал?

– Сообщил лейтенант Докерти. Кому-то понадобилось довести этот факт до его сведения.

– Сестра, должно быть, эта чертова сестра...

– Что случилось?

– Да так, ничего. Нет, правда. Я назначил болеутоляющее одной умирающей старой леди... каждые четыре часа, по необходимости. Поверь мне, она настрадалась вволю... Ну а медсестра попалась уж очень ленивая, чтобы обращать внимание на такую строчку, как "по необходимости". Поэтому я изменил предписание на каждые два часа, уменьшив дозу и убрав "по необходимости", чтобы женщина могла все время получать его. На следующий день сестра представила мне свой счет. Было назначено разбирательство, и, кажется, ей вlepили выговор.

– Смахивает на то, что она пытается расчитаться с тобой, – сказал Бен. – Слушай, Дэвид, ты должен говорить мне все. Неважно, значительно это или не значительно для тебя. Все. Этот случай с медсестрой, всплывший через девять лет, может быть еще одним совпадением. Во вчерашней вечерней газете появилась *одна* статья, но если кто-то попытается увязать имя этой женщины с этой статьей, то на наши головы свалится еще больше проблем. А допустим, просто допустим, что ответ находится в тебе самом, а ты даже не подозреваешь об этом.

– Допустим... – медленно проговорил Дэвид, прищурившись и почесывая за ухом.

– Что? Что на этот раз? Что ты вспомнил?

– Готов поклясться, что порой на меня накатывает смутное предположение... кто-то что-то говорил о Шарлотте Томас. Я... – он беспомощно развел руками. – Чтобы это ни было... *если* оно вообще имело место... его не вернуть.

– Ладно, отправляйся домой и успокойся. Встречаемся завтра утром. В это же время?

– В это же время, – неуверенно сказал Дэвид.

– Послушай, если ты завтра вечером свободен, тогда заходи сюда в четыре. Поговорим, а потом пойдем ко мне и пообедаем. Познакомишься с Эми и моими ребятами и впридачу вкусно поешь. Она будет рада познакомиться с тобой. Даже если бы я не говорил ей, что ты платишь за ортодонтию малютки Берри.

– Звучит неплохо, – без энтузиазма сказал Дэвид.

– Пойдет тебе на пользу, – добавил Бен. – Между прочим, у Эми есть младшая сестра... – Он улыбнулся, и неожиданно они оба расхохотались. Дэвид не мог припомнить, когда он в последний раз так от души смеялся.

– Ты проигрываешь, Шелтон, – сказал Дэвид, медленно расхаживая по квартире. – Ты проигрываешь, и знаешь это. – Два часа, прошедшие после расставания с Беном, растянулись для него в десять.

За окном размеренный шум дождя время от времени перемежался со звоном литавр, гроыхавших вдали. Сперва три комнаты превращались в пустой цирк, спустя несколько секунд – в клетку. Все труднее и труднее было усидеть на одном месте, все труднее и труднее сконцентрироваться, сфокусировать внимание на чем-нибудь. Надо позвонить кому-нибудь, подумал он. Позвонить кому-нибудь или игнорировать дождь и пойти побегать. Но перестать расхаживать по комнатам. Он взял кроссовки и подошел к окну. Сквозь залитое водой окно дневное небо производило довольно гнетущее впечатление. Затем, как бы предупреждая, вспышка молнии окрасила комнату в причудливый бело-голубой цвет. Послышался нарастающий гул, за ним взрыв, от которого задрожали стены квартиры. Он бросил спортивные туфли в угол шкафа.

Он распознал это чувство. Оно было ему прежде знакомо – по автомобильной аварии. С него все тогда и началось. Беспокойство не проходило, а только возрастало.

Есть ли в аптечке что-нибудь? Лорен всегда там что-то держала от головной боли. На случай, если хождение не прекратится. На случай, если одиночество станет непереносимым. Тебе ничего не нужно, но так, на всякий случай. На случай, если одолеет бессонница. На случай, если ночь покажется нескончаемой.

Он снова принялся ходить из одного конца холла в другой. Всякий раз замирал у двери ванной. Просто на случай...

Он резко открыл дверь ванной и остановился перед зеркальной домашней аптечкой. Остановился, чтобы обратиться к себе самому. Потом медленно вытянул руку и коснулся своего отражения. Его глаза, затуманенные страхом одиночества, встретились с глазами двойника напротив. Прошла минута. Затем вторая. Постепенно губы перестали дрожать. Дыхание стало глубоким и ровным. "Ты не одинок, – сказал он самому себе тихо. – У тебя есть друг, который за восемь лет научился любить тебя... несмотря ни на что. У тебя есть ты сам. Открой эту проклятую аптечку, возьми таблетку – и потеряй его. И все эти годы, и он... просто пропадут. Вот тогда ты действительно станешь одиноким".

Дэвид опустил руку. Лицо приобрело решительный вид; уголки губ раздвинулись, и он улыбнулся. Потом кивнул себе... раз, другой, третий. Все быстрее и быстрее. В глазах появилась целеустремленность и решительность.

"Ты не одинок", – проговорил он, повернулся и пошел в жилую комнату. "Ты не одинок", – повторил он, вытягиваясь на тахте. – "Ты не одинок"...

* * *

Спустя двадцать минут, когда зазвонил телефон, Дэвид все еще лежал. Он быстро дочитал последние строки поэмы Фроста, перевернулся и снял трубку.

– Дэвид, я боялся, что ты еще не пришел, – слышался в трубке голос Бена.

– О нет, я дома, – сказал Дэвид. Он улыбнулся и добавил: – Я настоящему дома.

– Тем лучше. Наслаждайся свободным временем, пока оно есть, – возбужденно проговорил Бен. – А то через пару дней тебе на работу.

Волна эмоций захлестнула Дэвида.

– Бен, что случилось? Говори медленно, чтобы я все запомнил.

– Мне только что, Дэвид, звонила одна медсестра из твоей больницы. Она сказала, что может однозначно помочь снять с тебя обвинение в убийстве Шарлотты Томас. Через два часа мы встречаемся в кафе. По-моему, она говорила серьезно, так что, приятель, если я прав, то твой кошмар позади.

Дэвид поднял голову и посмотрел в сторону ванной.

– Спасибо, – проговорил он наполовину себе, наполовину в трубку. – Бен, я могу прийти? Я не должен присутствовать?

– Пока я не выясню, что хочет сказать эта женщина, тебе нет смысла подключаться. Скажу тебе вот что. Жди меня у себя в девять, нет, давай лучше в девять тридцать, сегодня вечером. Приду – обо всем расскажу. Если повезет, наш завтрашний обед превратится в празднование.

– Было бы просто здорово, – мечтательно протянул Дэвид. – Скажи, а кто эта сестра?

– О, она сказала, что знакома с тобой. Ее фамилия Билл. Кристина Билл.

При упоминании этого имени эмоции снова переполнили душу Дэвида. – Бен, вот ее я и пытался вспомнить в твоём офисе. Помнишь, я еще сказал, что временами испытываю смутные предположения?

– Помню.

– В ее словах было что-то такое... Кристина Билл. Она произнесла их сразу же после того, как я кончил трепаться с мужем Шарлотты. Она шепнула, что гордится тем, как я говорил с Хатнером, и... потом прибавила: «Не беспокойтесь. Все образуется», и пропала. Бен, ты считаешь...

– Послушай, друг, сделай нам обоим одолжение. Постарайся не заглядывать в будущее. Несколько часов, и обстановка прояснится. О'кей?

– О'кей, – выдавил из себя Дэвид. – Но ты меня знаешь – я не могу без этого.

– Да уж, знаю... Итак, в девять тридцать.

– Отлично, – Дэвид посмотрел на часы. – Давай хотя бы сверим наши часы, чтобы я сидел и не дергался.

– Без пяти пять, – рассмеялся Бен. – На моих без пяти пять, приятель.

– Значит, четыре пятьдесят пять, – ликующе проговорил Дэвид, кладя трубку на рычаг.

Но его восторг длился недолго. Последнее время мысли о Кристине заслонил этот непрекращающийся кошмар. Внезапно Дэвид понял, что подсознательно только и думал о ней.

– Это не ты, не так ли? – тихо сказал Дэвид. – Тебе известно, кто это сделал, но это не ты.

Тревожные мысли о Кристине постепенно отодвинулись на второй план, когда он, не переставая сжимать и разжимать ладони, стал вспоминать звонок Бена. На лице появилась усмешка, затем оно раздвинулось в широкой улыбке, и он рассмеялся, чтобы в следующую секунду броситься к коллекции пластинок и носиться по комнате, нанося короткие прямые удары по корпусу и апперкоты воображаемому противнику под звуки музыки из "Роки".

Фанфары продолжали звучать в ушах, когда он вошел в ванную и, глядя на себя в зеркало, сказал своему отражению: "Ты добился своего, парень. Теперь ты сильнее, чем прежде. Я горжусь тобой. Честное слово".

Из любопытства он протянул руку и открыл дверцу шкафчика с лекарствами. Полки были пусты.

На принятие душа и написание писем братьям, давным-давно ждавшие ответа, ушло полтора часа. Минут тридцать заняло поглощение спагетти с роскошным соусом "Рэги". После просмотра семичасовых новостей до визита Бена оставалось целых два часа.

Чтобы убить время, Дэвид принялся нетерпеливо ходить по квартире, затем вынул из стенного шкафа шахматы с брошюрой "Простые дебюты". Не прошло и десяти минут, как он сдался. Мысли о Кристине, неотступно лезшие в голову, мешали сосредоточиться. Неведомым образом их короткий разговор, их такой непродолжительный контакт глубоко запал ему в душу. Она обладала обезоруживающей и невинной силой... энергией, которая, как он знал, мало у кого остается после учебы в медицинском институте или школе. И потом эти глаза... огромные и теплые, зовущие и изучающие,

и вдруг гневно сверкающие. Все чаще и чаще он ловил себя на том, что просит судьбу, даже молит, чтобы Кристина не оказалась причастной к смерти Шарлотты Томас. К девяти часам он убедил себя, что она не может иметь к этому никакого отношения.

Затем он принялся сопоставлять то, что успел заметить в этой женщине, с достоинствами Лорен, и быстро обнаружил, что *хочет* приписать их Кристине. «Когда ты только поумнеешь, Шелтон?» – громко упрекнул он себя, склоняясь над шахматной доской.

В девять пятнадцать Дэвид опять принялся ходить по комнате. Однажды до него долетел шум лифта, и он выскочил в холл, но сообразил, что Бен в первую очередь должен будет связаться с ним по домофону. На всякий случай он решил проверить. Лифт остановился этажом ниже.

Он вернулся к себе и минут пять проигрывал в голове разговор с Уолласом Хатнером, в котором шеф хирургов извинялся за поспешные и ошибочные выводы и предлагал ему рассмотреть возможности дальнейшего взаимного сотрудничества. Дэвид мысленно произнес резкую отповедь, а затем, на случай, если Хатнер действительно раскается, – примирительную речь.

Ровно в девять тридцать раздались мелодичные позывные, и в два прыжка Дэвид очутился у переговорного устройства.

– Да?

– Дэвид, это я. – Испорченное устройство было не в состоянии скрыть возбуждение в голосе Бена. – Женщина сказала правду. Печальную, но правду. Победа приятель, полная победа.

Слово "печальную" явно выделялось среди остальных.

– Поднимайся, – сказал Дэвид, нажимая на кнопку открытия парадной двери. В его голосе почему-то было мало радости.

Через тридцать секунд лифт загрохотал. Проклятье, подумал Дэвид, значит, все-таки *она*. Он остановился в дверях, прислушиваясь к шуму стонущих кабелей. Превращение жизни Кристины в кошмар не входило в его планы, чего бы она там не натворила. Он был на полпути к лифту, когда в ромбовидном окне шахты появилась кабина. Секунду спустя она со скрипом остановилась, и автоматические двери, грохоча, растворились.

Дэвид отступил назад, ожидая Бена. Прошло пять секунд. Десять. Он нерешительно сделал шаг вперед. Наружная дверь не открывалась.

Наконец, он подошел к лифту и заглянул в закопченное окно. Бен стоял спокойно, прислонившись к стенке лифта.

– Эй, что происходит? – спросил Дэвид, распахивая тяжелую дверь. Глаза адвоката уставились на него, увлажненные и пустые. Лицо белое, как кость. Внезапно уголки его губ скривились в полуулыбке.

– Бен, не смешно, – сказал Дэвид. – Кончай балаган и выходи. Я хочу поскорее все услышать.

Губы Бена приоткрылись, когда он сделал один единственный шаг. Алая кровь брызнула изо рта и полилась на подбородок. Дэвид едва успел подхватить падающее тело. На спине коричневого плаща Бена растекалось большое кровавое пятно. В центре этого пятна торчала резная белая ручка ножа.

Липкая теплая жидкость, несущая жизнь, текла по рукам Дэвида и одежде, когда он тащил своего друга от лифта.

– Помогите! – закричал он. – Кто-нибудь, пожалуйста, помогите!

Он выдернул нож и бросил его на ковер, затем перевернул Бена на спину. Темные глаза адвоката, не мигая, уставились в потолок. Дэвид нащупал пульс на сонной артерии, уже зная, что кровь, сочившаяся изо рта, признак смертельной раны в сердце или а главную артерию.

– Пожалуйста, помогите, – мольба Дэвида перешла в шепот. – Пожалуйста...

Дверь в дальнем конце коридора, ведущая на лестницу, распахнулась от резкого удара. В проеме маячил силуэт массивной фигуры Леонарда Винсента. Почти небрежно он сунул руку за пояс и вытащил револьвер, с огромным безобразным глушителем.

– Твоя очередь, доктор Шелтон, – прохрипел Винсент, уверенный в том, что перед ним человек, описанный Георгиной. Он последовал за Кристиной Билл в кафе и узнал адвоката, с которым она встречалась. Георгина немедленно реагировала на его звонок: сначала Гласс, затем Шелтон и потом девушка. И вот, благодаря адвокату, с первыми двумя можно разобраться одновременно.

Дэвид попятился назад, попытался выпрямиться, но его рука, испачканная кровью, скользнула по стене, и он полетел на ковер. Схватив лежащий рядом нож, он швырнул его в надвигающуюся фигуру. Не долетая двух ярдов, нож упал. Винсент поднял его и спокойно вытер лезвие о штаны. Их разделяло не больше двадцати

шагов и безжизненное тело Бена, распростертое в коридоре. Свет лампы под потолком осветил лицо громадного мужчины. Оно улыбалось. Улыбка стала еще шире, когда он поднял оружие.

Дэвид в немом ужасе продолжал пятиться. Его сознание отметило искру, вырвавшуюся из глушителя, и разрыв пули над ухом, угодившей в дверной косяк.

Он нырнул в квартиру, успев ногой закрыть тяжелую деревянную дверь. Замок щелкнул, но через секунду раздался глухой шум, и над ручкой появились два, размером с монету, отверстия.

Дэвид начал дико озираться, затем, карабкаясь по стене, встал и бросился в гостиную. Пожарная лестница! Распахнув окно, он бросил взгляд на свои необутые ноги. Мелькнула мысль о кедах – не успеть, решил он. Простонав, он ступил на металлическую площадку. В следующую секунду входная дверь в квартиру с шумом отворилась. Не теряя времени даром, Дэвид принялся энергично работать руками и ногами, спускаясь в переулок, темневший четыремя пролетами ниже.

Было холодно и ничего не видно. Металлические ступеньки, скользкие от дождя, больно били по ногам, но он почти не замечал боли. На третьем этаже нога потеряла опору, и Дэвид упал на площадку следующего этажа, поцарапав сильно правую руку. Над ним раздался громкий стук шагов. Леонард Винсент устремился в погоню. В этот момент у Дэвида мелькнула абсурдная мысль, что ему надо было бы открыть окно на пожарную лестницу, а самому спрятаться.

Наверняка это не сработало бы, подумал он, вставая и устремляясь на второй этаж. Он еще раз оступился, пролетев вниз несколько ступенек. Сквозь просветы между металлическими ступенями он разглядел слабую темную тень, движущуюся на фоне ночного неба.

Опустившись на четвереньки, Дэвид попытался спустить лестницу со второго этажа на землю. Ее заклинило. Сквозь промокшую рубашку крупные капли дождя колотили по спине, а металлические прутья врезались в колени.

Оглядевшись, Дэвид ухватился за край площадки и свесил ноги. Секунду-другую он висел, определяя расстояние до мостовой, потом разжал пальцы, чтобы ощутить через мгновение боль в левой стопе. Вскрикнув, он закусил палец так, что выступила кровь.

Лежа на мокром асфальте, он услышал тяжелые шаги и хриплое дыхание преследователя. Убийца приближался ко второй площадке.

Дэвид встал на одну ногу, не зная, как быть. Если он подвернул ногу, будет немного больно, но можно двигаться. Если она сломана, это – смерть. Сжав зубы, он осторожно ступил на левую ногу. Это движение отозвалось резкой болью, но ничего, терпеть можно. Он сделал шаг, второй, третий... и побежал.

В конце переулка он оглянулся. Тот человек спустил лестницу и уже сходил с нижней ступеньки.

Кларентон-стрит была почти пуста. Дэвид в нерешительности остановился, потом решил, что надо двигаться в сторону оживленной Бойлстон-стрит. Оглянувшись, он заметил одинокого человека, идущего в противоположном направлении в сторону реки. Инстинктивно он устремился за ним, неуклюже хромя. Каждый шаг причинял мучения, но расстояние до прохожего сокращалось.

– Помогите, – окликнул он его. – Пожалуйста, помогите. – Его зов потонул в ночной буре. – Пожалуйста, помогите мне!

До спасителя ему оставалось каких-то десять шагов, как вдруг шедший впереди человек обернулся. Это был старик... беззубый, небритый и пьяный. Вода капала с полей его измятой старой шляпы. Дэвид хотел было обратиться к нему, но потом только молча покачал головой. Тяжело дыша, он прислонился к стоящей машине. Без какого-либо повода заднее стекло машины вдруг разлетелось вдребезги. Дэвид резко обернулся. Сквозь ночной мрак и дождь он заметил тень преследователя, опустившегося на колени и готовящегося ко второму выстрелу. Он бросился бежать от машины, когда пламя второго выстрела вырвалось из револьвера. Пуля, предназначавшаяся ему, угодила в старика, уложив его на мостовой.

Он заковылял дальше, преодолевая боль и непрекращающийся дождь. Так ему еще не приходилось выкладываться. От камней, попадавших под ноги, рябило в глазах. Но все же он бежал... по Марлборо-стрит, по Бикон-стрит, к реке. Это был привычный маршрут, которым он бегал столько раз в сияющие солнечные дни. Теперь же приходилось спасаться от смерти. По его стопам неумолимо шел маньяк-убийца.

На Сторроу-драйв было мало машин. Не снижая темпа, прямо по лужам, Дэвид преодолел каменный мост через сверкающую

акваторию. Впереди маячили огни Кембриджа, отбрасывая пляшущие пятна света на темную Чарли-стрит.

Вернись, подумал он. Вернись и помоги Бену. Может быть, ты ему нужен. Может быть, он не умер. Ради Бога, *делай что-нибудь*.

Он рискнул обернуться. Преследователь, которого на Сторроудрайв задержали машины, отстал, но не намного. Дэвид понимал, что развязка приближается. Если бы не страх, подгонявший его, он давно бы упал. Он оглядел эспланаду, стараясь отыскать место, где можно было бы скрыться. Убийца был совсем близко. Единственная надежда – река. Камни, валявшиеся у кромки, дорвали его носки, когда он, спотыкаясь, вошел в холодную маслянистую воду.

Острые ледяные иглы пронзили мышцы ног, где, казалось, уже не было места для боли. Заметив, что Леонард Винсент пересек мост и направляется к реке, Дэвид набрал побольше воздуха в легкие и скрылся под водой. Отталкиваясь от илистого дна, он отошел от берега на двадцать футов. Намокшая одежда сначала помогала ему оставаться внизу, но потом превратилась в смертельную опасность. Он высунул голову, чтобы глотнуть воздуха, затем еще раз, заставляя себя двигаться все дальше и дальше от берега. Вода попала в глаза, и он перестал что-либо различать. Привкус воды едкий и отвратительный несмотря на годы, потраченные на ее очистку, резал горло и нос.

Внезапно что-то тяжелое ударило его по голове. Ошеломленный, Дэвид ощупал препятствие. Им оказался плавучий деревянный причал Т-образной формы, предназначавшийся для швартовки парусников, которые скользили летом по водной глади, отражавшей городской пейзаж.

Минуты две слышалась только дробь капель по причалу и воде. Дэвид, сидя по шею в воде, принялся протирать глаза от тины. Его ноги заоченели. Затем он услышал шаги... осторожную и тяжелую поступь. Убийца на причале! Дэвид прижался лицом к грубому скользкому дереву. Шаги стали слышнее и ближе. Он ощупал причал. Можно ли там дышать? Если он поднырнет снизу, а там не будет воздуха? Если он не...

Он сделал медленный глубокий вдох, осознавая, на что идет, потом закрыл глаза и нырнул, ударившись головой о доску. Страх обуял Дэвида. Он в западне, в легких почти не осталось воздуха. Отчаянно работая руками, он нащупал широкую балку и высунул лицо

из воды. Совсем тонкая струйка воздуха. Слабая улыбка мелькнула на его губах и тут же пропала. Шаги раздались прямо над головой. Сквозь узкие щели в досках он мог дотронуться до ботинок мужчины. Шаги прекратились. Дэвид изо всех сил вытянул шею, упершись лбом в балку, медленно и беззвучно вдыхая воздух.

Над его лицом ботинки зашаркали в одном направлении, затем в другом. Винсент обозревал воду. Потом с ужасающей медлительностью он направился в противоположный конец причала.

В ледяной воде Дэвида начал бить озноб. Он стиснул зубы, чтобы они не стучали, и вжался в скользкие доски. Шаги удалялись дальше и дальше, и вскоре их не стало слышно. У него уже не хватало сил сидеть, скрючившись, в этом замкнутом пространстве. Не притаился ли где-нибудь этот человек, подумал Дэвид. Сидит и ждет. Сколько? *Сколько я высижу здесь?*

Он принялся считать до ста, потом в обратном порядке. Он тихо запел песни... глупые песенки своего детства. Как он ни старался сдержаться, но зубы сами по себе начали выстукивать мягкое стаккато. Тем не менее Дэвид держался и не шевелился. "... Старик-игрок не новичок, сейчас посмотрим, чья возьмет. Твои ставки – безделушки, мои ставки – башмаки... А этот тип большой пижон. Его гарем – семерка жен, и к ним в придачу семь котов – вот он каков!" Затем Дэвид принялся перечислять имена и фамилии всех игроков бейсбольных команд...

Холод проникал в самое сердце. Дрожь больше нельзя было сдерживать. Сколько это продолжается? Ноги совершенно ничего не чувствуют. Сможет ли он двигаться?.. "Эй, разбойник, где же ты? Ну не прячься – выходи, и попробуй догони... раз, два, три... раз, два, три..."

Глава XVIII

Джой Розетти закрыл глаза, вдыхая аромат возбуждения Терри. Этот запах, ее запах, и то, как под его пальцами твердели темные соски... Даже спустя двенадцать лет ощущения оставались такими же свежими и волнующими, неся с собой тепло и уют.

Он прикоснулся щеками к шелковистой коже между ее ног, а потом поцеловал влажные складки.

– Как хорошо, Джой! Мне так хорошо! – простонала Терри, прижимая его голову к своему животу. Она улыбнулась, глядя на мужа сверху, и запустила пальцы в его черные, как смоль, волнистые волосы.

Трепеща, она привлекла его губы к своим и обхватила его ногами. Они слились в страстном поцелуе. Медленно и глубоко его восставшая плоть проникла в ее тело.

– Джой, я люблю тебя, – прошептала Терри. – Я так люблю тебя.

Она втянула в рот его губы, поглаживая его ягодицы. Крепкие мышцы затвердели, когда ее пальцы заскользили быстрее.

Движения Джоя убыстрялись, стали более интенсивными. Они прекрасно знали, что вскоре все кончится.

Внезапно телефон, стоящей на столике возле постели, начал звонить.

– О, нет – простонала Терри. – Пусть звонит. – Но она уже ощутила, что порыв Джоя ослаб. – Пусть звонит, – с мольбой в голосе повторила она. Шесть звонков, семь... настойчивому трезвону, казалось, не будет конца. Давление внутри нее ослабло. Восьмой звонок, девятый...

– Черт! – прорычал Джой, перекатываясь на бок и хватая трубку. – Ну если эта сволочь ошиблась номером... – он пробормотал приветствие, с полминуты слушал, затем сказал только одно слово. – Где? – И откинув одеяло, слез с кровати.

– Терри, это доктор, – сказал он. – Доктор Шелтон. Ему плохо и надо помочь. – Джой включил ночник и бросился в ванну.

– Я иду с тобой, – решительно заявила Терри, – садясь в кровати.

– Нет, дорогая, пожалуйста. – Он поднял руку. – Парень, вероятно, тронулся. Я едва понял его. По его словам, с ним что-то случилось. Я не хочу, чтобы ты там была. Позвони в бар. Узнай, работает ли Руди Фишер. Если да, передай, чтобы тащил свой зад к реке Чарли. В "Ракушку". Я буду ждать его там.

– Джой, ты можешь позвонить кому-нибудь еще? Ты знаешь, как я переживаю, когда тебя...

– Кончай, у меня нет времени трепаться. Я знал Руди еще задолго до те... Если дело темное, я должен знать, что он рядом.

Двенадцать лет научили Терри, что в таких вопросах с мужем лучше не спорить. Однако его стремление встретиться с Руди Фишером, гигантом, которого хлебом не корми, а дай подраться, пугала ее.

– Джой, пожалуйста, будь осторожен. Никакого насилия. Обещай, что если этот человек ранен, ты только отвезешь его в больницу и вернешься.

– Детка, человек спас мне жизнь, – ответил он, натягивая брюки. – Что бы с ним ни случилось, я приду ему на помощь.

– Но ты обещал...

– Слушай сюда, – огрызнулся Джой. – Я буду осторожен. Не волнуйся. – Уже спокойнее он продолжал. – Теперь я деловой человек, бизнесмен, тебе это известно. Если ему плохо, я доставлю его в больницу. Не беспокойся. Просто сделай, о чем я прошу тебя, – проговорил он, вытаскивая рубашку из гардероба.

Терри, сидя на краю кровати, восхищенно следила, как он одевался. В свои сорок два года он сохранил точеное лицо и жилистое, как у балетной звезды, тело. От него веяло спокойствием и невозмутимостью, и невозможно было догадаться, что ему пришлось побывать не в одной смертельной ситуации. Отметинами, однако, служили бордовый шрам на животе и другой, в виде полумесяца, идущий вдоль левого бака – свидетельство тех дней его молодости, когда он руководил одной из банд Бостона. Как раз над пупком имелся третий шрам, полученный десять лет назад при перестрелке, когда они попали в засаду в Норт-сайте.

Розетти оказался одним из первых пациентов Дэвида в Белом мемориале. Об этой операции, длившейся двенадцать часов, в медицинских кругах до сих пор вспоминают с восхищением. Когда

Джой выздоравливал, между двумя мужчинами установилось нечто вроде дружбы.

– Терри, перестань глазеть и позвони, – напомнил Джой, надевая черные мокасины. Выждав, когда она отвернется, он выхватил из-под свитеров, лежавших на полке, револьвер с кобурой.

Когда он подходил к двери, за спиной раздался голос Терри.

– Джой, пожалуйста, не прибегай к нему.

Розетти вернулся и нежно ее поцеловал.

– Не буду, дорогая. Только в крайнем случае. Обещаю.

Терри Розетти подождала, пока хлопнет дверь, вздохнула и сняла трубку.

Дэвид опустился на землю, уцепившись за телефонную трубку, чтобы не упасть. Его трясло; он то впадал в сумеречное состояние, то выходил из него, безучастный к хлеставшему дождю, который обдавал его брызгами грязи. Напрягая глаза, он видел перед собой одну только "Ракушку", огромный амфитеатр, маячивший в ярдах пятистах за пеленой дождя.

Медленно, корчась от боли, он отпустил трубку, перекатился через грязную лужу и пополз к освещенному куполу. Минут пятнадцать он двигался на четвереньках по промокшей земле. Этот слабый свет, мигавший спасительным маяком в ночи, превратился для Дэвида в символ жизни – но с каждым пройденным дюймом он, казалось, отдалялся все больше и больше. Раз за разом Дэвид пытался подняться и падал на землю от боли в ноге и холода, сковавшего тело. Каждый раз он поднимался и снова полз дальше. Дважды судорогой сводило живот, и тогда через нос и горло шла зловонная вода реки пополам с желчью. Манящий свет затухал с каждой секундой, отодвигаясь дальше и дальше в сторону.

– Так не должно закончиться, – твердил он снова и снова и с этими словами переставлял руки и ноги. – Так не должно закончиться...

Неожиданно трава перешла в бетон и гладкий скользкий мрамор. Да это же ступеньки "Ракушки"! Его перестало трясти, но зато начали судорожно дергаться руки, плечи, шея... предвестники настоящего припадка. Из уголка рта закапала кровь, когда зубы, стучащие, как отбойный молоток, впились в кончик языка. Над его головой мелькнул свет, и наступила кромешная темнота, несущая с собой успокоение

смерти. Из последних сил он старался отогнать от себя это нелепое ощущение. Кристина все знает, успел подумать он. Она знает, почему умер Бен, а теперь и она умрет. Надо продержаться. Надо продержаться и помочь ей. Так не должно закончиться. Так не должно...

* * *

Кристина почувствовала себя опустошенной вскоре после того, как отклонила предложение Бена подбросить ее домой. Внутри нее словно открылся какой-то кран, сквозь который вытекли все эмоции и чувства. Она не стала укрываться под выступами и навесами зданий и брела по середине тротуара, невзирая на дождь.

Встреча с Беном была легкой, по крайней мере, легче, чем она себе ее представляла. Мягко, без всяких упреков, он убедил ее в том, что ее решение сознаться является правильным, *единственно* верным. Он принял ее объяснение, по которому она, действуя в одиночку, исполнила желание близкого и дорогого друга, умиравшего мучительной смертью. Самый трудный момент наступил тогда, когда он вынул подделанную форму С2-22.

– Что это? – испуганно спросила Кристина.

– Форма. Та, которую, по словам Квигга, фармацевта, доктор Шелтон заполнил в его аптеке.

Мысли в голове Кристины закружились в беспорядочном круговороте. Ясно, что мисс Дельримпл или другая сестра использовали эту форму, чтобы защитить ее. Застигнутая врасплох, она ответила первое, что пришло ей на ум. – Я... я использовала ее... а потом подкупила фармацевта.

– Как же вы достали ее? – спросил Бен. На его лице она не заметила и следа недоверия.

– Я... я предпочла бы не говорить об этом... пока, – замирая, сказала Кристина, надеясь, что адвокат не будет настаивать. За несколько дней можно будет что-нибудь придумать. Если мисс Дельримпл действительно хочет сохранить "Союз", она сделает все возможное, дабы фармацевт не противоречил ее показаниям. Ей также

придется убедить Пегги, что Кристина ничего не расскажет о движении.

Бен задумчиво взглянул на нее и кивнул.

– Хорошо. Давайте теперь поговорим о том, как вам следует вести себя. То есть, если вам нужен мой совет.

– Он мне очень нужен, мистер Гла... я хочу сказать, Бен. Если можно, я бы хотела, чтобы вы представляли мои интересы.

– Я подумаю, Кристина. На тот случай, чтобы не перехлестнулись ничьи интересы. – Он улыбнулся. – На первый взгляд их не видать. Приходите в мой офис в понедельник утром. В девять. Я устрою так, чтобы там присутствовал лейтенант Докерти. Не беспокойтесь. Я заранее скажу вам, что ему следует говорить. Понедельник, устраивает?

Кристина кивнула головой.

...Понедельник. Кристина шептала и шептала заветное слово, волоча ноги под дождем. Три дня назад жизнь, по существу, представлялась ей конченной. Черт, она давно катится под откос. Автобус, промчавшийся мимо, обдал ее сапоги и плащ брызгами грязи. Она даже не оглянулась. Воображение рисовало одну страшную картину за другой: арест... судья... мисс Дельримпл... ее братья и сестры... газеты... отец, который уже находится в лечебнице... клички... ангел смерти, сострадательная убийца... ее знакомые и домашние... Но самое ужасное – мысли о Дэвиде и ненависть, которую, наверняка, он будет питать к ней.

Она прошла улицу, ведущую к ее дому. С каждым шагом все муторней становилось на душе. Облегчение и успокоение, которое она испытала, разговаривая с Беном, улетучились. Капли дождя текли по ее лицу, заменяя слезы, на которые уже не хватало сил. Итак, решено – понедельник.

Невидящим взглядом она скользила по мелькавшим мимо витринам магазинов. К своему удивлению, она заметила, что стоит перед аптекой... ее аптекой. Пожилой фармацевт знал Кристину и ее подруг и даже любил их. Как во сне она вошла внутрь, обменялась с хозяином натянутыми любезностями и попросила сильное болеутоляющее, которое она обычно брала, когда болел живот. Рецепт, выписанный полгода назад, остался дома, и ампула едва начата. Мужчина, справившись в регистрационной книге, выдал ей новую.

По дороге домой Кристина принялась набрасывать записку, которую она решила оставить.

* * *

– Руди, вот он! – воскликнул Джой. – Елки-палки, что с ним! Наверное, мертв.

Безжизненное тело Дэвида лежало ничком в луже на одной из ступенек амфитеатра. Ему удалось вползти на лестницу и укрыться за мраморной плитой. Осторожно Джой перевернул друга на спину. По лицу Дэвида стекали, перемешивались с кровью, грязные ручейки. В этот момент Дэвид застонал, тихо и жалобно, но его стон почти потонул в завывании ночного ветра.

– Боже! Давай скорей одеяло! – закричал Джой. – Он дышит! – Приподняв голову Дэвида, он начал похлопывать по щеке. – Доктор, это Джой. Вы меня слышите? Вы должны жить. Доктор...

– Кристина... – невнятно вымолвил Дэвид. – Кристина... надо найти Кристину. – Он открыл глаза, блуждающим взглядом уставился на Джоя и сомкнул веки. Розетти приложил руку к груди Дэвида и возбужденно закивал, когда ощутил слабое биение сердца.

– Держитесь, – сказал он. – Мы сейчас доставим вас в больницу. Вы должны жить, доктор. Надо продержаться. – Джой поднял голову и выругался, глядя на непрекращающийся ливень. Как бы услышав его, ветер утих, а ливень перешел в мелкий морозящий дождь. Джой в изумлении посмотрел на небо и одобрительно кивнул.

– Значит, вас завтра ждет повышение, – усмехнулся он.

Дэвид слышал голос Розетти, но разобрал только одно слово – *больница*. Нет, подумал он. Не надо в больницу. Он пытался ухватиться за мысль, выразить ее словами, но сознание померкло, и он сдался, погрузившись в темноту.

Через пять минут он уже лежал, завернутый в одеяло, на заднем сидении "крайслера" Руди Фишера, привалившись к плечу Джоя. Его продолжало трясти, но постепенно сознание возвращалось. Джой приказал Фишеру гнать в отделение интенсивной терапии Бостонской больницы. Дэвид слышал только свое собственное бормотание... несвязное, больше похожее на протяжный стон.

– Бен мертв... Кристина мертва. Не надо в больницу, пожалуйста... Надо найти Кристину... Мне холодно... так холодно. Пожалуйста, помогите согреться.

У входа в приемное отделение выстроились в ряды машины скорой помощи, мигая огнями в загадочной полифонии. Джой выскочил из "крайслера" и быстро вернулся с креслом-каталкой.

– Ну и местечко, – бросил он, когда они вытаскивали Дэвида из машины. – Все этот проклятый дождь. Похоже на фильм про войну. Руди, жди меня вон там. Вы в порядке, доктор?

Дэвид хотел было кивнуть, но огни, указательные знаки и лица слились в одно тошнотворное пятно. Его вывернуло, когда Джой миновал раздвижные двери и вкатил каталку в приемное отделение, залитое искусственным светом. Атмосфера и работа, кипевшая внутри помещения, больше напоминали о военно-полевом лазарете на поле битвы. Постоянный поток больных – одни с кровоточащими ранами, другие согнувшиеся пополам от боли, – поступал через несколько дверей. Носилки лежали повсюду. Джой быстро оценил ситуацию и направил каталку прямо на толпу вокруг сестры, сортирующей поступающих больных.

Женщина, ухоженная брюнетка, работавшая только второй месяц на этом посту, недоверчиво выслушала его и подбежала к Дэвиду. Он тихо стонал, раскачивая головой из стороны в сторону, словно не в состоянии зафиксировать ее в одном положении.

– Боже мой, он холоден как лед, – сказала она, дотрагиваясь до его подбородка. – Подержите ему голову, а я сбегаю за санитаром. Что с ним случилось? – Она убежала прежде, чем Джой успел ответить. Дородная дежурная сестра, держа папку с бумагами, прибыла через несколько секунд и обрушила на него град вопросов.

– Имя и фамилия?

– Джозеф Розетти.

Она посмотрела на Дэвида.

– Это не Джозеф Розетти. Это доктор Шелтон.

– О, я решил, что дело во мне. Но если вы его знаете, тогда зачем спрашивать?

Дежурная окинула его презрительным взглядом и оторвала лист бумаги.

– Имя и фамилия? – повторила она тем же тоном.

Джой достал размокший бумажник Дэвида и с его помощью сообщил ей нужную информацию. Не раз он готов был потерять контроль над собой, но сдерживался, боясь, что она опять вырвет лист и начнет заново. В ответ на вопрос: "Фамилия и адрес ближайшего родственника" он хотел было сказать, что не имеет об этом ни малейшего понятия, но вовремя сообразив, к какой задержке привели бы его слова, дал свои координаты.

– Исповедуемая религия? – невозмутимо задала женщина следующий вопрос.

Джой посмотрел на Дэвида, кожа которого приобрела зеленоватый оттенок. – Слушайте, – зарычал он, – этому человеку очень плохо! Вопросы могут подождать, пока его не осмотрит доктор, а?

– Извините, сэр, – огрызнулась она. – Не я устанавливаю правила в больнице, я только выполняю их. Исповедуемая религия?

Джой подавил в себе желание схватить женщину за горло. В этот момент вернулась сестра, ходившая за санитаром, избавив его от принятия решения.

– Я освободила место в травматологической палате № 12, – сказала она. – Везем доктора Шелтона туда. Сэр, после того, как вы сообщите все данные, вы можете подождать в одном из этих кресел. Я дам вам знать, как только его осмотрят. – Она посмотрела на лицо Джоя и только тут заметила, какой он красивый. – У вас есть вопросы? – спросила она, широко улыбаясь.

– Нет, – ответил Джой. – Не могли бы вы сказать этой... милой даме, что я не знаю, какую религию исповедует доктор Шелтон? – он подмигнул молодой сестре, щеки которой залила краска, подхватил ее под руку и повел к регистрационному столу.

На столпотворение в приемном отделении не обращала внимания только одна пара глаз, следившая за тем, куда увезли Дэвида. Эта пара глаз принадлежала Джанет Поулс. Только ее уши слышали и поняли одно-единственное слово, которое он простонал: "Кристина..."

Ввиду того, что персонал задыхался от многочисленных пациентов, пострадавших на дороге и в перестрелках, Джанет неохотно согласилась поработать сверхурочно, пока немного не рассосется этот печальный поток. И вот теперь, кажется, ей не придется ни о чем жалеть.

Неожиданная удача. Она лихорадочно принялась соображать, что же ей теперь делать. Сад нанял Леонарда Винсента, чтобы он следил за Билл и вмешался только в том случае, если Георгина сочтет, что Кристина решила признаться и поставить под удар "Союз". Это было известно Джанет. Георгина приняла решение о сохранности Сада любой ценой – ведь каждый "цветок" также состоял членом "Союза", независимо от того, активен он был в этом движении или нет.

Билл и Шелтон, должно быть, как-то связаны, решила Джанет. Она, возможно, открылась ему. Возможно, все рассказала о "Союзе". Иначе с какой стати в таком ужасном состоянии он стал бы взывать к ней? Георгина спустила на них Леонарда Винсента, но Шелтон каким-то образом ускользнул. По-иному этого никак не объяснишь. Но в таком случае Гиацинте страшно повезло, что она оказалась в нужном месте в нужное время. От возбуждения Джанет задрожала. Судьба преподносит ей такой подарок. Если повести дело правильно, принять нужное решение, Георгина, возможно, посвятит ее в святая-святых Сада. От перспектив захватывает дух...

Джанет огляделась вокруг. Полиция, всегда присутствующая в приемном отделении, занималась теми, кто пострадал в дорожных авариях и разборках с применением оружия. Надо действовать. Можно незаметно вырваться из этого ада, если не мешкать. Успеет ли она позвонить Георгине? Она выглянула в коридор, ведущий в палату № 12. Возле травматологической палаты никого не было видно. Второго такого шанса может и не быть.

Адреналин. Калий. Инсулин. Дигитал. Панкурон... Джанет лихорадочно перебирала в памяти возможности, торопясь на пост медсестер. А как Кристина Билл? Успел ли Винсент разделаться с ней? Впрочем, неважно, решила она на ходу. Сейчас самое важное разобраться с тем, кто находится в палате № 12.

* * *

– Доктор Шелтон, меня зовут Клиффорд. Не могли бы вы поднять свой зад, чтобы я смог стащить с вас брюки? – Упитанному санитару было за тридцать, но выглядел он так, словно еще ни разу в жизни не брился.

Дэвид что-то пробурчал в ответ и с большим трудом сделал то, о чем его просил мужчина-мальчик. Понемногу теплые волны начали накатывать на леденящую пучину, в которую он оказался ввергнут. С возвращением сознания вернулась и боль в руке и ноге, а также неприятное ощущение за ухом и в подошвах стоп.

– Похоже, вам здорово досталось, – весело сказал Клиффорд, расправляя мокрые брюки Дэвида на спинке стула.

– Река... я... побывал в реке, – еле слышно проговорил Дэвид. – Бен мертв...

– Можете подержать его под языком? – спросил санитар, сунув градусник в рот Дэвида. – Кто такой Бен? – Дэвид пробормотал что-то невразумительное и потянулся к термометру. – Нет, нет, не трогайте его, – заворчал Клиффорд. – Скоро придет доктор и посмотрит вас. Подержите градусник, пока я не вернусь.

– Кто же измеряет температуру у замерзающего до смерти через рот, идиот! – Молчаливое осуждение сверкнуло в глазах Дэвида, когда полный санитар вышел из комнаты. Затем на его лице заиграла улыбка – он приходит в себя. Понемногу его мысли приобрели стройность. Внезапно в воображении всплыло лицо Бена и кровь, сочащаяся из его рта. Дэвида снова охватил страх, Отчаянно он приподнял голову и оперся на локоть. – Кристина, – выдохнул он, выплевывая градусник. – Я должен видеть ее. – Он сел, и стены, сначала медленно, затем быстрее и быстрее завертелись перед его глазами.

Дэвид, борясь с головокружением и тошнотой, сел. Пот градом катился по лбу и щекам. Пол превратился в неясное темное пятно. Он наклонился вперед, и в этот момент в комнате померкло, и он догадался, что падает. На миг возникло ощущение невесомости... парения в мире яркого света. За ним – мрак...

Джанет Поулос успела подхватить Дэвида за плечи и уложила на носилки: Дышал он медленно и тяжело; пульс еле бился. А что если снова посадить его? Резкое падение давления от такого маневра может исключить необходимость в шприце, полном адреналина, который лежал в ее кармане. Слишком рискованно, решила она, положила его ноги на носилки и высунула голову в коридор. Никого. В одну из палат ввезли каталку – там, должно быть, возникла аварийная ситуация. Прекрасно, подумала она, закрывая дверь. Пусть все побудут подольше на своих местах.

– Доктор Шелтон, вы меня слышите? – спросила она. – Я должна наложить жгут вам на руку, чтобы взять кровь. Это займет не больше минуты.

Дэвид застонал и протянул руку.

– Ну, ну, доктор, – ласково сказала Джанет, перехватывая его руку турникетом. – Пожалуйста, успокойнее. Это вовсе не больно. – Она похлопала по коже в месте сгиба локтя, отыскивая вену. Под побелевшей, холодной кожей все сосуды сократились до минимума. Джанет тяжело вздохнула и принялась яростно бить ладонью по его руке, проклиная себя за то, что забыла о реакции тела на переохлаждение и шок.

Голова Дэвида закачалась из стороны в сторону, свидетельствуя о том, что к нему возвращается сознание. Запаниковав, Джанет всадила иглу ему в руку, надеясь наугад попасть в вену. В этот момент в палату влетел Клиффорд. Джанет резко обернулась, и шприц выскользнул из ее пальцев. В месте укола выступила капля крови.

– А вот и я, доктор. Извините за... – Клиффорд осекся под испепеляющим взглядом Джанет.

– Черт бы тебя побрал, – прошипела она, срывая резиновый жгут и быстро убирая шприц. Повернувшись спиной к Клиффорду, она быстро опорожнила шприц под носилки. – Разве ты не знаешь, что полагается стучаться в закрытую дверь? Я брала кровь у этого человека, а ты все испортил.

– Я... я прошу прощения. – Санитар начал переминаясь с ноги на ногу, уставившись в пол.

– Я тебе это еще припомню, – выпалила Джанет, соображая, что же делать дальше. В это время в дверях возник Харри Вейсс, хирург-стажер.

– Все как надо? – спросил он спокойно у обомлевшей сестры.

– Я... я не знала, когда приступят к осмотру доктора Шелтона и вот решила взять у него кровь... для начала.

– Спасибо. Это очень кстати, – улыбнулся Вейсс. – Если вы еще не успели взять пробы, тогда, пожалуйста, подождите, пока я не закончу осмотр.

– Очень хорошо, доктор, – Джанет бросила злобный взгляд на Клиффорда, вышла из палаты и побежала к телефону.

– Доктор Шелтон, это я, Харри Вейсс. – Стажер с орлиным носом, которому Дэвид помогал в трудных случаях, беспокойно посмотрел на него. Несмотря на широко открытые глаза, у Дэвида явно наблюдались трудности с ориентацией в пространстве. Вейсс склонился над ним. – Вы меня видите?

Дэвид прищурился и кивнул, затем попытался подняться. – Кристина... Дайте мне позвонить Кристине, – услышал он звук собственного голоса. Последовал новый приступ головокружения, но он замахал руками, гоня его прочь.

Харри Вейсс схватил его за руки и уложил обратно на спину. – Пожалуйста, доктор Шелтон, мне совсем не хочется привязывать вас, – сказал он, оборачиваясь к Клиффорду за помощью, так как Дэвид с еще большей силой принялся махать руками, но того и след простыл. – Сестра, – попросил он, – позовите сюда санитаров. Передайте, чтобы он бежал сюда с фиксаторами для рук и ног.

Не прошло и минуты, как Дэвид был привязан к носилкам. Его усилия освободиться прекратились и перешли в всхлипывания и бормотание. "Пожалуйста... разрешите мне отыскать ее... разрешите мне позвонить ей".

Вейсс, глядя на него, покачал головой.

– По-моему наши предположения оправдываются, – заметил он небольшой группе, которая прибежала помогать ему. – Оставьте нас одних, чтобы я мог осмотреть его. Позвоните в лабораторию и передайте им, что требуется полная рентгенокопия и клинический анализ. Пусть проверят его на наркотики. Когда я кончу, приступайте к внутривенному вливанию... нормальный солевой раствор по триста кубиков в час... по крайней мере, до тех пор, пока мы не определим, что с ним. Пусть кто-нибудь выяснит, кто из психиатров сегодня дежурит, и даст мне знать. Если хороший, тогда свяжемся с ним. Если он один из тех кретин, которые хуже больных, тогда не имеет смысла. – Стоявшие заулыбались, и только один санитар громко рассмеялся. Харри Вейсс моментально остановил его сердитым взглядом, поднял разбитый градусник и заметил: – И когда ты, Клиффорд, только запомнишь, что у переохлажденных температура не измеряется через рот. Она будет слишком приблизительной. Это тебе

не прямая кишка. Чтобы я впредь об этом не слышал. – Он кивнул, давая понять, что закончил, и комната быстро опустела.

"Молодчина Харри!", хотелось сказать Дэвиду, но он не мог произнести ни слова. Ужас, шок и переохлаждение пали о себе знать. Даже если бы санитар сообразил поставить градусник в прямую кишку, то и тогда он не зафиксировал бы температуру тела Дэвида. Открыв глаза Дэвид наблюдал за тем, как высокий стажер начал осмотр. Скажи ему, подумал Дэвид. Сядь и скажи ему, что тебе не нужен этот чертов психиатр. Скажи ему, что Бен мертв. Скажи ему, что ты должен отыскать Кристину. Что ее, может быть, уже нет в живых. Скажи ему, что ты не сошел с ума, хотя... Может, ты и в самом деле сошел с ума. Как это бывает? Вот он тычет и хватает тебя за разные места, а ты даже ничего не можешь сказать. Может, это называется сумасшествием? Ведь на груди людей не горит неоновая реклама со словами: "Этот человек лишился ума. Этот человек сумасшедший". Где, черт возьми, Джой? Минуту назад Джой был здесь. Где его черти носят?

Боль пронзила его ногу, когда Вейсс дошел до лодыжки. Дэвид застонал и попытался сесть, но кожаные ремни крепко его держали.

– Извините, – мягко проговорил Вейсс. – Я не хотел причинять вам боль, доктор Шелтон. Вы меня понимаете? Вы можете объяснить, что с вами произошло?

"Да, да, – подумал Дэвид. – Дайте мне время. Не подгоняйте меня. Я расскажу вам все".

Харри Вейсс заметил движение его головы и с минуту ждал, что последует дальше, но Дэвид молчал, и тогда он сказал: – Ну что же, я вижу, вы начинаете согреваться. Я приказал провести некоторые исследования. Мы просветим ваш голеностоп, руку и на всякий случай сделаем снимки черепа. Я думаю, что он не задет, хотя этого не скажешь про голеностоп. Понимаете?

– Джой, – проговорил Дэвид. – Где мой друг Джой? – На миг ему почудилось, что он не произносит вслух эти слова, а только хочет их высказать.

– Джой? – лицо стажера просияло. – Джой? Это тот, кто доставил вас сюда? – Дэвид кивнул. – Отлично! Кажется, вы оклемались. Я сейчас переговорю с вашим другом и направлю его к вам, пока готовят аппаратуру. У нас сегодня полно работы, так что немного придется

подождать. Будет лучше, если я выключу верхний свет. Попробуйте отдохнуть и не сбрасывать это одеяло.

– Спасибо, – прошептал Дэвид. – Спасибо. – Вейсс покачал головой, выключил свет и вышел.

Дэвид снова попытался освободиться. Напрасное занятие. Он глубоко вздохнул, медленно выдохнул и откинул назад голову. Озноб прекратился, а с ним понемногу начал отступать холод. В затемненной комнате было что-то успокаивающее, и слышался привычный шум за дверью. "Пора отдохнуть, – сказал он самому себе. – Отдохнуть, чтобы набраться сил. Когда придет Джой, мы вместе отправимся за Кристиной. Когда придет Джой..." – его глаза сомкнулись, а дыхание сделалось ровным и медленным.

Сквозь мирный, сумеречный сон до него донесся звук осторожных шагов Джоя. "Не буди меня, друг, – подумал Дэвид. – Дай мне еще немного поспать, а потом мы отправимся вместе. Да, да, я знаю, что ты переживаешь за меня. Я отосплюсь потом..." Он открыл глаза, и в ту же минуту массивная рука Леонарда Винсента зажала ему рот, припечатав к носилкам.

* * *

Облачившись в белый халат санитаря, который дала ему Гиацинта, Винсент беспрепятственно проник через черный ход в травматологическую палату № 12. Он неохотно признал, что Георгина поступила мудро, приказав ему ждать у телефона возле Бостонской больницы. – Интуиция, – коротко объяснила она. Идея проникновения в палату интенсивной терапии пришла Винсенту не по вкусу, но заверения, что полиции там нет, и обещание дополнительного вознаграждения сделали свое дело. Теперь он молча аплодировал себе за такое решение.

– Ты совершенно достал меня, доктор Шелтон, – прорычал он. – Я не прочь разобраться с тобой сполна. Ты успел узнать меня... Все это будет легко и быстро.

Дэвид с округлившимися от ужаса глазами следил за тем, как Винсент занес над его лицом нож с длинным и узким лезвием.

Не отнимая ладони от рта Дэвида, убийца двумя толстыми пальцами приподнял его подбородок. – Один надрез... как у хирурга, – прошептал он, вода тупой стороной лезвия по горлу Дэвида.

"Ради Бога, стой! Я ничего не сделал!" – успел подумать Дэвид, закрывая глаза и вслушиваясь в свой собственный предсмертный крик. Но вместо этого до него донесся глухой сильный удар и звук катящегося по полу ножа Винсента. Он открыл глаза и увидел, как тело убийцы скользнуло вбок и рухнуло вниз. Стоя за его спиной, Джой Розетти поднял тяжелый револьвер как дубинку, приготовившись нанести в случае необходимости второй удар.

– У вас тут отличное место, доктор, – усмехнулся Джой, быстро освобождая его от пут. – Если мне потребуется еще одна операция, не забудьте напомнить, чтобы я опять обратился в Белый мемориал.

– Это он, – возбужденно сказал Дэвид. – Тот, кто убил Бена... Он собирался...

– Я знаю, что он собирался сделать, – проговорил Джой, расстегивая последний фиксатор. – Нам с Леонардом доводилось встречаться. Этим он зарабатывает на жизнь. Говно! Если уж его приставили за вами, то дело принимает серьезный оборот.

Дэвид сел, чувствуя, что на этот раз с головокружением можно справиться. Инстинктивно он провел ладонью по горлу. Пережитый только что ужас быстро привел его в сознание.

– Джой, помоги мне выбраться отсюда. Пристрели эту скотину и помоги мне выбраться отсюда. Нам во что бы то ни стало надо найти Кристину.

Джой покосился на Винсента, который, завалившись на бок, с искаженным от боли лицом лежал на кафельном полу.

– Пусть им займутся полицейские, – сказал он. – Я обещал Терри использовать оружие – по крайней мере, огнестрельную его часть – только в крайнем случае. Здесь его кто-нибудь обнаружит. Вы можете идти? Где, черт возьми, ваши штаны?

– Вот там, на стуле. Я... я думаю, что с твоей помощью смогу передвигаться. – Дэвид соскользнул со стула и ухватился за руку Джоя, стараясь сохранить равновесие. Стопа распухла, но выдержала вес тела, когда он натягивал мокрые и грязные джинсы. – Джой, эта женщина, Кристина Билл... только она одна может вытащить меня из болота, в котором я очутился. Нам непременно надо найти ее, – он

облегченно вздохнул, поняв, что наконец-то может связно излагать свои мысли.

– О'кей, – сказал Джой. – Но сперва надо выбраться отсюда без лишнего шума. Я заметил, как эта горилла нарядилась доктором и направилась в вашу палату. И его никто не заметил. Я сообразил, что он не собирается вас осматривать. А теперь слушайте. У главного входа стоит машина моего менеджера. Садитесь в каталку. Сколько можно проедем с ней, а там делаем ноги. У него красная машина... "оулдс", "крайслер" или что-то в этом роде Вы запомните?

Дэвид кивнул:

– Я найду ее, Джой, не беспокойся. Ради всех святых скорее убираемся.

Розетти усадил его в кресло-каталку и с самым беззаботным видом покатил по травматологическому отделению в сторону приемного. Когда перед ним раздвинулась парадная дверь, позади раздался женский голос: – Эй вы, двое... вы куда?

Дэвид выскочил из каталки и, опираясь на руку Джоя, заковылял к "крайслеру", стоявшему неподалеку.

– Порядок! – задыхаясь, проговорил Джой, когда они плюхнулись на заднее сиденье.

Руди Фишер удовлетворенно кивнул и, осторожно объехав две припаркованные полицейские машины, по полукруглой подъездной эстакаде выехал на дорогу, ведущую в северную часть Бостона.

* * *

Джанет Поулос стояла в приемном отделении, не зная, как ей быть, и провожала их глазами. Она ничего не сказала Георгине о неудачной попытке взять инициативу в свои руки и теперь находилась перед дилеммой: *стоят* или не стоит проверить, что там с Винсентом и требуется ли ему помощь. Поскольку она являлась единственным лицом, которое он мог опознать в случае ареста, решение не представлялось трудным.

Она остановилась у каталки, взяла несколько ампул панкурона и опустила их в карман. Это средство помогает тем, у кого не в порядке верхние дыхательные пути, но оно не предназначается для здоровых

людей. Наступило время, когда препарат должен помочь ей, если на то представится возможность. Ну а если такого шанса не будет, она найдет путь помочь ему бежать. Возможно, ей удастся восстановить свой пошатнувшийся авторитет в глазах Георгины.

Джанет обругала фортуна за то, что та повернулась к ней спиной, и Дэвида Шелтона за то, что он доставляет ей столько хлопот. Затем медленно двинулась через холл к палате № 12, надеясь найти там Леонарда Винсента мертвым.

– Ох! Что это за средство? – поморщился Дэвид, когда Терри Розетти занялась соскабливанием грязи, ввевшейся глубоко в его руку.

– Им я пользуюсь при чистке окон, – ответила она. – Лежите спокойно и дайте мне докончить.

Квартира Розетти была старой, но просторной и заново отделанной. Терри со вкусом обставила ее комплектом семейной мебели, которую с восторгом приобрел бы любой из шикарных антикварных магазинов на Ньюберри-стрит.

Дэвид растянулся на широкой дубовой кровати, предназначавшейся для гостей, наслаждаясь ароматом свежего белья и думая, что ему уже никогда не будет так хорошо и уютно. Он ослаб, слегка кружилась голова и болело сразу в нескольких местах. Вместе с тем он ощущал, что способность к концентрации восстанавливается по мере того, как туман в голове, вызванный переохлаждением, рассеивается. Он мысленно поблагодарил Джоя за то, что он убедил его отказаться от поисков Кристины и принять сначала горячий душ.

Терри Розетти, полногрудая, пышущая здоровьем красotka, быстро обвязала руку Дэвида марлей.

– Обслуживание высший класс, – сказал Дэвид. – Вы действительно умеете все.

Улыбка Терри озарила комнату.

– Скажите это своему другу. Мне кажется, он воспринимает меня как нечто само собой разумеющееся. Вам известно, что в самый ответственный момент он бросил заниматься любовью, чтобы ответить на ваш звонок?

– Неудивительно, потому что телефон звонил бесконечно, – сказал Дэвид.

– Я уже хотел повесить трубку.

– Ваше счастье, что не повесили, – продолжала Терри. – Дэвид, Джой не убивал этого человека, ведь так?

Страх, который он прочел в ее глазах, не оставлял сомнений в важности его ответа.

– Я хотел, чтобы он спустил курок, Терри. Очень хотел. Это животное убило моего друга. Но Джой сказал, что дал вам обещание и сдержал слово.

Терри Розетти облегченно перевела дух.

В эту минуту в комнату вошел Джой, неся одежду, пару костылей и телефонную книгу.

– Должно быть, эта женщина, – сказал он. – К. Билл, ул. Белкнеп 391, район Бруклин. Я просмотрел другие справочники, и только это имя подходит. Между прочим, шмотки от Ассоциации бизнесменов Норт-энда.

– Что это такое? – спросил Дэвид.

– О, это простые и деловые ребята вроде меня, которые рады помочь бедным и несчастным, загоняемым в реку. – Джой заговорщицки улыбнулся Терри и подмигнул, не заметив, что жена никак на это не прореагировала. – Вы в состоянии двигаться дальше, доктор? – спросил он.

– Ну, конечно. А кстати, который час?

– Двенадцать тридцать. Это новый день.

– Три часа, – в изумлении покачал головой Дэвид. – Прошло всего лишь три часа...

– Что?

– Да так, ничего. Дай мне, пожалуйста, телефон. Остается только надеяться на то, что она права.

– *Вы* определенно в порядке? – спросил Джой, внимательно глядя на Дэвида сверху вниз.

– Разумеется, а что?

– У меня, конечно, нет образования и все такое... Ума я набирался на улице, но готов привести десяток причин, почему мы должны общаться с этой К. Билл не по телефону, а с глазу на глаз. Запомните, вы уже были арестованы за убийство. Так вот, только эта женщина может сейчас вас спасти.

Дэвид мгновенно понял. Если Кристина не имеет никакого отношения к смерти Бена, от их слов она может запаниковать или даже

совершить фатальную ошибку. С другой стороны, если она как-то причастна или знает того, кто нанял Леонарда Винсента... Нет, лучше не думать.

– Когда это закончится, – проговорил он, – я напишу письмо в мой вуз с просьбой взять тебя туда почетным лектором. Ты будешь учить будущих медиков, как выжить в реальном мире. Идем!

Через десять минут они сидели в машине Руди Фишера, направляясь в сторону Бруклина.

– Не жми так, Руди, – приказал Розетти. – Нас не должны остановить. Если Винсент узнает из газет про эту женщину, нет смысла жать на газ. – Гримаса исказила лицо Дэвида, и он отвернулся к окну.

Они проехали с милю, когда Джой нарушил молчание.

– Доктор, я кое-что хочу сказать вам. Назовите это уроком, коль скоро вы зачислили меня в учителя.

Дэвид повернулся к другу, ожидая увидеть на его лице хитрую усмешку, которая обычно появлялась, когда он рассказывал одну из своих историй. Но в сузившихся, потемневших глазах Джоя он разглядел смертельную опасность. – Продолжай.

– Леонард Винсент может быть и не самый шустрый в своем мире, но он профессионал. И когда на сцене он или кто-то из его труппы, вам придется играть по правилам, которые будут диктовать они. Понимаете?.. Поскольку времени у нас в обрез, даю вам простой урок. Зарубите себе на носу одно правило. Одно правило, чтобы выжить в игре с Винсентом. Я не последовал ему там, в больнице, потому что обещал Терри. Но у вас нет Терри, стало быть, вы делаете так, как я говорю. Если вы считаете, что кто-то сделает это за вас, то, черт возьми, бросьте эту мысль и действуйте сами. И чем быстрее, тем лучше. Понятно? – Он сунул в карман Дэвида револьвер. – Держите. Что бы ни случилось, я предчувствую, что вам он больше понадобится, чем мне. Терри будет за вас молиться, когда узнает, что он перешел к вам.

* * *

Джон Докерти, присев на корточки у двери квартиры Дэвида, следил за тем, как бригада судмедэксперта закончила осмотр тела Бена и повезла труп к лифту. Он вопросительно взглянул на полицейского, который наводил справки у соседей по этажу. Мужчина отрицательно покачал головой:

– Ничего.

Это сообщение не удивило Докерти. Меньше слышать, меньше видеть, меньше говорить – только так можно выжить в этом городе. Он осмотрел отверстия, оставленные пулями вокруг дверного замка, и отошел назад, пытаясь восстановить картину преступления. Следы крови тянулись от лифта, вели в квартиру Дэвида и терялись у окна. Докерти отметил в своем блокноте: "проверить по военной и медицинской карте Дэвида его группу крови".

Смертельный удар ножом, пулевые отверстия, пятна крови повсюду, старый пьяница, убитый на месте через два дома – и ни одного свидетеля. Докерти протер глаза, гоня от себя усталость, и снова попытался воссоздать сценарий случившегося. Имелся, правда, ряд версий, но они с трудом увязывались с личностью Шелтона. Он почти не сомневался в его смерти.

Зазвонил телефон. Докерти заколебался, но потом решил ответить.

– Алло?

– Лейтенанта Докерти, пожалуйста.

– Я слушаю.

– Лейтенант, это сержант Макилрой из четвертого. Только что один из наших звонил из Бостонской больницы. Очевидно, этот Дэвид Шелтон... знаете, тот, кого вы арестовали за убийство по соображениям милосердия?

– Да. Знаю, знаю.

– Так вот, этот самый Шелтон совсем недавно появился в палате интенсивной терапии в совершенно критическом состоянии. Я звонил в ваш участок, и там велели срочно связаться с вами.

– Передайте своим людям, чтобы его держали в больнице, – быстро проговорил Докерти.

– Невозможно. Его нет. Исчез вместе с каким-то парнем через несколько минут после прибытия. Но его хватились совсем недавно.

Наши ребята... все... сейчас допрашивают двух мудаков, которые затеяли перестрелку в баре "Дай пять".

– Что за парень? – спросил Докерти, морщась от боли в голове.

– Не знаю.

– Он не числится среди тяжелобольных Шелтона?

– В этом вся загвоздка. Этот список пропал. В регистратуре клянутся, что печатали его, но никто не может найти эту бумагу.

– Господи Иисусе! Что за бардак у вас там?

– Не знаю, сэр.

– Ладно... передай тем, кто в больнице, я скоро буду. Чтобы никого не отпускали, кто контактировал с Шелтоном. Никого. Уловил?

– Да, сэр.

– Господи Иисусе! – Докерти швырнул трубку на место и убрал волосы под шляпу. Ночь предстоит долгая и тяжелая. Чтоб ее...

Руди Фишер три раза проехал по улице, на которой стоял дом Кристины, прежде чем Розетти убедился, что их не поджидают никакие сюрпризы. Сказав гиганту, чтобы тот ждал за углом следующего дома, он помог Дэвиду подняться по бетонным ступенькам.

– Старому Леонарду, должно быть, сейчас не сладко, – улыбнулся Джой. – Воображаю, как он крутится в больнице, имея в своем словарном запасе лишь дюжину слов.

Дэвид, стоя на костылях, попытался заглянуть внутрь сквозь стеклянные панели в двери. Даже незначительный поворот вызвал новые приступы тошноты и головокружения. Долгое переохлаждение, пришел он к заключению, каким-то образом влияет на вестибулярный аппарат и способность тела приспособливаться к резким переменам кровяного давления.

Дом был погружен в темноту, если не считать тусклого света, исходявшего из комнаты справа... жилой комнаты, предположил Дэвид. Он взглянул на свои часы. Они показывали почти час ночи.

– Пожалуй, надо звонить, а? – нервно спросил Дэвид.

– Учитывая обстоятельства, я, доктор, думаю, что это самое лучшее ваше решение. Хочется верить, что в операционной такой мандраж вас не бьет.

Дэвид слабо улыбнулся и нажал на звонок. Прошло минуты две-три. За дверью никакого движения. Дэвида снова охватил озноб,

ничего общего не имевший с мелкой изморозью, которую гнал ветер. Он снова позвонил. Прошло секунд десять... двадцать.

– Вламываемся? – спросил он.

– Можно попытаться, но я сначала предложил бы воспользоваться задней дверью. – Джой вышел на улицу и жестом показал Руди Фишеру, что они собираются обойти дом. Дэвид третий раз нажал на кнопку, борясь с тошнотой, подступавшей к горлу.

Третий звонок разбудил Кристину. Она лежала поперек кровати, терзаясь ужасными сновидениями. На полу, рядом с двумя склянками для лекарств, валялись разорванные клочки бумаги.

– Подождите, я иду, – крикнула она. Может быть, девушки забыли ключи? Очень похоже, это в их стиле. Кристина поднялась и уставилась на пол. Разорванная записка... бутылочки с серо-оранжевой смертью – как близко она подошла к краю... Она убрала таблетки в ящик, собрала бумажки и бросила их в корзину. В конце ужасного и мрачного часа, проведенного по дороге домой, она твердо решила, что ничто и никогда не заставит ее самой свести счеты с жизнью. Ничто, за исключением, возможно, ситуации, подобной той, в которой очутилась Шарлотта Томас. Будь что будет.

В дверь снова позвонили. На этот раз с черного хода.

– Иду, иду, – она бросилась в кухню и в коридоре остановилась как вкопанная. За окном, стоя на костылях и всматриваясь в окно, был Дэвид! Она быстро спустилась по ступенькам, включила свет и... обмерла, увидав перед собой мертвенно-бледное лицо с глазами, ввалившимися в широкие и темные глазницы. За ним, повернувшись спиной, стоял второй мужчина. У Кристины учащенно забилось сердце от дурных предчувствий.

– Кристина, это я, Дэвид Шелтон. – Его голос прозвучал слабо и отрешенно.

– Да... да, я узнала. Что вы хотите? – выдавила из себя она, не в состоянии сдвинуться с места от испуга.

– Пожалуйста, Кристина, нам надо поговорить. Произошло нечто ужасное. Нечто ужасное...

Джой схватил его за руку.

– Вы что, сошли с ума? – зашептал он, выходя из-за спины Дэвида. – Мисс Билл, – спокойно продолжал он, – я Джозеф Розетти, близкий друг доктора. Ему плохо. – Он замолчал, взглядываясь в ее

лицо и как бы стараясь понять, требуются ли дальнейшие объяснения для того, чтобы она впустила их.

Кристина заколебалась, но потом спустилась вниз и открыла замок.

– Извините, – сказала она, когда они вошли в прихожую. – Вы застали меня врасплох и... Прошу в комнату. Она подойдет вам? Вы сильно пострадали?

В течение пятнадцати минут она не проронила ни слова, слушая, как двое мужчин пересказывают события минувшего вечера. Каждая новая подробность вызывала в ней смешанные чувства.

Удивление, изумление, страх, боль, опустошенность – вот что прочел на ее лице Дэвид. Такая, подумал он, наверняка, не станет лгать. Чего бы она там не натворила, она никоим образом не причастна к смерти Бена, в этом он уверен.

Но, что ни говори, а сбрасывать ее со счетов тоже нельзя. Придя к такому выводу, он отвел глаза в сторону.

– Кристина, что вы сказали Бену? – Она, казалось, онемела. – Пожалуйста, скажите мне, что вы говорили ему? – В его голосе прозвучала нотка нетерпения, смешанного с раздражением.

– Я... я сказала ему, что сделала это. То есть я – та, кто... кто дал морфин Шарлотте.

У Дэвида бешено заколотилось сердце. Его арест, грязная и отвратительная ночь в тюрьме, лишение всего, чего достиг он за свою карьеру, смерть Бена Гласса... *все это по ее вине.* – А поддельный рецепт? – горько спросил он. – Вы и к этому приложили руку?

– Нет!.. То есть, я не знаю. – От напряжения ее губы задрожали. Единственное объяснение, которое ей пришло в голову – это сказать правду. Но в чем она заключается? "Союз решил пожертвовать Дэвидом, чтобы спасти ее это несомненно. Но при чем тут Бен? В сознании с трудом укладывалось, что они могли отправить невинного человека в тюрьму, но пойти на убийство?.." – О Боже, – простонала она. – У меня голова идет кругом. Я не знаю, что происходит. Я ничего не понимаю.

– Что? – требовательно спросил Дэвид. – Что вы не понимаете?

– Я не понимаю, – плача, продолжала Кристина. – Вокруг столько всего происходит, а я не вижу в этом смысла. Это ужасно. Я причинила вам такие страдания... И Бен... они убили Бена. Почему? Почему?

Мне... мне нужно время... чтобы во всем разобраться. Это безумие. Почему они пошли на это?

– Кто *они*? – спросил Дэвид, но Кристина молчала. – Будь я проклят! – закричал он. – О чем вы говорите. Кто они?

– Пойдите, пойдите, – поднял руки Джой, останавливая их. – Вам обоим надо успокоиться, а то как бы нам не напороться на неприятности. Леонарда Винсента пока что не видно на горизонте, но где гарантия, что он работает один? Чем дольше вы препираетесь, тем больше шансов у какого-нибудь громилы ворваться сюда и порешить нас троих. – Он замолчал, давая им время вникнуть в смысл сказанных им слов и выжидал, пока напряжение не спадет. – Значит так, мисс Билл. Я вас не знаю, но зато я знаю доктора и я также знаю, какую нервотрепку ему пришлось перенести. Насколько я понимаю, вы оба в этом деле завязли по уши, так что его надо распутывать. Я вижу, что наше сообщение потрясло вас, но этот человек заслуживает объяснений.

– Я... я не знаю, что сказать, – тихо, словно обращаясь к самой себе, проговорила она.

Джой, внимательно следя за молодой женщиной, заметил, что она вот-вот расколется. Он бросил взгляд на Дэвида и по выражению его лица понял, что тот тоже так считает. – Послушайте, – наконец сказал Джой, – может, вызовем полицию и...

– Нет! – испуганно вскрикнула Кристина. – Никакой полиции. Еще рано. Мне очень многое непонятно. Много ни в чем неповинных людей может пострадать, если я поступлю неправильно. – Она замолчала, тяжело дыша. Когда она снова заговорила, ее голос звучал спокойно. – Пожалуйста, поверьте мне. Я ничего общего не имею со смертью Бена. Мне он очень понравился. Он собирался мне помочь.

Дэвид наклонился и закрыл лицо руками.

– Хорошо, – медленно сказал он. – Никакой полиции... пока. Чего вы хотите?

– Немного времени, – сказала она. – Всего лишь немного времени, чтобы во всем разобраться. Я расскажу все, что знаю. Обещаю.

Тронутый печалью в ее глазах, Дэвид отвернулся.

– Слушайте, доктор, – нетерпеливо произнес Розетти, – я уже говорил об этом, но повторяю. Нам не с руки торчать здесь больше, чем

положено. Если решено – полицию побоку, значит, полицию побоку. Если надо говорить, то давайте говорить. Но только не здесь.

Дэвид не мог не обратить внимания на настойчивость в голосе Розетти и страх, впервые мелькнувший в его глазах.

– Хорошо, мы уходим, – сказал он. – Но куда? Куда мы пойдём? Разумеется, не ко мне. Как насчет бара... или твоей квартиры? Ты считаешь, Терри отрицательно отнесется к нашему появлению?

– У меня предложение получше. У нас с Терри есть одно укромное местечко на северном побережье. Ну если вы двое не перегрызете друг другу глотки без меня в роли рефери, то место подойдет идеально. Доктор, вы себя не видите, но разрешите сказать вам: у вас такой вид, что хоть сейчас бальзамируй. Почему бы вам не отправиться туда и поспать, а утром на свежую голову начать во всем разбираться? – Дэвид хотел было запротестовать, но Розетти не дал ему говорить. – У нас нет времени спорить, друг. Ты мой друг. Терри тоже мой друг и я не хочу, чтобы она прикасалась к грязи. Итак, северное побережье – или действуйте сами. Ну, решайте.

Дэвид посмотрел на Кристину. Она безвольно сидела на стуле, уставившись в пол. Было в ней что-то наивное, незащитное... И не верилось, что она намеренно заставила пройти его сквозь круги ада. Кто ты? – подумал он. – Что же ты натворила? И почему?

– Я... я согласен, если согласна Кристина, – после небольшого раздумья сказал он.

Кристина сжала губы и молча кивнула.

– Значит, решено, – заявил Джой. – Еда в доме есть. В это время в Роки-пойнт народу мало, так что вас не будут беспокоить. Я нарисую карту. Вы возьмите машину Кристины. На всякий случай мы поедем с вами до шоссе. Там вам будет хорошо. В особенности, если прекратится дождь. В гараже вы найдете развалюху-"джип". Ключи лежат в ящичке с инструментом у задней стены. Если захотите, пользуйтесь им. Договорились?

– Дайте мне минуту на сборы, – попросила Кристина. – Еще я должна оставить записку, чтобы меня не ждали ночью.

– Хорошо, хорошо, – ответил Джой, – но только побыстрее. Да, вот что, Кристина. Передайте своим друзьям, чтобы они запирались на замок. Так, на всякий случай.

– Мистер Винсент, вы напрочь испортили задание. Гиацинта пошла на большой риск, вызволяя вас из заварухи в больнице, но это в первый и последний раз. Поймите, мне нужны результаты. Сначала девушка, затем доктор Шелтон. Понятно?

– Да, да, понятно, – зло ответил Леонард Винсент, швыряя трубку на рычаг и потирая запекшуюся корку крови, которая образовалась на голове после нанесения швов. Эта сука, Гиацинта, не в его вкусе, зато хладнокровна и вытащила его из такой паскудной ситуации. Придя в сознание, он не мог даже встать на ноги, и она помогла ему лечь на носилки. А когда прибежал врач, устроила целый спектакль, заявив, что бедный санитар поскользнулся, ударившись головой об пол, и что она сама займется записью больных, если доктор побыстрее наложит швы на кровоточащую рану.

"Да, сэр, подумал Винсент, ты, действительно, по гроб жизни ей обязан... этой старой Гиацинте". Затем он вспомнил, как она посмотрела на него, когда он выходил из больницы... сколько ненависти было в ее глазах.

– Кретин, – сказала она. – Ты самый настоящий кретин.

От этой мысли снова зашумело в голове и тошнота подкатила к горлу – в третий раз, как он вышел за дверь больницы. Винсент прислонился к дереву, дожидаясь, когда полегчает. – Вы мне ответите за это, – процедил он, сплевывая сквозь зубы, чтобы было не так больно и муторно на душе. – Вы мне за все ответите, гады!

Осторожно сев за руль, он направил машину в сторону Бруклина. Когда он свернул на Белкнеп-стрит, на противоположном конце улицы другая машина сворачивала за угол. Винсент сжался, стараясь в ночной темноте получше разглядеть ее прежде, чем она скроется из виду... красная... ярко-красная... Наемный убийца облегченно перевел дух, откидываясь на сиденье. У дома Кристины он остановился и посмотрел по сторонам. Голубого "мустанга" не видать.

Выругавшись, он полез в бардачок и вынул из него конверт, который дала ему Гиацинта. – Ну что же. Георгина, сука, – прошептал он, – хочешь или не хочешь, но доктора ты получишь первым.

Он надорвал конверт и расправил на сиденье рядом страницу, вырванную из регистрационной книги. В графе "Информация врача" красными буквами было напечатано: "Сбежал без лечения". Другие

графы почти все были аккуратно заполнены. Дрожащей рукой Винсент обвел кругом строку, где был указан ближайший из его родственников.

Глава XIX

В темноте тихая гавань внушала еще больший страх. Оглядываясь на ходу и прислушиваясь к звуку собственных шагов, Джон Докерти всматривался в ночную мглу. Вскоре ему удалось разобраться в случайных звуках, раздававшихся со всех сторон. Позвякивание швартовых цепей... Пронзительно кричащие чайки, пирующие в полуночное время... Волны, ударяющие в мощные сваи гавани... Вселяющие уверенность звуки горнов в тумане...

Постепенно мускулы его шеи расслабились. На пирсе он был один.

В серебристо-черном тумане можно было различить контуры пакгаузов и часовых, охраняющих подступы к гавани. Он пересек узкую полосу тротуара и нырнул в боковую аллею. В дальнем конце находился неприметный склад, из-под двери которого пробивалась полоска света. Докерти тихо постучал.

– Входи, Док, открыто, – разорвал тишину сочный бас Улански.

Докерти вошел и быстро закрыл за собой тяжелую металлическую дверь.

– Господи, Тед, – сказал он, – я потратил двадцать минут, чтобы убедиться, что за мной нет "хвоста", а ты ревешь, как катер в тумане.

– Это доказывает, как я тебе доверяю, Док. Проходи и садись вон туда. – Улански энергично пожал ему руку, указывая на дубовый стул с высокой спинкой. Это был экспансивный мужчина, отдаленно напоминавший габаритами того защитника в американском футболе, который двадцать пять лет назад защищал честь бостонского колледжа.

– Отличное место, – с сарказмом заметил Докерти, оглядывая большой, плохо освещенный офис. – Твой?

– Это так, – с деланной гордостью ответил Улански. – Штаб-квартира легендарного отдела по борьбе с наркотиками штата Массачусетс. Не желаете совершить обход?

– Нет, спасибо. Все, что нужно, я пойму, сидя здесь.

Этот отряд, работая тихо и незаметно, прославился тем, что к его арестам невозможно было придраться. Улански, как глава отдела, постепенно приобрел репутацию сверхчеловека. Офис, однако, мало

увязывался с местом, о котором можно слагать легенды. В нем было неуютно и холодно. Вдоль голых цементных стен вытянулись дюжины два шкафов с картотекой; все коричневатозеленого цвета, как положено в государственных учреждениях. Внутри металлических ящичков, а Докерти знал это, была сосредоточена вся информация, относящаяся к нелегальной торговле наркотиками в штате.

В углу комнаты, небрежно прикрытый плащом Улански, стоял компьютер, который через Вашингтон был связан с федеральными и полицейскими агентствами всей страны.

Улански сел за стол и предложил:

– Выпьешь? Кофе? – Докерти покачал головой. – Должно быть у тебя важное дело, если ты пришел в такую собачью погоду, да еще отказываешься от угощения.

– Ты прав, – рассеянно подтвердил Докерти, возобновляя поединок с непокорными волосами, спадающими на глаза. – Я рад, что ты не отказался помочь.

Улански одним махом опрокинул рюмку "Грэнддэд".

– Поверь мне, ты – единственный парень в нашем округе, кто в состоянии вытащить меня из дома в такой вечер, когда живьем транслируют бой с участием Черневица. Джеки Черневица, польской кувалды. Ты следишь за боксом?

– Мне это очень напоминает день, проведенный на работе.

– Скажи мне в таком случае, – улыбнулся Улански, – чем я обязан этому визиту к скромному стражу правопорядка?

– Я расследую очень странное дело, – ответил Докерти, потирая кончик носа. – Убита старая леди, которая лежала в Бостонской больнице. Морфин. В настоящий момент мне удалось сузить число подозреваемых до тридцати. Даже произвел один арест.

– Я читал об этом, – сказал Улански. – Какой-то доктор, так?

– Так. Масса косвенных улик против него, но уж слишком все гладко, если ты понимаешь, что я имею в виду. На капитана, эдакого столпа правосудия, кто-то с мохнатой рукой надавил, и он приказал взять этого доктора. Что я и сделал, хотя у меня были сомнения. Потом был убит адвокат этого парня, Бен Гласс. Тебе он знаком? – Улански поморщился и утвердительно кивнул. – Его зарезали. Ни где-нибудь, а в квартире этого самого доктора. Входная дверь изрешечена пулями и выбита. В коридоре и на стене нашли полно крови. – А совсем недавно

нашего доктора доставили в больницу, совершенно промокшего и полуживого. Самое интересное то, что, не дожидаясь никакого лечения, он сбежал оттуда с каким-то малым. К тому времени, когда я узнал об этом и примчался, его и след простыл. Нет даже записи, что он находился в больнице. Возможно, что его уже нет в живых. Я проверил обычные каналы – ничего. В общем, уперся в каменную стену. У меня такое ощущение, что я наломал немало дров, поддавшись уговорам капитана и арестовав его.

– Чем мы можем помочь?

– У меня остается единственная надежда – расколоть фармацевта по имени Квигг. Маркус Квигг. У него небольшая аптека на Уэст-Роксбери. Он клянется, что этот доктор Шелтон выписал рецепт в тот день, когда эта женщина была отравлена лошадиной дозой морфина.

Круглое лицо Улански покрылось сетью морщин.

– Кажется, за ним что-то числится, – задумчиво проговорил он. – Я почти уверен в этом. А что с формой С2-22?

– У Квигга она имелась. Доктор же утверждает, что ее выкрали из его офиса и что он никогда никому не прописывал морфин.

– Подпись?

– В лаборатории сказали – все возможно, поскольку вместо подписи Шелтон ставит загогулину, которую легко подделать.

– Но это может быть и *его* загогулина, – сказал Улански.

– Может, – согласился Докерти. – Я и раньше ошибался.

– Да... с частотой солнечных затмений.

Докерти воспринял комплимент с усталой усмешкой.

– Мне надо прижать фармацевта, Тед, – сказал он. – Этот тип юлит, не говорит начистоту. Мне кажется, предложи ему хорошие деньги, и он раскроет все шлюзы.

– В таком случае можно посмотреть картотеку и справиться у компьютера, – предложил Улански. – По-моему, на нем что-то висит. – Он помолчал и продолжал доверительно. – Док, знаешь, если мы ничего не найдем на него, можно еще кое-что придумать, и это отлично сработает. Еще лучше. Не хочешь?

Докерти сжался, „затем встал и медленно отошел в дальний конец комнаты. Улански хотел было что-то добавить, но решил смолчать. Докерти, положив руку на шкаф, с минуту молчал, глядя на стену, затем резко сказал: – Знаешь, Тед, за все годы работы в органах я ни

разу никого умышленно не подставил. Если я пойду на это сейчас, то лишь для того, чтобы оправдать ошибки, которые я уже совершил. – Он встряхнул головой и повернулся к Улански. – Я не хочу идти на это, Тед. Пускай я запутался и из-за меня этот доктор натерпелся невесть чего, но я не пойду на это. – Улански кивнул в знак согласия. – Послушай, – продолжал Докерти, – проверь все, что может иметь хоть малейшее отношение к Квиггу. Завтра утром первым делом позвони мне. Если я ничего не разужнаю и ты ничего не разужнаешь, мы обмениваемся впечатлениями.

– Не беспокойся, Док, – озлобленно произнес Улански. – Если Маркус Квигг всего лишь облил сиденье в общественном туалете, я достану его. И выкинь на время его из своей башки.

* * *

– Это был выход на нужную нам улицу. Я сказал – Дом номер сто двадцать семь, – произнес Дэвид, который сидел, закутавшись в армейское одеяло и прислонившись к двери, на переднем сиденье. Он недовольно посмотрел на Кристину и быстро отвернулся, чтобы та не заметила.

– Извините, – сухо ответила она. – Моя голова забита посторонними вещами. – На следующем повороте Кристина развернулась и поехала обратно. Машин почти не было видно, но она настолько была поглощена собственными мыслями, что стрелка спидометра замерла на отметке "пятьдесят миль в час". Какое-то время они ехали молча, и каждый ощущал возрастающее напряжение.

В конце концов первой не выдержала Кристина. Она въехала на грязную стоянку около заколоченного досками ресторана-закусочной и резко повернула голову, глядя ему прямо в глаза.

– Послушайте, может, это не очень хорошая идея? Не лучше ли нам вернуться?

Дэвид уставился в окно, стараясь вникнуть во все то, что рассказала ему Кристина о существовании "Союза ради жизни". Невероятно!.. Она только в общих чертах обрисовала движение, пообещав сообщить подробности утром. Но и от того, что она поведала, захватывало дух. Тысячи медицинских сестер! Одна из них

Дороти Дельримпл! Дэвид слушал, закрыв глаза, и его голова раскалывалась от этого странного и спокойного голоса, раскрывающего тайны, не оставлявшие камня на камне от той больничной системы, которой отданы многие годы его жизни.

Он опять почувствовал себя плохо – давали о себе знать проклятая усталость и злость.

Кристина поняла, его состояние, но уже не могла сдержаться.

– Черт возьми, Дэвид, я как могла объяснила вам, что произошло. Я не жду вознаграждения, но и ледяное молчание меня не устраивает.

– А что вас устраивает? – раздраженно спросил Дэвид.

– Понимание, – тихо ответила она.

– Боже мой! Она убила моего пациента, отправила меня самого в тюрьму, из-за нее у меня на руках погиб мой друг, а ей еще нужно понимание! И... в довершение всего этот ваш "Союз"! Какая безумная, самонадеянная...

– Дэвид, я рассказала о "Союзе ради жизни", поскольку решила, что вы заслуживаете того, чтобы знать правду. В моем доме вы слушали внимательно и пытались хотя бы понять. А сейчас заползли в свою скорлупу время от времени вылезаете из нее лишь за тем, чтобы огрызнуться. Говорю вам в последний раз: я не желала вашего ареста. О нем я ничего не знала, пока не прочла газеты. Должно быть, к этому причастен "Союз", и это меня очень печалит. Я вступила в это движение, руководствуясь его призывами к милосердию. Теперь, я вижу, что он причастен к тем ужасным преступлениям... против вас, против Бена и еще одному Богу известно, против кого. Знай все заранее, я ни за что не допустила бы такое. С какой стати, по-вашему, я создалась во всем Бену?

Она замолчала, ожидая его ответа, но Дэвид молча глядел в окно.

– Я рассчитывала на вашу помощь, – продолжала она, – но теперь поняла, как это было глупо. Вы имеете полное право сердиться на меня. Полное право ненавидеть меня. Я отправляюсь домой.

Она отвернулась и включила двигатель. Дэвид протянул руку и выключил его.

– Подождите, пожалуйста. Я... извините меня, – запинаясь, произнес он. – Я вслушивался в собственные горечь и гнев, пытаюсь понять, откуда они взялись. Я думаю, во мне заговорила боль, депрессия или даже страх, но я начинаю думать, что здесь нечто

другое. Вы мне нравитесь... возможно больше, чем я хотел бы признаться в этом самому себе. Вот, собственно, что стояло за этим. Я не хотел верить, что вы как-то имеете к этому отношение. А теперь вы заявляете, что *были* частью всего этого, и вместе с тем просите, чтобы я верил, что вы ничего не знали о тайных делах вашего «Союза». Как вам сказать... хочется верить в это. Да. Но... – Он замолчал, подыскивая нужные слова. Сколько из того, что она ему рассказала, осело в его голове? – Послушайте, – продолжал он, – я абсолютно измотан. Я не могу ни на чем сосредоточиться. Давайте заключим на ночь перемирие и доберемся до загородного дома Розетти. Утро вечера мудренее. О'кей?

Кристина вздохнула.

– О'кей, перемирие. – Она нерешительно протянула ему руку. Он сжал ее в ладонях, чувствуя, как от этого теплого прикосновения опять путаются все мысли. Почему вышло так, что это она? Почему? Один и тот же вопрос, как заклинание, вертелся в голове, заставляя сладко закрываться глаза и успокаивая смятение в груди. Он еще успел услышать, как включился двигатель, "мустанг" выехал на шоссе и, не в силах больше сопротивляться крайней усталости, заснул.

– Дэвид?.. Простите, пора просыпаться. – Кристина отдернула одеяло от его лица, дожидаясь, когда он откроет глаза. – Вам лучше?

– По сравнению с покойником – да, – пробормотал он, отбрасывая одеяло и всматриваясь в ветровое стекло. Они стояли на обочине узкой дороги в крошечной тьме. – Где мы?

– Мы заблудились, – просто сказала она.

Ее неожиданный юмор ускользнул от внимания Дэвида. Он сердито взглянул на нее и, заикаясь, ответил.

– Но... нам туда не надо. Я думаю, это следующий поворот направо... или налево?

– Или... – она рассмеялась.

– Который сейчас час?

– Чуть больше двух. Мы были точно в указанном на чертеже месте, но внезапно минут пятнадцать назад ориентиры стали пропадать, – объяснила она, протягивая ему план, нарисованный Джоом.

Дэвид опустил боковое стекло и глубоко вдохнул. Холодный и сладковатый воздух, очищенный четырехдневным ливнем, был напоен

осенними запахами. Дорогу впереди окутал сплошной туман. Сделав несколько вдохов, он почувствовал соленый привкус и услышал отдаленное грохотание, похожее на шум бесконечно мчащегося поезда.

– Мы миновали Глочестер? – спросил он.

– Да, как раз перед тем, как заблудиться.

– Вы все сделали прекрасно, Кристина, – улыбаясь, сказал он. – Вон там, за лесом, океан. Судя по всему, мы высоко над ним. Я уверен, мы вблизи Чертовой собаки – места, которое Джой отметил как "скалы".

– Вблизи чего?

– Чертовой собаки. Видите ли, я... впрочем, неважно. Завтра все объясню. Если допустить, что я в состоянии разобрать план, а других дорог между нами и океаном нет, то мы вблизи поворота на Роки-пойнт. Я голосую за то, чтобы ехать вперед.

Она осторожно направила "мустанг" снова на дорогу и в темноту.

Через четверть мили дорога резко свернула вправо, и вскоре они выехали из леса. От открывшейся панорамы захватывало дух. Крутой обрыв, усеянный деревьями и крупными камнями, терялся далеко внизу в черной пучине Атлантики. Прямо над их головами тучи разошлись, и засверкали звезды и желтый полумесяц в виде ятагана. Кристина остановила машину у обочины и выключила двигатель.

– Даже если бы мы не знали, где находимся, нам бы все равно не заблудиться, – мягко проговорил Дэвид. – Видите эту темную массу по другую сторону бухты? Я думаю, что это Роки-пойнт.

Кристина не ответила. Она вышла из машины, подошла к самому краю обрыва и застыла – статуя из черного дерева на фоне иссиня-черного неба. Когда она повернулась, в ее глазах блеснули слезы. Остальную часть пути они преодолели, не проронив ни слова.

Укромное местечко, как назвал его Джой, представляло собой великолепное шестигранное здание из стекла и красного дерева, приютившееся на краю скалы.

– Дэвид, как красиво! – прошептала она.

– Входите в дом и располагайтесь, – сказал Дэвид. – Я следом за вами.

– Вам помочь?

Дэвид отрицательно махнул рукой, но потом засомневался, доберется ли он без посторонней помощи до дому. Он вылез из

машины и встал на костыли. Сразу все поплыло у него перед глазами. Тем не менее, ему удалось добраться до небольшого крыльца главного входа. В течение многих часов напряжение и нервная энергия помогали ему бороться с болью и последствиями переохлаждения, но и они иссякли. Он попытался ухватиться за поручни, но его развернуло, и он рухнул на землю. Кристина бросилась к нему, помогла встать и пройти в дом.

Огромные окна, из которых открывался красивый вид, и высокие балочные перекрытия слились для Дэвида в туманные размытые очертания, когда Кристина вела его мимо большого камина в спальню. Едва она уложила его, как зазвонил телефон.

– Ответьте, а со мной порядок, – сказал он, закрывая глаза. – Это, вероятно, Джой.

Он еще слышал, как Кристина вышла, и попытался бороться с надвигающейся темнотой, но к тому времени, когда она вернулась, эта битва была им почти проиграна.

– Дэвид, вы не спите? – спросила Кристина и, заметив, как он качнул головой, продолжала. – Вы оказались правы, это Джой. Он проверял, добрались ли мы в целости и сохранности. Пожалуйста, кивните, если вы меня понимаете. Идет? Хорошо. Он звонил своим друзьям из полиции. Никто ничего не слышал об аресте Леонарда Винсента. Все в Бостоне ищут вас, а Винсент, должно быть, сбежал из больницы прежде, чем его хватились. Джой сказал еще, что наведет справки и позвонит нам сегодня вечером или в субботу утром. Пока мы находимся здесь, нам нечего беспокоиться. Но он предупредил, чтобы мы были осторожны на обратном пути... Дэвид?

На этот раз Дэвид ее уже не слышал.

* * *

Через два часа Дэвид проснулся, смутно представляя себе, где он находится.

Он был раздет и накрыт одеялом, а распухшая нога покоилась на подушке. Рядом лежал пластиковый мешок с водой, выполнявший роль импровизированного компресса.

Он приподнялся на руке и посмотрел в окно величиною во всю стену. Безбрежное море звезд заполнило чистое ночное небо.

Из соседней комнаты послышался слабый крик. Дэвид схватил костыли и заковылял из спальни. Кристина спала на кушетке в общей комнате. Послышался еще один вскрик. Дэвид шагнул, чтобы разбудить ее, но потом передумал. Ее можно разбудить на минуту, десять минут или даже час, а что толку. От кошмаров, как он знал по собственному опыту, не так-то легко избавиться.

Глава XX

Шипение и аромат жарящейся грудинки заставили Дэвида очнуться от глубоко сна и отрешиться на некоторое время от ужаса минувшей ночи.

Солнечный свет, изолированный от океанского бриза широкими окнами, залил комнату, и на душе у Дэвида стало неправдоподобно легко. Солнце! Он открыл глаза и зажмурился от яркого сияния. Как хорошо на воздухе после недельной монотонной серости и сырости, в которую погрузился весь мир! Как хотелось прикоснуться к светло-голубому небу!

Рука, неумело перевязанная Терри, ныла, но можно было терпеть. Он высунул ноги и пошевелил больным голеностопом. Тупая боль, но ничего, тоже терпимо. Странно, но с этой болью приходило успокоение, подтверждение того, что, если страдаешь, значит, еще живешь. От этой мысли он усмехнулся. Сколько раз он встречал пациентов, которые чуть ли не радовались тому, что чувствуют боль! Впредь он будет более чуток к людям.

Кристина зашумела на кухне, и неожиданно из радио полилась музыка. Классическая музыка! Телеманн? Точно, он. Сытная пицца плюс шесть бездумных часов без ТВ ясно указывали на то, что это Телеманн. Лежа, он вспоминал и об этой женщине, и о ее фантастическом рассказе. Прошлой ночью он был просто в бешенстве. Так разозлился, как никогда в жизни. И вот теперь, слушая музыку и наслаждаясь утренним светом, он начинал понимать, что во многих отношениях она, попав в круговорот кошмарных событий, так же невинна, как и он. Да, это правда, что она дала морфин Шарлотте Томас. Но каким образом она могла предугадать все последующие события? Он должен верить ей. Ради сохранения собственного рассудка он обязан верить ей.

Дэвид закрыл глаза, ощущая радость от прекрасного наступившего дня, затем взял костыль и вышел, ковыляя, из спальни.

Кухня, отделенная от жилой комнаты и столовой большой стойкой, находилась на западной стороне шестиугольного дома. Кристина стояла у раковины, взбивая в чашке тесто для оладий.

Дэвида словно обдало теплой волной. Даже от полуденного солнца в доме не было бы так светло, подумал Дэвид. Она распустила светлые волосы, подвязав их лентой, и теперь они ниспадали на плечи. Светлосиняя мужская рубашка, завязанная внизу, эффектно подчеркивала ее грудь, обнажая загорелую поясницу. На ее роскошных ногах джинсы сидели как влитые.

Наблюдая за ней, Дэвид ощутил покалывание в груди.

– Привет, – небрежно поздоровался он, стараясь казаться беззаботным.

Она обернулась и сказала:

– Я никак не могла решить, будить ли вас или подождать, рискуя завтраком. Потом избрала способ труса и включила радио. Вы выспались?

Дэвид внимательно посмотрел на нее. Хочет ли она продолжить перемирие, чтобы потом поговорить серьезно в удобное для нее время и удобным для нее способом?

– Отлично выспался, – сказал он. – Спасибо за то, что вы меня уложили.

– Я боялась, что вам моя инициатива придется не по вкусу, – призналась Кристина, кладя взбивалку на стол и подходя к нему.

– Единственное возражение – жаль, что я отключился в это время, – сказал он. Она засмеялась, и тогда он решил, что будет выдерживать беззаботный стиль, а по душам они поговорят, когда она созреет для такого разговора. – Послушайте, я не могу помочь? Я умею здорово готовить... пищу любого рода, где главный ингредиент – вода.

– Я контролирую обстановку. Вы можете разжечь огонь. В этой стороне дома холодновато. Дрова уже лежат в камине. Днем, если вы очень хотите, можете приготовить обед.

– Разумно, – сказал он, направляясь к очагу.

Вернувшись к раковине, Кристина услышала его мурлыканье.

– Может, тарелка хорошего супа и картофельное пюре... или вяленое мясо в белом винном соусе... – Молча она поблагодарила его. Горькая усмешка мелькнула на ее лице, когда она припомнила слова Дотти Дельримпл. "Дегенерат", – обозвала она его. "А кто нам дал такое право? – подумала Кристина. – Кто мы такие, чтобы взвешивать ценность человеческой жизни? Мы, настолько сильно уверовавшие в

собственную приверженность поставленным целям, что готовы по своему усмотрению оборвать ее. Кто дал нам такое право?"

Она перевела взгляд туда, где у разгоравшегося огня сидел Дэвид, подложив под больную ногу подушку.

– Помоги мне преодолеть это, Дэвид, – прошептала она. – Помоги мне преодолеть ад, в который я толкнула тебя. Я знаю, что прошу слишком многого, но пожалуйста, пожалуйста, помоги...

* * *

"Джип" Джоя Розетти был стар телом, но не сломлен духом, несмотря на многие годы. Сидя рядом с Кристиной, Дэвид с восхищением следил за тем, как ловко она управляет с рычащим зверем, объезжая валуны и грязные лужи на крутом склоне, ведущем к океану.

Утро они провели в малосодержательной беседе, изредка касаясь ужасов, которые связали их судьбы. Когда Кристина предложила провести пикник на побережье, Дэвид начал было возражать, настаивая на том, что в первую очередь надо обсудить сложные вопросы, стоящие перед ними, но потом быстро сообразил, что он тоже хочет, чтобы эта передышка продолжалась, а серьезный разговор подождет.

Каменистая грязная дорога вилась среди зарослей сливы, шиповника и чахлой сосны и вскоре перешла в сплошные резкие повороты.

– Может быть, лучше вернуться назад и поискать другой путь, – предложил Дэвид.

– Может быть... – отчаянно трясясь, она направила машину по предательской петле, казавшейся ему непреодолимой. – Спорю на фруктовый пирог, что достигнем цели.

Вскоре заросли начали попадаться только с одной стороны. Но вот последний крутой поворот, и они выскочили на овальную площадку не больше ярдов тридцати – бело-золотистый медальон идеальной формы на груди Атлантики. Кристина затормозила, подняв облако пыли. Когда смолк шум двигателя, они сели, наслаждаясь тишиной и красками.

– О чем?.. – наконец спросил Дэвид.

– Я думаю?

– Ага.

– Начистоту?

– Начистоту.

– Лично я решала, на каком месте лучше всего расстелить одеяло и приняться за еду.

– И все?

– И все. – Она взяла пакет с едой, одеяло и, скинув туфли, прыгнула на песок. – После трапезы поговорим, а? – Он кивнул. – Ну, вы идете?

– Минутку. Я следом.

Тень пробежала по лицу Кристины и пропала. Радостно вскрикнув, она принялась бегать по берегу.

Дэвид откинулся на сиденье, испытывая неприятное ощущение в груди. Дискомфорт не проходил, а, наоборот, усиливался. Он принялся ломать голову, что бы это могло означать, и потом понял – его затягивает ее мир, ее жизнь, и с каждой минутой это волнует его больше и больше. Волнует эта женщина, чьи поступки и чья гордость ввергли его в пучину страданий и фактически привели к смерти его друга. Волнует женщина, которая призналась в убийстве, эта женщина, попавшая в безнадежную ситуацию...

Это безумие, подумал он. Полнейшее безумие. Эту женщину ничто не ждет впереди – за исключением, возможно, тюрьмы. За скандалом ареста и суда – никакого будущего. Лорен щедро наделена от природы... талант, красота, целеустремленность, уверенность в себе. А что имеет Кристина Билл?

– Дэвид? – голос Кристины испугал его, и на миг он потерял ее из виду. Потом вдруг заметил через ветровое стекло. Она, положив локти на капот, изучающе смотрела на него. – Как настроение?

– Настроение? Лучше не придумайшь, – соврал он.

– Хорошо. А я вот думала, вы впали в транс или в депрессию из-за того, что я забыла про вас и приготовила обед сама. Как бы там ни было, он готов.

Дэвид кисло улыбнулся, сполз с сиденья и заковылял по песку к тенистой нише, где она расстелила одеяло.

Они молча принялись уничтожать все то, что обнаружила Кристина в кладовке – сардины, маринованные артишоки, вареные

яйца, черные маслины, вермишель с сыром и португальский сладкий хлеб.

– Восхитительно! – насытившись, воскликнул Дэвид. – Разыграем последний артишок?

– Нет, спасибо, уже некуда. Он ваш, – она помолчала и, почти не меняя тона, продолжала. – Шарлотта не умирала от рака, ведь так? – скорее это походило на изложение факта, чем на вопрос.

Хватит изображать из себя средневекового рыцаря, подумал Дэвид. Неторопливо, пытаясь выиграть время для ответа, он опустил вилку в пустую банку и поднял голову.

– Вы имеете в виду результаты вскрытия, – сказал он. Она Проглотила комок, застрявший в горле, и кивнула. – Ну что же... простым ответом на ваш вопрос будет, вероятно, "нет". Вскрытие не обнаружило очевидного рака, хотя он мог бы развиваться через полгода, год или даже два. Вот мой ответ на ваш вопрос.

Кристина хотела что-то сказать, но закусила губу и отвернулась. Без всякого предупреждения, неожиданно для самого себя, Дэвид резко произнес:

– Черт возьми, Кристина, не мучьте себя. Если вы хотите докопаться до истины, а я думаю, что хотите, – взгляните на дело со всех сторон, а не только с той, которая усугубляет вашу вину. Либо мы избираем жесткий подход под любым углом, либо все завершается на пустопорожней болтовне. Понятно?

Кристина с отсутствующим взглядом хрипло произнесла:

– Я чувствую себя никому не нужной... Я так всего боюсь... У меня нет никакой надежды.

Опять эти же слова. На этот раз Дэвид отвел глаза в сторону. Он не мог отделаться от чувства, что она права. Что ее *ожидает* впереди? Потом он подумал о Лорен. «Для украшения своей жизни» так как-то охарактеризовал он ее отношение к нему. И с ней он расстался.

В этот момент потухшие в его душе искры гнева вспыхнули вновь. Кристина Билл сделала свой выбор, и в результате этого выбора пострадали и даже погибли люди. Теперь она чувствует себя никому не нужной. Не получила ли она то, чего заслужила?

А что она заслужила? Ведь немало коллег из Бостонской больницы решили, что и *его* заслуженно арестовали и вышвырнули с работы. Разве у него больше прав судить ее, чем у них?

Он протянул руку и взял ладонь Кристины. Их пальцы крепко сплелись. Он почти физически чувствовал ее отчаяние.

Повинуясь внезапному порыву, он сложил руки на груди, приняв профессиональную позу.

– Скажите-ка, когда вы перестанете считать, что имеете исключительное право на установление такого диагноза?

– Какого диагноза?

– Безнадежность. Перед вами, может быть, ведущий в мире эксперт по этому вопросу, а вы имеете смелость ставить себе диагноз, не обратившись к нему за консультацией? Так не пойдет. Это дело мое. – Постепенно опустошенность в ее глазах начала исчезать. – Мы должны провести инвентаризацию, – продолжал он. – Во-первых, основы. Я вижу десять пальцев на руках и ногах плюс две детали, которые присутствуют там, где им положено быть. Они в рабочем состоянии, мисс? – Она подавила смешок, кивнув головой. – Пока это звучит не безнадежно. Вы случайно не знакомы с классическим исследованием, проведенным в Цюрихе, по этой теме? Они измеряли безнадежность по шкале от нуля до десяти у свыше тысячи респондентов, половина из которых была еле жива, а другая излучала оптимизм. Показатель безнадежности в десять был принят за абсолютный. Вы способны угадать результат такого исследования? – Теперь она уже смеялась. – Не можете? Хорошо, я отвечу. Между двумя группами было выведено заметное различие. Так вот, у группы полумертвых он оказался равен десяти, а у остальных нулю. – Он почесал подбородок и оглядел ее с ног до головы. – Извините, мисс. Правда, извините меня, но боюсь, что как бы вам того ни хотелось, но вам далеко до безнадежных. Спасибо за то, что пришли. Счет я вам пришлю по почте. Следующий.

– Спасибо, – она широко раскинула руки, обняла его за шею и прикоснулась губами к его щеке. – Спасибо за консультацию. – Потом откинула голову, глядя прямо на него. Поцелуй произошел так естественно... нежное, приятное прикосновение, которое никто не хотел прерывать. Прошла минута, вторая, наконец, она отстранилась от него.

– Все пошло не так, – тихо произнесла она. – А началось хорошо, но потом... наступило безумие. Почему, Дэвид? Скажи мне. Как, черт возьми, отныне я смогу доверять своим чувствам? Ведь то, во что я

верила всей душой, оказалось ложью. – Она опустилась на песок, глядя на воду Атлантического океана.

– Ты хочешь знать, почему? – спросил он, садясь рядом. – Потому что ты не идеальна, вот почему. Потому что никто не идеален, вот почему. Потому что любое уравнение, включающее в себя человеческие существа, неразрешимо, или, по крайней мере, не решается дважды. Я верю в эвтаназию не меньше, чем ты. И верил всегда. Что касается меня, то это совершенно правильная идея. Вся загвоздка в том, что каким-то образом я пришел к пониманию того, что, хотя это совершенно правильная идея, просто не существует правильного пути ее реализации. Рано или поздно человеческий элемент, непредсказуемый и неконтролируемый фактор X, поднимает свою безобразную голову и... *бац*, все рассыпается.

– И невинные люди умирают, – сказала она.

– Крис, я вот что скажу тебе. Когда дело касается смерти, мы все невинны. Вот в чем проблема. Кто-то в вашем "Союзе..." возможно, даже эта Пегги... подхватила хорошие и честные убеждения чудесных, реалистически настроенных сестер и украла их. Опять же мы сталкиваемся с человеческим фактором. Деньги, жадность, похоть, фанатизм. Кто знает, что заставляет звучать особые струны, скрытые внутри каждого, и понуждать его к действию? Ты собиралась рассказать о деятельности "Союза" или, по крайней мере, кто-то так решил. Оказалась затронута эта струна, и безумные... неразумные решения приняты.

– Когда-то я слышал одну загадку, – продолжал Дэвид. – Одного человека спросили, как он поступит, если ему дадут здорового, только что родившегося ребенка и скажут, что, убив его, он избавит от болезней все человечество. Одному человеку в вашем "Союзе" удалось для себя найти решение этой загадки. Бен, ты, я... никого из нас они не ставят выше своих идеалов. Индивиды приносятся в жертву наивысшему благу. Такое случалось всегда и во все времена.

– Это ужасно.

– Может быть. Но более важно то, что это свойственно человеку. Ты можешь взвалить на себя бремя ответственности за мои страдания или даже за смерть Бена, если хочешь, но тебе будет ужасно тяжело, потому что ты поступала сообразно своей вере, доверяя людям и допуская, что они также чисты и тверды в своей вере, как и ты. – Тебе

самой решать, Крис. Они огромны, кардинальны, неуютны Богу, эти решения. Если хочешь, я помогу тебе. Но не думай, что я буду стоять рядом с тобой и держать спичку, когда ты начнешь обливать себя бензином. Мне... мне это далеко безразлично.

Она медленно повернулась к нему. Ее глаза, не отрываясь, глядели ему в глаза, а руки коснулись его лица. Их губы слились в долгом, горячем и сладком поцелуе. Само собой вышло, что они опустились на песок и начали раздевать друг друга. Мир, раскинувшийся за пределами этого пляжа, отступил на второй план. Дэвид поцеловал ее в глаза, затем зарылся носом в ямочку на шее. Ее руки, ласкающие его тело, вызвали в ней новое, ни с чем не сравнимое чувство, заставляя трепетать и его.

С каждым поцелуем, с каждым прикосновением страх и одиночество, накопившиеся внутри них, пропадали. С каждым новым ощущением стиралось чувство безнадежности.

Лицо Кристины отливало золотом в лучах заходящего солнца, когда она легла на Дэвида сверху. Сначала руками, потом языком он начал ласкать ее твердые груди.

Она улыбалась, когда опустила руки, чтобы направить его восставшую плоть внутрь себя.

– Барбара, перестань ворчать и давай имена. Дальнейшее – моя забота.

– Но...

– Пожалуйста, имена, – резко повторила Маргарет Армстронг, теребя по привычке кусок ткани в руке и стараясь успокоиться.

Барбара Литтлджон колебалась. Пульсирующая боль, которая началась во время полета из Лос-Анджелеса, усилилась. Наконец она раскрыла плотную папку и одно за другим положила письма на стол кардиолога.

– Руфь Серафини, – сказала она. – Вышла как из совета директоров, так и из движения в целом. Говорит, что вы в праве поступать, как считаете нужным, но лично она отказывается от дальнейшего сотрудничества.

– Не прислала мне даже копии, – пробормотала Пегги, пробегая письмо и отбрасывая его в сторону.

– Сюзан Бергер, – продолжала Барбара. – В основном то же, что у Руфь, но заявляет, что, если не будут приняты самые решительные

меры, она собирается ограничить все операции "Союза" в Северной Калифорнии. Отрицательное отношение к новым делам, а также рекомендации по поводу того, чтобы приостановить все пожертвования в фонд Клинтона.

Пегги положила письмо на кучу других, даже не читая его.

– Сюзан прислушивается к голосу разума, – отдельно проговорила она, взвешивая возможность использования пяти или шести магнитофонных записей, хранящихся в цокольном сейфе. Без всякой ссылки на "Союз ради жизни" на этих пленках записаны холодящие душу признания. – Она слишком амбициозная женщина, чтобы не прислушаться к голосу разума. – Пегги расправила кусок материи и рассеянно потерла его пальцами.

Барбара Литтлджон, макияж который не мог скрыть бледность натянутого лица, вручила третье письмо.

– Оно меня огорчило больше всего, – сказала она. – Это от Сары.

"Проклятье!" – выругалась про себя Маргарет Армстронг.

– Она говорит, что пересмотрит свое решение, если мы проведем тщательное расследование, связанное с участием "Союза" или его членов в смерти Джона Чепмена и сенатора Кормиера. Оба умерли в этой больнице. Пегги, мы ничего общего не имеем с...

– Конечно, нет, – подхватила Пегги. – Джон Чепмен был другом Сары. Естественно, она огорчена. Тело сенатора Кормиера было вскрыто, и по этому поводу уже прошла серьезная дискуссия. Я тоже приняла в ней участие. Он страдал от расширения венечной артерии, и во время операции у него не выдержало сердце. Вот и все. Тут и говорить не о чем.

– Я так рада, – облегченно произнесла Барбара. – Пегги, не знаю, что бы я делала без тебя. У меня такое чувство, словно все рушится... распадается на части.

– Ерунда. Ты прекрасно работаешь. Наш "Союз" не только прожил сорок лет – он разросся. Отдельная ситуация, вроде той, в которую попал этот Шелтон, может уколоть нас, но не поколеблет нашей солидарности. Оставь мне эти письма. К концу дня я буду контролировать обстановку.

– Спасибо, – сказала Барбара, беря Пегги за руку. – Спасибо, – повторила она и вышла из комнаты.

«Подушкой, дитя мое. Просто положи ее мне на лицо и крепко нажми. Все произойдет очень быстро». Они пытаются уничтожить меня, мама. Они пытаются уничтожить наш «Союз». Маргарет Армстронг закрыла глаза еще до того, как захлопнулась наружная дверь за Барбарой. Воспоминание о том далеком вечере... больничной палате... страдании на лице ее матери – внезапно они вновь стали реальными.

«Мама, я...» Пожалуйста, мама. Пожалуйста, не заставляй меня опять проделать это.

«Я люблю тебя. Если ты меня тоже любишь, ты не допустишь, чтобы я так страдала. Все говорят, что я безнадежна... не допускай новых страданий для твоей мамы...»

«Я люблю тебя, мама. Я люблю тебя», – шептала Пегги Доннер заветные слова в то время, как Маргарет Армстронг наблюдала и слушала, беспрестанно теребя пальцами кусок материи.

«Я люблю тебя, мама...» произнесла Пегги, кладя подушку на узкое лицо и нажимая на нее с силой, на которую только была способна.

Маргарет видела, как движение под простыней ослабло, затем совсем прекратилось. Ее трясло, когда та девушка из прошлого отняла подушку и поцеловала мертвые губы своей матери. Она посмотрела на мать так, словно видела ее впервые.

И на этот раз испытание было выдержано.

Джон Докерти мерил шагами неубранную заднюю комнату аптеки Маркуса Квигга. Поодаль с ничего не выражающим лицом сидел Тед Улански, Вот уже битых два часа они допрашивали с пристрастием Квигга после того, как обнаружили в его записях множество неувязок, достаточных, по крайней мере, для того, чтобы лишить его лицензии. Предположение Докерти оказалось правильным, и не понадобилось сфабриковать доказательства против фармацевта, нечистого на руку. Несколько часов, потраченных на проверку рецептов и обзванивание ряда докторов, дали им такой сильный козырь, который должен был поставить Квигга на колени и молить о пощаде, но маленький человек оказался на удивление крепким... или запуганным.

– Мистер Квигг, – раздраженно продолжал Докерти, – начнем все с самого начала. Детектив ткнул пальцем себе в ладонь, на которой лежала стопка фальшивых рецептов Квигга. Перед допросом они с

Улански договорились, что Докерти играет роль грубого бездушного полицейского, а Улански ждет, пока не почувствует, что напряжение достигло пика, и тогда придет ему на помощь как странствующий рыцарь.

– Как скажете, – промямлил Квигг, пуская дым кольцами и старательно избегая смотреть в глаза Докерти. Со своего удобного места Тед Улански не мог не заметить, как впервые за все время допроса у Квигга задрожали руки. Осталось ждать недолго.

– Да сколько раз можно жевать одно и то же, – заорал Докерти. – Эти бумаги говорят мне, что ты по меньшей мере жулик. В худшем случае – грязный торговец наркотиками, который зарабатывает свой хлеб, толкая отраву детишкам. Так вот, либо ты говоришь нам, кто заплатил тебе за подставку Дэвида Шелтона, либо я позабочусь, чтобы твою лицензию порвали и запихнули тебе в глотку на первый твой завтрак в тюрьме. Уловил?

Квигг стиснул зубы и только сильнее задрожал.

Краем глаза Докерти заметил, как Улански кивнул. Время финала. Он сжал челюсти и сквозь зубы проговорил:

– Мне нужно имя, Квигг, и оно мне нужно сейчас. В противном случае тебя ждет камера. И поверь, такой аппетитный маленький кусочек придется по вкусу ребятам в Уолполе. Через неделю твой задний проход настолько увеличится от постоянного траханья, что ты станешь накладывать в штаны при каждом шаге, – громыхал голос лейтенанта. – Имя, Квигг... я хочу знать имя!

– Хватит! – как удар хлыста прозвучал голос Улански. Пепельно-серое лицо Квигга резко повернулось к нему. Специалист по борьбе с наркотиками вклинился между ними как рефери в профессиональном боксе. Он выставил перед собой руку, которую Докерти отбросил резким движением. В его голове мелькнула даже мысль, что ирландец не подыгрывает ему. – Джон, остынь. Твой необузданный темперамент и без того принес тебе массу неприятностей, так что возьми себя в руки. – Он повернулся, доброжелательно глядя на Квигга, и с удовлетворением заметил, что бледность исчезла с его лица.

– Маркус, я хочу помочь вам найти выход. Я действительно хочу помочь, – продолжал он, стараясь как можно более убедительно произносить каждое слово. – Вы обязаны понять, какой выбор стоит перед вами. Только подумайте: ваша карьера, ваша свобода и ваше

здоровье поставлены на карту против имени. Лишь имени. Лейтенант больше ни о чем не просит. Я понимаю, что вы боитесь за себя, если произнесете его, но только представьте себе, что с вами будет, если вы его не скажете. Все-таки детектив оставляет вам какую-никакую, но надежду. Разве оно не стоит того?

Улански впился в лицо мужчины. Он видел на нем страх и неопределенность, но не поражение... не долгожданную капитуляцию. Он посмотрел на Докерти и покачал головой.

– Я... я хочу говорить с моим адвокатом, – сказал Квигг.

Докерти в два шага пересек комнату и, схватив мужчину за лацканы пиджака, притянул к себе. – Ты ничего не получишь, пока я не получу ответа, – бросил он, потом с неохотой отпустил его. – Мы забираем тебя с собой, Квигг, – прибавил он. – Мы с тобой еще не наговорились. Давай, дрянь, пошли.

Маркус Квигг ощутил резкую боль в сердце и решил, что сейчас умрет на месте. Тонкая аневризма, которая развилась в сердце, казалось, больше не выдержит и разорвется. Он хотел сказать им с самого начала, что он никакой не жулик. Он хотел сказать им, что незаконные рецепты мало что значат... так, своего рода незначительная подмога, чтобы поддержать разваливающийся бизнес, никудышнее здоровье и жену, которая может остаться одна с четырьмя детьми. Он хотел сказать им, но не мог.

А впрочем, не все ли равно? Снова и снова он задавал себе этот вопрос, когда Докерти защелкнул наручники на его запястьях и вывел из аптеки. У этого Шелтона неприятности по работе, и у него они тоже. Большие неприятности. Ужасная боль в груди не утихала, и его лечащий врач сказал, что это может продолжаться год, месяц... или час – и что она ничем не может помочь ему. Поймет ли Докерти? Поймет ли Докерти, что потратив целую жизнь на то, чтобы жить по правилам, он получил взамен перепуганную жену, четверых ребят, которых необходимо кормить, да сгусток в груди, который может в любую минуту разорваться?

Квигг почувствовал, как в животе заурчало, а к горлу подкатил горький комок. Он хотел ответить им, а потом отправиться домой и лечь в кровать. Но он знал, что произойдет. Он знал, что деньги перестанут идти. Он знал, что дополнительные тысячи долларов,

которые ему были обещаны после того, как утихнет шумиха, никогда не попадут к нему.

Когда его швырнули на заднее сиденье машины детектива, Маркус Квигг молча проклял доктора Маргарет Армстронг за то несчастье, которое она навлекла на него.

* * *

Чашка кофе, душ вдвоем – и вдруг вечер превратился в кристальную ночь. Огонь березовых поленьев трансформировал жилую комнату Джоя в уютное гнездышко. Лежа на диване, Дэвид и Кристина неторопливо переговаривались, любуясь бархатистым небом.

– Красный шелк, – сказал Дэвид, щупая халат, который он извлек из гардероба Розетти. – Я никогда не относил себя к типам, любящим пощеголять в шелку, но ощущение, действительно, замечательное.

Кристина села, укутав халатом ноги.

– Дэвид, я хочу, чтобы ты знал, как много для меня значит этот день. – Он пристально посмотрел на нее. – Ты догадываешься, что я не стремлюсь... к этому, ведь так? – Он кивнул. Она заметила, каким напряженным стало его лицо, а глаза увлажнились. – Ни с того, ни с сего я почувствовала себя... эгоисткой... даже жестокой.

– Это ерунда.

– Нет, не ерунда. Я допустила, чтобы это случилось, зная наверняка, чем все обернется.

– По правде говоря, не ты одна, – хрипло сказал он.

– Нет, думаю, что нет... – она – помолчала, а потом продолжала. – Дэвид, утром я возвращаюсь.

– Подожди день, – торопливо сказал он, и они оба догадались, что он имеет в виду.

– Я не думаю, что это будет справедливо по отношению к тебе или ко мне. Я понимаю, что творится у тебя на душе. Я сама целый день только и думаю об этом. Просто голова идет кругом от фантазий, которых безумно хочется, и реальности, от которой не уйдешь. Остаться здесь даже еще на один день – причинить тебе еще больше страдания, когда я уеду. И без того тебе досталось от меня.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала, – отчаянно возразил он, понимая правоту ее слов и вместе с тем не в силах остановиться. – Это... это не безопасно. Прошлой ночью Джой говорил тебе об этом. В Бостоне Винсент разгуливает на свободе. Он разыскивает меня, пожалуй, и тебя тоже. Если мы вернемся, то прямиком попадаем в руки Докерти. А что мы ему скажем? Нет, нам нельзя пока возвращаться. Черт возьми, Крис, нам незачем возвращаться. Мы можем улететь. Прямо сейчас. Ночью. Можно добраться до Канады или... или Мексики. Я немного говорю по-испански. Мы могли бы открыть небольшую клинику где-нибудь. Вместе практиковать. Что толку теперь возвращаться обратно?

– Ничего не получится, Дэвид, – мягко возразила она, целуя его. – И тебе это прекрасно известно, так же, как и мне. Мой "Союз" натворил много ужасного. Я не успокоюсь, пока не попытаюсь остановить их. Я только надеюсь, что смогу отыскать способ не травмировать всех тех сестер, которые, как и я, верили...

– Проклятье! Должен быть другой путь! – Дэвид сжался, потом извинился за несдержанность и лег на подушку. Она права. Рационально, логически он понимал это. Окажись он на ее месте, он тоже говорил бы подобные вещи. Но в данный момент рациональное и логическое уступило место эмоциям.

– Послушай, – сказал он, – может, отыщется другой путь. Может быть, мы отправимся куда-нибудь, где спокойно, и пришлем оттуда твою информацию Докерти или... или доктору Армстронг. Да, в первую очередь доктору Армстронг. Она мой друг, и с тех пор, как начался этот кошмар, помогает мне. Если кто поможет нам убедить власти в существовании "Союза", так это она. – Эта мысль очень понравилась Дэвиду, и он воодушевленно продолжал. – Крис, эта женщина подходит идеально. Да ты сама все слышала в ту ночь на Юге-4. Она очень решительно настроена против эвтаназии. Если кто-то, обладающий таким же весом, что и доктор Армстронг, выступит против них, входящие в "Союз" могут придти к выводу, что настало время навсегда прикрыть организацию. Мы могли бы ей написать, а она...

– Дэвид, прошу тебя... Не делай этого!

– Нет, погоди, дай мне высказаться. Дай мне только договорить. Шарлотта Томас желала смерти. Насколько нам известно, она решила

умереть во что бы то ни стало. О... может, она промучилась бы еще с неделю, а может, несколько дней, но она приняла твердое решение умереть. – Внутри Дэвида мысленный голос начал нашептывать ему, чтобы он прислушался к неубедительности того, что говорит, к давлению, которое он оказывает на нее. Но этот призыв остался без внимания-. – На основании всего того, что тебе известно об этой женщине, разве ты не думаешь, что лишь помогла ей сделать то, что ей самой было не под силу? Обдумай все хорошенько. День, другой. Больше я ни о чем не прошу. Мы отыщем другой путь или, когда вернемся, будем вместе решать, что делать дальше. Будь что будет. Давай хотя бы подождем, что скажет Джой. Не исключено, что в конце концов он установит, что Винсент сидит в тюрьме.

Она прикрыла глаза и сильно прижалась к нему. В наступившей тишине в ее воображении возникла сцена, которую только что нарисовал Дэвид: пыльная деревушка, удобно раскинувшаяся у подножья скалистых гор. Она даже увидела их клинику – белое глиняное здание в конце грязной улицы – и ощутила теплоту и безмятежность их жизни... ощутила спокойствие, которое придет от того, что она посвятила себя такому призванию и такому человеку.

Кристина крепко сжала губы, кивнула и ответила.

– Хорошо. Еще один день. Но никаких обещаний.

– Никаких обещаний. – Он только на миг ощутил радость победы, но тут же понял, что давно знал заранее: до тех пор, пока им не удастся найти по-настоящему удовлетворительного выхода из создавшегося положения, он не даст ей сбежать.

В полной гармонии, не спеша и осторожно они принялись заниматься любовью. Целый час их глаза, губы и руки без усталости исследовали тело друг друга. Наконец, когда каждое прикосновение начинало вызывать жгучее, нестерпимое желание, он проник в нее.

* * *

Марион Андерсон Купер был крутым, а не просто жестоким полицейским. В этом не приходилось сомневаться. Он был крутым, насколько могут быть крутыми ребята, выросшие на улицах Роксбери, с такими, похожими на женские, именами. Его крутизна была

выкована укусами крыс, когда он лежал на старом матрасе рядом с двумя братьями, и закалена двумя годами в грязи и смерти Вьетнама. Она неоднократно проверялась в ситуациях, с которыми сталкивался один из первых чернокожих сержантов, назначенных в район маленькой Италии – Норт-Энд.

Рано утром 11 октября Купер совершал второй обход по безлюдным улицам, расположенным на его участке. Время от времени он останавливал машину и направлял свет фар на окно магазина или ресторана, где, по его предположению, могло произойти что-то из ряда вон выходящее. Всякий раз он устанавливал причину беспокойства, будь то появившийся новый продуктами переставленный на новое место стол, и двигался дальше.

Красного фиата, припаркованного незаметно у мусорного бака в одной из глухих улочек, тут раньше не было. Купер поставил свою машину поперек улицы, осветил номерной знак фиата и включил связь.

– Я Альфа девять – двадцать один, – сказал он. – Сделайте запрос по украденным машинам на красный фиат, штат Массачусетс, номерной знак три-пять-три, Майк, виски, Квебек. Есть свободные машины?

– Нет, Альфа девять-двадцать один. Повторите, пожалуйста, номерной знак.

Купер выполнил просьбу и принялся ждать. Эта машина явно краденая; он чувствовал это нутром. Как ни странно, но в первую ночь после того, как установилась более или менее приличная погода за всю неделю, не поступило ни одного сообщения об угнанных тачках. Если ее украли, то это дело рук ребяташек, а не профессионалов. Будь это профессионалы, малогабаритный фиат давным-давно был бы перекрашен, снабжен новым номерным знаком и мчался бы куда-нибудь в сторону Спрингфилда или Фолл-ривер.

Ответ почему-то затягивался. Купер принялся нетерпеливо барабанить по рулевому колесу. Он включил рацию и собрался выйти из машины, как вдруг она заговорила.

– Альфа девять-двадцать один, у меня есть информация по фиату выпуска 1979 года: массачусетский номерной знак три-пять-три Майк, виски, Квебек. – Женский голос, чувственный и мучительный, Купер

узнал сразу, он принадлежал диспетчеру весом под сто семьдесят фунтов, матери пятерых детей.

– Это Альфа девять, Глэдис, – сказал он. – Что еще тебе удалось разузнать?

– Пока что эта машина чиста, как слеза ребенка. Альфа девять. Никто не обращался с заявлениями о пропаже, и страховые компании молчат. Зарегистрирована за Джозефом Розетти, проживающим на Дэмон-стрит, дом двадцать один, квартира С.

– Говорит Альфа девять. Связь окончена. – Купер медленно направился к фиату, инстинктивно расстегивая кобуру револьвера.

Дверь фиата на месте водителя была открыта. Купер посветил на сиденья, потом на пол. Ничего. Внезапно он весь сжался. Резкий удушающий запах крови – парфюмерия смерти, – ударил ему в ноздри. Втиснутое между сиденьями и накрытое грязным темным одеялом лежало тело. Он быстро вздохнул и отдернул одеяло. В этот момент вся его сила воли, все жестокие бои на рисовых плантациях, джунглях и городских улицах ничем не могли ему помочь.

Марион Андерсен Купер резко отвернулся и начал блевать на мостовую.

Руки и ноги Джоя были связаны. Он умер от многочисленных ран. На его груди аккуратно в ряд лежали отрезанные уши и фаланги трех пальцев. Утренние газеты опустят такие ужасающие подробности его смерти, сформулировав ее как "возможная жертва банд гангстеров".

В двадцати милях от города действительная причина такой ужасной смерти, грубо нарисованный план, запачканный кровью и добытый после часового истязания, лежал на сиденье "седана", который вел Леонард Винсент.

Глава XXI

Двигаясь беззвучно, Кристина поставила чемодан входной двери и вернулась в спальню. Красными от часового плача глазами она долго смотрела сквозь предрассветную дымку на Дэвида. Он мирно спал, уткнувшись лицом в подушку. Бросив прощальный взгляд на письмо, оставленное на туалетном столике, она на цыпочках вышла из дома.

Утро выдалось холодным и тихим. Клубы ее дыхания, едва видимые, висели в воздухе. Далеко внизу, насколько мог видеть глаз, густая серебристая мантия укутала океан. Зачарованная окружающим сказочным миром, она как во сне вынула ключ зажигания из джипа, опустила его в конверт и медленно направилась к своей машине, ожидая, не дай Бог, в любую секунду услышать его окрик с плоской крыши. Она знала, что при виде его, у нее не хватит решимости... она сломается, как сухая веточка.

Не оглядываясь назад, она села за руль "мустанга" и, не включая двигателя, поехала вниз по подъездной дороге. В конце поворота на Роки-пойнт, за четверть мили от дома, она остановилась и положила конверт с ключом между грудой камней. Убедившись, что Дэвид легко отыщет его, она поверила налево, к дороге, петляющей вдоль побережья океана, которая вела на юг, к Бостону.

Мысли и чувства, обуревавшие Кристину, мешали ей сосредоточиться. Она не заметила ни темного "седана", который попался ей навстречу, ни большого, с невыразительными чертами лица мужчины, сидевшего в машине. Не заметила, то есть, пока тот неожиданно не замаячил в зеркале заднего обзора всего лишь в нескольких ярдах от нее.

Леонард Винсент "сел на хвост" миниатюрному "мустангу". Гнев Кристины, обнаружившей, что ее преследуют, мгновенно сменился страхом, когда их бамперы соприкоснулись. Последовал второй, более сильный удар, за ним третий, затем Винсент обогнал ее справа, оттесняя с дороги. Кристина побелевшими пальцами впиалась в руль, стараясь удержать машину. Она посмотрела налево и покрылась холодным потом.

В каких-то десяти ярдах был отвесный обрыв – высокий склон, усеянный валунами и деревьями, с которого она тридцать шесть часов назад впервые увидела Роки-пойнт и безбрежную Атлантику, сверкающую далеко внизу.

Новый сильный удар, но на этот раз сбоку. Кристина повернула голову вправо – их машины мчались вровень, и по ту сторону возник глубокий овраг, сменившийся вертикальной стеной из песчаника. "Мустанг" безжалостно взвизгнул, когда его шины вильнули вбок. Кристина резко нажала на тормоза, и резкий запах горячей резины заполнил салон машины.

На лице Леонарда Винсента появилось мягкое, почти умиротворенное выражение, когда он все ближе и ближе оттеснял ее к обрыву. Между "мустангом" и краем дороги уже оставалось меньше пяти футов, когда Кристина отпустила тормоз и вжала в пол педаль акселератора. Ее машина рванулась вперед, и краем глаза она успела заметить, что "седан" отстал, чтобы затем сцепиться бамперами обеих машин.

На миг они потеряли власть над машинами, которые закружились в смертельной пляске на середине дороги. Кристина изо всей силы вцепилась в руль, но его вырвало из ее рук, и она больно ударилась правой кистью о механизм переключения передач. Последнее, что запомнила Кристина – ужасная боль, затем "мустанг" врезался в белую стену, и левым ухом она ударилась о ветровое стекло. Раздался треск, и окружающий мир погрузился в темноту.

Она не слышала скрежета металла, когда машины расцепились. Она не видела обезумевшего от страха лица Леонарда Винсента, когда его "седан", как щепку, швырнуло вниз, и он, удержавшись радиатором о землю, полетел, подскакивая на камнях и отлетая от деревьев, пока, наконец, не исчез в густом тумане. Она не видела, как ее машина, ударившись о скалистый выступ, развернулась на месте и покатила к откосу.

Она была уже без сознания, когда задние колеса "мустанга" съехали с края дороги, машина замерла, касаясь шасси мягкой грязи, и скользнула вниз.

Дэвид, еще не успевший толком проснуться, ощутил свое одиночество. Он чуть приоткрыл глаза, затем плотно их сжал, пытаясь внушить себе мысль, что он не прав. Она в жилой комнате, сидит тихо и смотрит на океан. Ставлю, что угодно, что это так, хотя... Он обмер, почувствовав, что тишина в доме – не просто отсутствие звуков. Это была пустота... небытие. Никакого движения воздуха, полное отсутствие признаков жизни.

Она отправилась на прогулку, отчаянно подумал он. Непродолжительная утренняя прогулка, а ты – великий хирург – сразу запаниковал. Он перевернулся на другой бок и взглянул в окно, жмурясь от ослепительного сияния. Небо было покрыто тонким бледно-голубоватым слоем... неким подобием пелены, которая чудесным образом скоро спадет, подобно занавесу, возвещая о феерии нового дня. Да, конечно, она отправилась на утреннюю прогулку.

Дэвид привстал и оглядел комнату. Сначала он заметил, что не видно ее одежды, потом на глаза ему попался конверт, лежащий у зеркала. Как часто приходилось видеть такое в низкопробных кинофильмах, однако на сей раз то была неумолимая реальность. Грусть, подобная дымке, заставшей утреннее небо, охватила его.

– Дерьмо! – было его первым словом, произнесенным утром. И вторым, и третьим. Он слез с кровати и мимо туалетного столика направился в ванную. Он помочился, принял душ и побрился, потом, хромя, пошел на кухню и поставил воду для кофе. Лодыжка, умело перевязанная медсестрой, почти перестала болеть.

Он убрал комнату и стал дожидаться, когда закипит вода. В последнем отчаянном порыве надежды он взглянул на дорогу. "Мустанг" пропал. Кристина пропала. Мексика с ее новой свободной жизнью тоже пропала навсегда.

Тупо он направился обратно в спальню.

Его имя было отпечатано в центре простого белого конверта. Дрожащими руками Дэвид надорвал его. Еще одна записка. Вторая менее чем за одну неделю. Последняя, однако, источала муку в каждом слове и когда оно писалось, и когда читалось.

Дорогой Дэвид,

Я не могла позволить себе ждать, когда ты проснешься, так как боялась, что ты отговоришь меня от задуманного. Всю ночь напролет я пыталась найти выход. Господи, как я пыталась! В конце концов единственное, о чем я могла думать – как много страданий я принесла тебе. Все это похоже на сплошное безумие... И вот теперь я отправляюсь к лейтенанту Докерти, чтобы чистосердечно признаться в отношении Шарлотты Томас. Но перед этим я должна встретиться с доктором Армстронг. То, что ты говорил вчера вечером, имеет очень большое значение. Я знаю, она может мне помочь. Несмотря на то, что произошло, я знаю в глубине сердца, что большинство из нас только следует принципам, в которые верит. Если повезет, доктор Армстронг постарается уладить дело без излишней шумихи. Для начала я могу указать ей три фамилии плюс несколько телефонных номеров, а также бюллетени фонда Клинтона. Это, правда, не Бог знает что, но все-таки. Может быть, нам удастся проникнуть в эту тайну. Не следует забывать и о вопросе, связанным с тем, кто несет ответственность за то, что нанял убийцу Бена. Прежде чем обращаться к полиции, я сделаю все, от меня зависящее, чтобы установить истину.

И последнее, остаешься ты... особый; удивительный мужчина. За столь короткое время ты открыл в моей душе такие стороны, о которых я даже не подозревала. За это и за многое другое я в долгу перед тобой. Я обязана тебе жизнью, в которой никуда не нужно бежать, постоянно оглядываясь через плечо. Я обязана тебе шансом исполнить мечты, ради которых ты столько работал и столько терпел. Если бы обстоятельства оказались немного другими, дорогой и милый Дэвид... немного другими, я бы рискнула пойти на это. Полетела бы в любое место, куда бы мы ни решили лететь. Я искренне верю, что ты стоишь того, чтобы этим можно было рискнуть.

Но обстоятельства не могут быть иными. Они именно таковы. Обо мне не беспокойся. После встречи с доктором Армстронг я иду сразу к Докерти. Береги себя.

Пожалуйста, пойми, будь сильным и, самое главное, прости меня за то, что я заставила тебя так страдать.

С любовью, Кристина.

Р. С. Ключ от джипа в конце поворота на Роки-пойнт. Он в конверте, таком же, как этот.

* * *

Джип... Дэвид невольно улыбнулся. Даже если бы они стартовали одновременно, джип через несколько ярдов отстал бы от ее "мустанга". Она очень хотела, чтобы он ее не разубедил. Ладно... но и его трудно переубедить. Он не может изменить ситуацию, тогда он просто изменит свои планы. Что бы с ней ни случилось, он будет находиться с ней рядом до тех пор, пока она будет хотеть этого.

Дэвид оделся, проигрывая в голове ситуации, с которыми им, возможно придется столкнуться в ближайшие дни и недели. Он заметил толстый свитер, в котором приехал в Роки-пойнт. Кристина, аккуратно свернув его, положила на стул у комода. Дэвид усмехнулся. Есть смысл вернуть его в гардероб Джоя на тот случай, если кого-то еще загонят в реку. Он взял свитер, и из него выпал тяжелый револьвер Розетти. Дэвид совершенно забыл о нем. Он поднял оружие с чувством отвращения, испытываемого всегда в таких случаях. Он попытался вспомнить, когда, по словам Кристины, должен звонить Джой. Прошлым вечером? Этим утром? Немного подумав, он подошел к телефону. Городской номер Розетти был отпечатан на карточке, прикрепленной к аппарату.

Судя по голосу, женщина, ответившая на звонок, была старше Терри.

– Алло, это квартира Розетти? – спросил он.

– Да. Чем я могу вам помочь?

– Нельзя ли... поговорить с мистером или миссис Розетти? – На другом конце провода воцарилось молчание, потом тот же голос спросил ледяным тоном. – Пожалуйста, скажите, с кем я говорю?

– Это Дэвид Шелтон, – сказал Дэвид, нервно переступая с ноги на ногу. – Я друг Джоя и Терри, и я остановился...

– Я знаю, кто вы, доктор Шелтон, – равнодушно продолжала женщина. Последовала новая пауза. Почему-то у Дэвида засосало под ложечкой. – Это миссис д'Амбросио. Мать Терри. Терри не может подойти к телефону. Врач дал ей лекарство и... – Внезапно женщина

заплакала. – Джой мертв... убит, – рыдая, произнесла она. – Дэвид опустил на диван и невидящим взглядом уставился на стену. – Терри не могла обратиться в полицию, но дочь призналась мне, сказав, что из-за того, что Джой помог вам, он умер, – отрешенно проговорила она, охваченная горем и позабыв о своем гневе.

– Но это... невозможно, – пробормотал он, лихорадочно соображая. Это Леонард Винсент. Больше никому. Он крепко зажмурил глаза, пытаясь собраться с мыслями. Сначала Бен, за ним Джой... и Кристина где-то там. – Когда это случилось? – безжизненным голосом спросил он.

– Ранним утром. Его нашли в его машине, изрезанного и... доктор Шелтон, я не хочу больше с вами разговаривать. Похороны Джоя состоятся во вторник. После этого вы сможете поговорить с моей дочерью.

– Но погодите... – Женщина повесила трубку.

Минут пять Дэвид сидел, не двигаясь, не обращая внимания на продолжительные гудки в трубке. Потом, схватив свитер, револьвер и костыли, выскочил из дома. Ни на что особо не надеясь, он осмотрел джип. Ключа не было. Бросив револьвер на сиденье, пошатываясь, он допрыгал на костылях до дороги и через полчаса, обливаясь потом и тяжело дыша, вернулся к машине. Жесткие подлокотники впились в ребра, когда он сел за руль.

– Успокойся, – прерывисто дыша, сказал он себе. – С ней все в порядке. С ней ничего не может случиться. – Он включил двигатель. Она, вероятно, уже в кабинете доктора Армстронг или у Докерти. Все, что ему требуется, это успокоиться и целым и невредимым добраться до Бостона.

Он бросил взгляд на лежащий револьвер и вспомнил о предостережении Розетти. Как он там выразился? Действовать самому и чем быстрее, тем лучше... Что-то вроде этого. Дэвид вздрогнул и взял оружие. Уж не погиб ли Джой из-за того, что у него не оказалось револьвера в нужный момент? От такого предположения у Дэвида пропали последние остатки решительности, и на смену ей пришла ярость. Ярость и всепоглощающая ненависть. Он обязательно отыщет Винсента или того, кто убил Джоя. Он отыщет этого человека и убьет его или погибнет сам. Стиснув зубы, Дэвид вывел джип на аллею.

Тревога за Кристину и желание немедленно действовать охладила его ярость. Он нажал на акселератор, но карбюратор, забитый пылью и песком, не справлялся с нагрузкой. У него мелькнула мысль, что лучшей благодарностью Джою было бы настроить и отрегулировать его джип.

Было бы... Дэвид вскинул голову, стараясь отрешиться от мрачных мыслей, и посмотрел на часы, которые дал ему Джой. Они показывали десятый час. На небе слабая пелена начала проявлять первые признаки сдачи своей позиции осеннему солнцу. Он глубоко вздохнул, расслабился и вновь включил двигатель. Подъезжая к дороге у океана, он уже вполне освоился с автомобильным реликтом. Его мысли опять вернулись к Кристине. Вероятно, ему следовало бы обратиться в полицию. Если от нее будет мало толку, то ее могут продержать в участке до тех пор, пока не появится он. Но к кому обращаться... к полиции штата? Рассердится ли она, когда узнает, что он решил опередить события? Дэвид принялся обдумывать это предложение со всех сторон и решил позвонить из первой телефонной будки, которая попадется ему на пути, как вдруг заметил проблесковые огни и барьеры на дороге.

Побитый темно-бордовый пикап перед ним пытался развернуться на узком клочке земли, и его небритый водитель отчаянно матерился. Дэвид высунулся из джипа и окликнул его.

– Эй, что там стряслось?

– А? – мужчина остановил машину поперек дороги, так и не развернувшись.

– Там, впереди, что случилось? – спросил снова Дэвид, почти крича.

– Авария. Здорово побились, черт возьми! – по тону старика можно было понять, что он близко к сердцу принял происшедшее событие. – Две машины свалились вниз. Одну только что вытащили. Вторую поднимают с самого побережья. Говорят, что провозятся еще минут пятнадцать-двадцать, а то и час, смотря, как Мэк Перкинс управится со своим тягачом-развалюхой.

Охваченный беспокойством, Дэвид вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит за пикапом. – А вы видели эти машины? – тихо спросил он.

– А?

Дэвид простонал, потом заорал: – Машины... Вы видели их? О, неважно. Дайте мне проехать.

– Пожалуйста, только вы все равно никуда не попадете. К тому же необязательно орать на меня. – Постепенно до него дошел смысл вопроса. – Машины, говорите? Видел ли я машины? – Выведенный из себя Дэвид только кивнул. – Только голубую малолитражку, – ответил старый человек. – Разбита вдребезги... так-то.

Руки Дэвида сжали руль. Ужас услышанного медленно проникал в сознание, опустошал душу. Он закрыл глаза и не заметил, как старик, наконец, развернулся и поехал в объезд. Перед глазами Дэвида возникла другая авария. Дождь. Огни. Лица Бекки и Джинни. Даже их крики. Он хотел открыть глаза, чтобы прекратить этот ужас, но знал, что, если сделает это, то увидит новый кошмар. Несомненно, эта голубая машина, которую видел старик, принадлежала Кристине.

– Мистер, дорога закрыта. Боюсь, вам придется ехать в объезд.

Дэвид обернулся и увидел полицейского высокого и худого, с лицом недавнего выпускника полицейской академии, которому представительная синяя униформа придавала довольно смешной вид. Прежде чем Дэвид смог ему ответить, его глаза устремились в ту сторону, где сгрудились пикап, патрульные машины, тягачи и кареты скорой помощи. В самом центре на спущенных шинах стоял искореженный до неузнаваемости "мустанг" Кристины.

– Мистер?.. – озабоченно спросил молодой парень из дорожной службы безопасности.

Лицо Дэвида покрылось смертельной бледностью.

– Я... я знаю женщину, которая вела эту машину, – глухо произнес он. – Она была моим... другом.

– Мистер, что с вами? – Когда Дэвид не ответил, он крикнул женщине, стоявшей неподалеку. – Гас, пришли сюда кого-нибудь из врачей. По-моему, этот парень в обмороке... – Он открыл дверь джипа, но в ту же секунду Дэвид оттолкнул его и, хромая, побежал к заветной машине, забыв о боли в ноге. Когда до машины оставалось два шага, он споткнулся и упал на нее. Раскинув руки на крыше и задыхаясь от быстрого бега, он заглянул внутрь – никого. Ветровое стекло было целиком выбито, а двигатель вдавлен в переднее сиденье. На мягкой обивке голубого сиденья расплывалось безобразное бурое пятно крови.

– Проклятье! – прошептал он. – Проклятье... Проклятье... – Все громче и громче, пока его слова не перешли в истошный крик.

Несколько человек бросилось к нему, а молодой полицейский схватил за руку.

– Мистер, пожалуйста, успокойтесь, – как бы оправдываясь, сказал он, отводя Дэвида к обочине и помогая ему прислониться к увядающей березе.

Через минуту, придя в себя, Дэвид пробормотал:

– Э... где ее тело?

– Что?

– Ее тело, черт возьми, – закричал он. – Куда вы его дели?

Молодой полицейский облегченно вздохнул.

– Мистер, никакого тела нет. То есть мертвого. Во всяком случае, в этой машине.

Дэвид опустился на колени и недоуменно посмотрел на него.

– Прохожий обнаружил леди, когда она брела вдоль дороги, – объяснил полицейский. – Ей здорово досталось. Два больших пореза и, вероятно, сломана рука. Однако никаких мертвых тел. А теперь не могли бы вы успокоиться и сказать мне, кто вы такой?

* * *

До Кенсингтонской больницы, до которой, по словам полицейского, было двадцать минут езды, Дэвид на своем джипе добрался за тридцать пять минут. Дэвид пробыл на месте катастрофы недолго, быстро узнав, что требовалось. Кристина выжила чудом. На нее, перепачканную в крови и несвязно бормочущую и бредущую вдоль дороги, наткнулись проезжавшие мимо муж с женой. Позднее спасательная команда обнаружила ее перевернутый "мустанг" у дерева, на каменистом склоне, в пятидесяти ярдах от обрыва и в полумиле от того места, где ее подобрали.

Дэвид задержался, с отрешенным видом следя за тем, как из машины вынимают обезображенное тело Леонарда Винсента и переносят в машину скорой помощи. Он уехал с места преступления, когда поднялся шум вокруг обнаруженных в исковерканной машине револьвера с глушителем и набора ножей. На пути к больнице он

чувствовал, как в нем зреет чувство ненависти... ненависти, направленной больше не на Леонарда Винсента, а на тех, кто нанял его.

Больница оказалась относительно новой и очень небольшой, коек на пятьдесят, не больше, прикинул Дэвид. Он замер, войдя в вестибюль и пытаясь ощутить, что же представляет из себя это заведение. В фойе за столом сидела непременная женщина-волонтер в оранжево-розовой форме и перебирала содержимое своей сумочки. Справа от нее лежала впечатляющая медная табличка с фамилиями приблизительно двадцати врачей, числящихся в штате. Против каждой фамилии располагалась миниатюрная желтая лампочка, которую врач включал, когда он находился "на месте". На панели горела только одна лампочка. Никто не может обвинить Кенсингтонскую больницу в переукомплектованности, сардонически подумал Дэвид.

Отделение неотложной помощи было обозначено черными буквами, наклеенными над рядом автоматических дверей. Когда они закрылись за ним, дежурная спросила: – Чем я могу вам помочь, сэр? – Он, не оборачиваясь, только покачал головой.

Дежурный врач, индианка с темными усталыми глазами, встретила его в коридоре. Поверх светло-оранжевого сари на ней был белый халат с биркой персонала Белого мемориала, где стояло – Доктор Т. Ранганатан.

– Извините меня, – волнуясь, проговорил он, – я Дэвид Шелтон, хирург из Бостонской больницы. Совсем недавно, по-моему, к вам была доставлена моя знакомая, Кристина Билл?

– А, да... автомобильная авария, – сказала она на бесцветном английском. – Я осматривала ее, пока не пришел доктор Сен-Онже и занялся ею. У нее трещина в запястье и, возможно, сломаны ребра на левом боку. Кроме того, имеются две рваные раны на голове. Насколько я могу судить, непосредственная опасность ей не угрожает. Вы найдете ее вон там. – Она указала рукой на одну из палат.

Помимо доктора Сен-Онже, в палате Кристины присутствовали еще трое – санитар, лаборант и вторая сестра. Не замечая их, Дэвид направился к столу для обследования больного.

– Доктор Сен-Онже, я Дэвид Шелтон, – проговорил он, глядя только на Кристину, которая лежала на боку под стерильными

покрывалами над головой. За левым ухом часть волос была сбрита. Покрывала окружали страшную трехдюймовую рану, почти зашитую.

– Дэвид? – услышал он слабый стон Кристины, больше похожий на жалобное хныканье заблудившегося ребенка.

Он опустил на колени на безопасном расстоянии от поля стерилизации.

– Да, детка, это я, – уверенно сказал он, стараясь скрыть гнев и беспокойство. – Ты отлично держишься. Пара царапин, а так ничего страшного.

– Мы с тобой два сапога пара, правда? – спросила она чуть слышно и замолчала, не в силах ничего больше произнести.

– Кто вы такой, черт возьми? – Доктор Сен-Онже был явно недоволен появлением Дэвида. Это был крупный мужчина с широкой грудью и большими руками. Его лицо было покрыто загаром. Одет он был в сшитый на заказ костюм. Дэвид определил, что ему лет пятьдесят.

– Ах, извините, – сказал он, делая шаг назад. – Меня зовут Шелтон, Дэвид Шелтон. Я хирург из Бостонской больницы. Кристина... мой близкий друг.

– Ну, пока что она мой пациент, – проворчал Сен-Онже, – я уверен, что вам бы не понравилось вмешательство постороннего человека в вашу работу. Даже если он коллега по профессии.

Дэвид хотел было что-то сказать, но только сделал еще один шаг назад и пробормотал.

– Извините. Не могли бы вы сообщить о ее состоянии.

Доктор Сен-Онже принялся перебирать инструмент, взял иглодержатель и снова вернулся к порезу.

– У нее была еще одна рана, которую я уже зашил... над этой. Разбита также рука, которой в операционной займется Стен Кайэс. При условии, что он не перевернется и не утонет во время этой дурацкой регаты, в которой сегодня участвует.

У Дэвида все оборвалось внутри.

– Он у вас единственный ортопед?

– Да, но не беспокойтесь. К счастью, он гораздо лучше оперирует, чем управляет парусами, – добродушно улыбнулся Сен-Онже. – Рука может подождать до его возвращения.

Дэвид повернулся и, заметив четыре негатоскопа на стене возле носилок, принялся изучать снимки груди, брюшной полости, ребер, рук и черепа Кристины. Предплечье тоже было сильно разбито, но, слава Богу, суставы не задеты. Рука, по всей видимости, должна функционировать. Он подумал о том, какие замечательные ортопеды имеются в Бостонской больнице, и можно ли ее перевести туда.

Доктор Сен-Онже закончил зашивать рваную рану, когда Дэвид, изучив снимки черепа, положил их на место. Хирург сдернул перчатки и демонстративно бросил их на пол.

– Придерживайтесь одного из моих стандартных предписаний в отношении травмы головы, Тэмми, – сказал он. – Кайэс, вероятно, захочет перевести ее к себе, когда займется кистью. У вас есть какие-нибудь вопросы, доктор...

– Шелтон, – холодно подсказал Дэвид, отодвигая его рукой и снова опускаясь на колени перед Кристиной. Стерильные покрывала были убраны, и Дэвид впервые по-настоящему понял, во что обошлось это падение с откоса. Несмотря на первые попытки привести в порядок лицо, оно сплошь было усеяно пятнами спекшейся и потрескавшейся крови. Почти вся левая половина ее головы была сбрита, открыв две большие раны. В оставшейся копне волос тут и там поблескивали алмазами осколки стекла. Верхняя губа приобрела размер и цвет сливы.

– Кристина, – тихо позвал он. – Ну как ты?

– О, Дэвид... – Ее слова слились в мучительные рыдания без слез. Дэвид, борясь с волнением, крепко сжал кулаки.

– Доктор Сен-Онже, рентгенолог смотрел ее снимки? – спросил Дэвид, медленно вставая и поворачиваясь к мужчине.

– Нет, а что? Рентгенолог отправился домой. Его можно, конечно, вызвать, но я не вижу никакой необходимости в таком очевидном случае и...

– Прошу прощения, мисс, – оборвал его Дэвид, обратясь к медсестре, – не могли бы вы подать отоскоп, пожалуйста, а заодно и офтальмоскоп. – Лицо женщины выражало крайнюю степень изумления, когда она подала ему инструмент. Доктор Сен-Онже тоже на миг лишился дара речи.

Дэвид вставил отоскоп в левое ухо Кристины. В этот момент Сен-Онже опомнился и проговорил.

– Черт возьми, погодите. Это, однако, моя пациентка, и если вы...

– Нет! – огрызнулся Дэвид. – Это уж *вы* погодите. Я перевожу ее в Бостон.

– Что за наглость! – возмущенно воскликнул Сен-Онже. – Я вызову вас на расширенный медицинский совет! Вам придется держать ответ за свои поступки.

– Как вам будет угодно, – едко парировал Дэвид, теряя контроль над собой. – А когда мы очутимся там, вас спросят, почему вы проявили такую явную некомпетентность, не показав эти снимки рентгенологу. Вас также спросят, почему вы не заметили перелома у основания черепа на двух проекциях. Вас непременно спросят, каким образом вам удалось просмотреть сгусток крови за левой барабанной перепонкой, вызванный этим переломом. Ну как? – В комнате повисла тяжелая тишина. Дэвид повернулся к сестрам и вежливо попросил. – Не мог ли кто-то из вас вызвать нам неотложку, пожалуйста?

Сестра, которую звали Тэмми, заколебалась, потом, с заметным блеском в глазах, сказала:

– Да, доктор, – выбежала из палаты. Казалось, что Сен-Онже сейчас хватит удар.

Дэвид повернулся ко второй сестре и сказал:

– Мне понадобится кое-какое оборудование и медикаменты при перевозке. Я потом вам все пришлю обратно. Не могли бы вы приготовить лактат Рингера для внутривенного вливания? Пятьдесят кубиков в час.

– Ты у меня будешь волосы рвать на ж... Шелтон, – прошипел Сен-Онже, гордо удаляясь из палаты.

Дэвид использовал телефон на посту медсестер, чтобы связаться с доктором Армстронг. Набирая диск, он услышал сдавленный смех и хихиканье в комнате, где находилась Кристина.

– Дэвид, я вся испереживалась из-за тебя, – послышался в трубке голос доктора Армстронг. – Что происходит? Ты жив-здоров?

– Я в целости и сохранности, доктор Армстронг, – ответил он и добавил: – Нет, честное слово... Но вот Кристине не повезло. Вы помните ее? Медсестра с Юга-4?

– Я думаю... да, конечно, помню. Симпатичная девушка. А что с ней?

– Попала в аварию. Автомобильную. Мы с ней сейчас находимся в Кенсингтонской больнице, но я собираюсь в срочном порядке привести ее в вашу больницу. Не могли бы вы встретить нас и позаботиться о ней? У нее сильный ушиб руки, перелом у основания черепа и что-то с грудью. Так что перестаньте изображать из себя полицейского с кучей консультантов. Вы можете?

– Разумеется, помогу, – ответила Армстронг. – Ты уверен, что она выдержит транспортировку?

– Должна выдержать. Любой риск заслуживает того, чтобы вывезти ее отсюда. В особенности, если вы будете ждать ее. Я очень хочу поговорить с вами, но разговор может подождать, пока вы не осмотрите Кристину. Мы прибудем через час.

– Чудесно, – мягко проговорила доктор Армстронг. – Я буду ждать.

Глава XXII

По просьбе Дэвида машина скорой помощи ехала со скоростью ровно пятьдесят миль в час. Без огней, без сирены. Поездка, казавшаяся бесконечной, заняла пятьдесят пять минут, и более стремительное движение в направлении города было бы чревато новой аварией.

В течение всего этого часа Кристина то теряла сознание, то приходила в себя. Дэвид, сидевший от нее справа, систематически проверял пульс, дыхание, кровяное давление и зрачки в поисках признаков, которые указали бы на резкое увеличение внутричерепного давления. Любое его увеличение в результате кровотечения или набухания – и в его распоряжении останется только несколько минут, чтобы обратить процесс вспять прежде, чем начнутся необратимые изменения.

От напряжения уже становилось тяжело дышать. Он решительно поступил с доктором Сен-Онже, но не слишком ли он поторопился? Эта мысль не давала покоя Дэвиду. Любой кризис в мчащейся неотложке неизмеримо труднее локализовать, чем в больничных условиях. За годы обучения и врачебной практики он научился быстро и безошибочно принимать решения. Но тут был особый случай.

– Кристина? – Он осторожно сжал ее руку. Она никак не реагировала. – Давай еще раз проверим оборудование, – обратился он к медику, сопровождавшему его. Так, чтобы Дэвид не заметил, мужчина, бывший санитар во Вьетнаме, соорудил недовольную гримасу. Мало того, что он впервые имел дело с инструментом для сверления трепанационных отверстий, так еще Дэвид в третий раз устраивал ему проверку.

Иногда, когда Кристина не могла его слышать, Дэвид поворачивался к ней спиной и шептал названия инструментов и лекарств. Санитар всякий раз показывал их или сигнализировал, что точно знает, что это такое. Скальпели, сверла, анестетик, ларингоскоп, трубки, дыхательный мешок, адреналин, кортизон, отсасывающие катетеры, внутрисердечная игла... Они приготовились к худшему.

За миль пятнадцать до больницы Дэвид принялся через каждую минуту спрашивать, долго ли им еще ехать, и не слыша ответа, продолжал бормотать себе под нос, глядя на лицо Кристины.

– Пульс: сто десять и устойчивый... дыхание: двадцать... давление: сто шестьдесят на шестьдесят... зрачки: четыре миллиметра, одинаковые и реагирующие... – Слова сливались в молитву. Медик добросовестно повторял их, записывая в журнал. Никто из мужчин не пытался шутить. Ни одной лишней фразы. Только цифры через каждые две минуты. Пульс... дыхание... кровяное давление... зрачки...

Напряжение возросло, когда они въехали в пригород Бостона. Дэвид уже не мог больше сидеть на одном месте. Он метался внутри машины, проверял и перепроверял показания, не давая Кристине дремать. Нервозность Дэвида передалась его помощнику, который без причины принялся перекладывать инструмент с места на место. Водитель, плотный молодой человек с густыми вьющимися волосами, что-то передал по радиации и включил сигнальные огни с сиреной. И что бы там ни случилось у него за спиной, до больницы рукой подать, и уже неважно, что скажет там доктор...

Но вот и больница. "Скорая" быстро развернулась и задним ходом приблизилась к возвышению. Задние двери распахнулись. Сестра вскочила в машину и, мельком взглянув на Кристину, схватила внутривенный мешок. Появившийся за ней санитар ухватился за раздвижные носилки. Последовал быстрый кивок со стороны медика, и они быстрым шагом устремились в отделение неотложной помощи. Сестра, стараясь не отстать, семенила рядом, поддерживая на весу мешок.

Дэвид хотел было последовать за ними, но затем откинулся на сиденье, заметив, что Маргарет Армстронг на полпути встретила санитаров и на ходу начала осматривать Кристину. Ее белый расстегнутый халат развеялся за ней, подобно королевской мантии. Каждое ее движение, каждое выражение ее лица производило впечатление полной уверенности и самообладания.

Слава Богу, они успели вовремя. Они в родном доме. Решение действовать, пусть и поспешно, оказалось верным. У Дэвида словно гора свалилась с плеч, и от перевозбуждения его снова затрясло.

Надо доводить дело до конца, решил Дэвид, и направился через пункт распределения больных, где царил настоящее столпотворение,

прямо в травматологическое крыло. Он шел и чувствовал (или это только казалось ему?) на себе взгляды всего обслуживающего персонала и пациентов. Феникс, восставший из пепла... Лазарь, воскресший из мертвых...

Остановившись у палаты № 12, Дэвид заглянул внутрь. Она была пуста. Он содрогнулся, вспомнив о ноже Леонарда Винсента, приставленном к его горлу, и о Розетти. Как только Кристине ничто не будет угрожать и он переговорит с доктором Армстронг, первый визит к Терри.

Когда Дэвид приблизился к палате № 1, из нее вышла Армстронг и жестом пригласила войти внутрь. Кристина лежала с открытыми глазами. За морем белых одежд – стажеров, техников, сестер – ее запавшие глаза встретились с его глазами. На миг он увидел в них только боль, но подойдя ближе, заметил искорку... проблеск силы. Она сделала над собой усилие, и ее распухшие бледные губы растянулись в улыбке.

– Мы победили, – прошептала она. – И не нужно сверлить в моей голове дырки.

– Ты была в сознании, – удивленно спросил Дэвид, таращась на нее.

– Почти все время, – еле слышно добавила она. – Я... я рада, что ты здесь.

Ее глаза закрылись. Тонкий как тростник хирург-стажер приблизился к ней, промыл красновато-коричневым антисептиком участок кожи над ее правой грудью и приготовился подключить систему для внутривенного вливания. Когда мужчина вводил иглу под ключицу, Дэвид поморщился и отвернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с Маргарет Армстронг, которая стояла в трех шагах от него и спокойно наблюдала.

– Дэвид, я так рада, что с тобой все обошлось, – сказала она. – Тут про твой вчерашний ночной визит столько всего наговорили, что я не на шутку перепугалась.

– В больнице творится неладное... во многих больницах, по правде говоря. Мне необходимо с вами поговорить, доктор Армстронг, – сказал Дэвид, оборачиваясь и глядя на стажера, который как ни в чем не бывало вживлял пластиковый внутривенный катетер в грудную клетку Кристины. – Что с Кристиной?

– Видишь ли, – ответила доктор Армстронг, беря его под руку и выводя из операционной, – я всесторонне осмотрю ее, как только народ рассосется. Мои первые впечатления подтверждают твои. У нее определенно пробита голова и за ухом скопилась кровь, но судя по всему, в неврологическом плане она стабильна. Нейрохирург и ортопед уже ждут ее, но я думаю, что с кистью следует подождать. Посмотрим, как она поведет себя. Нейрохирург Айвен Рудник. Ты знаешь его? – Дэвид кивнул. Рудник был лучшим у них в больнице, если не во всем городе. – Айвен очень скоро займется ею и сделает томографию. Если не будет активного кровотечения, нам остается только ждать и надеяться.

– А что с травмой грудной клетки? – спросил Дэвид.

– На мой взгляд, никаких проблем. ЭКГ не указывает на сердечную недостаточность. Более широкое обследование должно подтвердить этот диагноз.

– Доктор Армстронг, я вам так благодарен за все, что вы сделали.

– Ерунда, – сказала она. – Я не могу передать тебе, насколько я польщена и рада... что ты обратился ко мне. Между прочим, – продолжала она, – есть одна небольшая неувязка.

– О! – испуганно воскликнул Дэвид.

– Ничего страшного, Дэвид, но у нас нет свободных блоков интенсивной терапии. Ни одного. Сейчас последний задействован на одном послеоперационном больном, который в критическом состоянии, и его, боюсь, нельзя переносить. Я решила, что Кристину можно перевести в другое отделение. На Юге-4 как раз имеется отдельная палата. Я знаю, что девочки там присмотрят за ней как нигде лучше. Мы переправим ее туда как можно скорее.

– Просто здорово! – просиял Дэвид. – Если сестры не будут возражать, я побуду рядом и чем могу помогу. То есть, после нашего с вами разговора.

– Хорошо, – сдержанно сказала доктор Армстронг.

– Итак, идите и заканчивайте. Я подожду вас в докторской, пока вы не освободитесь. Кстати, в какую палату вы собираетесь ее поместить?

– Простите?

– Палата, – повторил Дэвид. – В какую палату вы ее положите?

– О... а... это совсем близко. Плата четыре-двенадцать. Юг-четыре, четыре-двенадцать, – кардиолог улыбнулась и исчезла в травматологической палате № 1.

Четыре-двенадцать! К горлу Дэвида опять подкатил комок. Палата Шарлотты Томас! Отсюда пролегла кровавая дорога, которая вела от одного безумия к другому. Он отбросил мысль о предрассудках и попытался сосредоточиться на иронии ситуации. Палата № 412 сыграет роль первой высоты в их битве за разгром "Союза ради жизни". Концентрация силы воли помогла ему хотя бы в том, что он не бросился обратно к доктору Армстронг и не потребовал иного помещения. Он медленно направился по коридору в комнату отдыха для врачей и растянулся на кушетке с ежемесячником "Медикл экономикс". Передовая статья была озаглавлена "Десять налоговых прикрытий, о которых может не знать даже ваш бухгалтер". Не осилив и первого прикрытия, Дэвид задремал.

Спустя час над его головой зазвонил телефон, выведя из пугающих отрывистых сновидений: остановка сердца у Шарлотты и последовавшие причудливые события, где все персонажи сменяли друг друга, все, за исключением Кристины, которая умирала вновь и вновь в каждом новом и ужасном эпизоде.

– Дежурная, у аппарата Шелтон, – ответил он хрипло, обливаясь холодным потом.

– Дэвид? Это Маргарет Армстронг. Я разбудила тебя?

– Нет, то есть, да. Я не то, чтобы...

– Твоя Кристина в порядке и лежит в палате. Мне нечего добавить к тому, о чем мы недавно говорили. Я считаю, что у нее будет все хорошо.

– Прекрасно!

– Да... пожалуй, – Армстронг помолчала, потом продолжала. – Ты, кажется, хотел о чем-то поговорить со мной?

– О да, конечно, конечно. То есть, если вы...

– Меня сейчас это вполне устраивает, – прервала она его. – Я у себя в кабинете... не в офисе башни, а на Севере-2.

– Я знаю, где это, – сказал Дэвид, окончательно приходя в себя. – Буду через пять минут.

Лаборатория лечебной гимнастики по площади в два раза превосходила главный офис Маргарет Армстронг.

Дэвид сразу же постучал в дверь, на которой было написано: СТРЕСС И ЛЕЧЕБНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ, и вошел. Небольшая уютная приемная была пуста. Он выждал и позвал.

– Доктор Армстронг? Это я, Дэвид.

– Дэвид, входи, – сказала Армстронг, появившаяся в дверях. Я как раз готовила кофе.

Когда Дэвид проходил мимо того места, где она только что стояла, он почувствовал характерный запах спиртного.

Невольно он проверил свои часы. До часа еще было далеко. Он попытался найти для себя ряд объяснений, почему начальник хирургического отделения решила выпить, в особенности в такое время. Ни одно из них не казалось подходящим. Вместе с тем женщина полностью контролировала себя. Он постарался выбросить из головы эту тревожную мысль... хотя бы на время.

Просторная лаборатория была хорошо оснащена. Несколько тренажеров и велоэргометров, каждый с соответствующей контрольно-измерительной аппаратурой, выстроились вдоль стены. Оборудование неотложной помощи с дефибрилятором скромно стояло в углу, чтобы исключить дополнительные страхи у пациентов, которые и без того боялись предстоящего обследования.

В одном конце комплекса отдельно располагался конференц-зал с диваном из клена и стульями с высокими спинками вокруг низкого и круглого кофейного столика. Армстронг указала Дэvidу на диван и принесла кофейник с двумя чашками. Такой подавленной Дэвид еще ее не видел.

– У вас усталый вид, – сказал он. – Не лучше ли нам отложить наш разговор. Я могу...

– Нет, нет. Все нормально, – скороговоркой ответила она. – Это все больничные дела, понимаешь. Ради разнообразия я сяду и буду слушать тебя. Разреши, я разолью кофе, а потом ты расскажешь, что тебе известно.

Она пододвинула к нему сливки, но Дэвид отказался от них.

– С чего начинать? – спросил он, отпивая кофе и подбирая слова.

– С самого начала, – ободряюще улыбнулась она.

– С самого начала... да. Хорошо... Мне кажется, все началось с того, что я не давал этот злополучный морфин Шарлотте Томас. Это сделала Кристина. – Он снова приложился к чашке. – Доктор Армстронг, то, что я собираюсь открыть вам, невероятно. Это взрывоопасный материал. Мы с Кристиной решили поделиться с вами... Мы подумали, что вы, используя свое положение и влияние, могли бы помочь нам.

– Дэвид, знай, все мое влияние к вашим услугам. – Она наклонилась вперед, чтобы придать весомость своим словам.

Через минуту он уже был захвачен рассказом о Шарлотте Томас и "Союзе ради жизни".

Первоначально Армстронг поощряла его кивками головы, жестами и улыбками, изредка останавливая, что бы выяснить то или иное обстоятельство. Вскоре, однако, ее поза стала менее живой, а лицо апатичным. Постепенно, почти незаметно, теплота ее глаз, располагающая к доверительной беседе, перешла в холод. Но Дэвид говорил и говорил, радуясь возможности освободиться от лежавших тяжелым грузом на сердце тайн, которые он так долго носил в себе. Прошло полчаса, прежде чем он заметил в ней перемену.

– Что-то... не так? – спросил он.

Ничего не говоря, Армстронг поднялась и неуверенно подошла к телефону, стоявшему на столике в противоположном конце лаборатории. Быстро полушепотом с кем-то переговорив, она вернулась назад и тяжело опустилась на стул перед ним. Она как-то внезапно ослабла, постарев на много лет.

– Дэвид, – устало спросила она, – ты, помимо меня, с кем-нибудь говорил об этом?

– Нет, а что? Я уже говорил вам об этом раньше. Мы надеялись, что вы поможете нам, не привлекая...

– Я хотела бы, чтобы ты повторил свой рассказ. Мне надо выяснить отдельные моменты.

* * *

– Крис, ты не спишь? Ты меня слышишь?

Голос прозвучал откуда-то издалека. Кристина открыла глаза, моргнула несколько раз, пытаясь разглядеть, кто обращается к ней. Она узнала в женщине сестру, но черты ее лица ускользали от нее. Когда она попыталась повернуться на бок, то не смогла из-за тошноты и мучительного давления в голове. Комната была затемнена, но даже свет из коридора был невыносим.

– Нет, я не сплю... глаза болят от света, – проговорила она, закрывая их.

– Крис, доктор Армстронг велела проверять зрачки каждый час. Не беспокойся, я быстро.

Кристина ощутила прикосновение пальцев сестры к правому глазу, затем обжигающую боль от тонкого луча, направленного прямо в ее зрачок. Короткая передышка – и второй удар, но уже по левому глазу. Она попыталась поднять руки, но они не двигались. Ее привязали? Правая рука как чугунная. Уж не лишилась ли она ее? Но нет, доктор Армстронг сказала, что она перебита. Она опустила голову на подушку и заставила себя расслабиться.

– Послушай, Кристина, тебе надо поспать, – проговорила сестра. – Через двадцать минут тебе сделают новое внутривенное вливание. Я тебя разбужу, и мы постараемся вытащить из твоих волос оставшиеся осколки стекла. О'кей? – Кристина едва кивнула. Да, совсем забыла. Ты только несколько часов в больнице, а уже тебе цветы. Их принесли пять минут назад. Такие красивые. Я знаю, что ты их не видишь, но, может быть, тебе удастся взглянуть на них вечером. Есть еще карточка. Хочешь я прочитаю?

– Да, пожалуйста, – слабо попросила Кристина.

– Там сказано, чтобы ты побыстрее выздоравливала, и подпись – Георгина.

Георгина? Боль и давление в голове мешали собраться с мыслями.

– Я... я... не... знаю... никакой... Георгины...

Но женщина уже вышла.

* * *

– Дэвид, этот убийца, этот... Винсент... как, по-твоему, он установил, что ты находишься в нашей больнице, а потом вышел на

твоего друга?

Дэвид повертел в руках журнал, затем бросил его на столик и протер глаза. То, что началось как удобное и долгожданное избавление от тяжелого груза, трансформировалось в жесткий допрос со стороны доктора Армстронг, пытавшейся выведать каждую деталь. От ее настойчивых вопросов и напряженного, угрожающего тона ему стало не по себе.

– Послушайте, – сказал он, не стараясь скрыть возрастающее раздражение, – я рассказал вам все, что знал. Дважды. Мои теории о том, как Винсент вышел на Бена и меня, а затем и на Джоя – всего лишь теории. Доктор Армстронг, я догадываюсь, что здесь что-то происходит. Что-то такое, что, как я вам сказал, беспокоит вас. Я больше вам ничего не скажу, пока мы не окажется в равных условиях. А теперь, прошу вас, сообщить мне, в чем же собственно, дело.

– Молодой человек, большая часть того, что вы мне здесь рассказали, невозможна, – ответила она, холодно сверкнув глазами. – Это не лезет ни в какие ворота. Целый ряд нагроможденных один на другой болезненных и необоснованных выводов, которые могут причинить боль и страдание многим, ни в чем не повинным хорошим людям. – Дэвид недоверчиво уставился на нее. – Вы раздуваете пламя... даже не догадываясь, к чему это может привести. Этот, так называемый, убийца, которого вы описали... совершенно никоим образом не связан с "Союзом ради жизни".

– Но...

– Я сказала – это не лезет ни в какие ворота! – почти прокричала она.

– Что не лезет ни в какие ворота? – Они одновременно повернули головы к двери, где стояла Догги Дельримпл и спокойно наблюдала за ними, опустив руки в карманы униформы. При виде ее у Дэвида забегали по коже мурашки.

– О, Дороти, я рада, что ты пришла так быстро, – овладев собой, произнесла Армстронг. – Я позвонила тебе в связи с тем, что вот тут доктор Шелтон несет весть что о "Союзе ради жизни", наемных убийцах и...

– Я догадываюсь, что он говорил вам, – тяжело дыша и улыбаясь, сказала Дельримпл. – Мне очень хорошо известно, что он говорил

вам. – Она вынула правую руку. В ее большой ладони короткоствольный револьвер был едва заметен.

* * *

– Свет... пожалуйста, уберите свет. – Кристина ощущала его яркое сияние даже сквозь крепко закрытые глаза.

Две женщины, сестра с санитаркой, вынимали пинцетами осколки стекла из ее волос.

– Хватит, Кристина, – сказала одна из них. – Мы тебя достаточно помучили. Минут через сорок я снова разбужу тебя. Осталось совсем немного. – Она выключила потолочный светильник. – Подожди минутку. Извини, я включу его снова. Всего лишь на две секунды – проверю внутривенную линию... Сегодня у нас спинка говядины в меню, но поскольку ты отказалась обедать с нами, то тебе осталось наше фирменное блюдо: Д-глюкоза с водой.

Последовал десятисекундный взрыв света, и снова комната погрузилась в темноту. Кристина старалась не обращать внимания на боль, раскалывающую голову.

– Между прочим, – продолжала сестра, – на нашем этаже я только что видела Старуху. Она собрала всех наших в конференц-зале и пообещала, что полетят головы, если ты не получишь первоклассную помощь. Можно подумать, что мы не знаем, что нам делать. Ну... до скорого.

Кристина слышала, как женщины удалились. Старуха... Кто это такая?.. Ах да! Дельримпл! Внезапно отрывочные слова и воспоминания завертелись у нее в голове... Дельримпл, осуждающая Дэвида... Дельримпл, предлагающая взятку... Ее сознание, работающее медленно вследствие травмы головы, пыталось воссоздать картину из разрозненных фрагментов и мозаики. Где-то в глубине зарождалось понимание, а вместе с ним непереносимая боль в голове. Дельримпл! Не она ли виновата во всем? Невозможно понять... Ничего, за исключением того, что надо отыскать Дэвида. Она попыталась пошевелиться, протянула свободную руку к телефону, стоящему на тумбочке у кровати, но неловко задела его, и аппарат с шумом покатился по полу.

Она пошарила рукой вокруг. Где же кнопка вызова? Должна быть где-то рядом. Но где? Ведь ей что-то говорили про эту кнопку?

Из темноты, нависшей над койкой, капли внутривенной жидкости текли неумолимо из пластикового мешка по мягким трубкам, попадая ей в грудь.

Кристина принялась искать злосчастную кнопку в складках одеяла, но в этот момент боль отпустила ее, и по телу разлилась неприятная теплота. Тридцать секунд пребывания в одиночестве на посту медицинских сестер – вот все, что потребовалось Дотти Дельримпл.

Дэвид... позвать Дэвида. Кристина изо всех сил боролась с собой. Глаза сами собой закрылись и отказались открываться. Нужно столько сделать, подумала она. Дэвид... "Союз"... столько сделать. Голова медленно опустилась на подушку. Рука ослабела и упала вдоль туловища. Внезапно ей стало все безразлично. Абсолютно все.

С минуту она слышала странное жужжание, наполнившее комнату. Затем, неслышно вздохнув, сдалась на милость тьмы, окружившей ее.

* * *

Дельримпл указала Армстронг на стул, стоящий около Дэвида. Ее глаза сверкали ненавистью, а палец-сосиска нервно играл на спусковом крючке.

– Дороти, будь благоразумна, – взмолилась Армстронг. – Мы зашли слишком далеко. Слишком многое нас объединяет. Ты, наверное, переутомилась. Возможно...

– О, Пегги, сядь и замолчи, – огрызнулась она.

Дэвид удивленно посмотрел на Армстронг.

– Пегги? Вы? Но ведь вы...

– Доктор? – договорила за него Армстронг. – Несколько лет обучения, вот и все. Поверь, школа медицинских сестер тоже не дается без труда. – Она повернулась к Дельримпл. – Дороти, ты же знаешь, что я на твоей стороне.

– Вот как? Ты ни на чьей стороне. Только на собственной. Разве не так? Не ты отправилась к Билл. Не твое имя ассоциируется с

"Союзом". Не твоя жизнь полетит коту под хвост, если она заговорит. Я рискую слишком многим, чтобы сидеть спокойно и ждать, когда это произойдет.

– Выходит... выходит это твоих рук дело? Ты наняла убийцу? – Дельримпл молча кивнула. – Дороти, как могла ты решиться на такое?

– Не надо меня ни в чем упрекать. Убийство – наша игра, разве не так? Ты научила меня этому ремеслу. Ты – это ты, а я – это я. Ты охотно согласилась подделать рецепты и пожертвовать Шелтоном ради спасения своего драгоценного "Союза". Наверняка, если бы *ты* отправилась к Билл, если бы твоя голова сейчас лежала на плахе... ты сделала то же самое, чтобы защитить себя.

Армстронг хотела было возразить, но Дельримпл угрожающе направила на нее оружие. Затем она опустила руку в карман и, улыбаясь, вынула большой шприц, заполненный каким-то составом. Взглянув на часы, она продолжала. – Ровно два. Если мои сестры впитали все, что я им дала, то внутривенное вливание, которое ты прописала мисс Билл, уже действует.

Смертельный приговор Кристине! Дэвид со страхом смотрел на Дельримпл.

– Что вы ей дали? – спросил он, двигая ногами и выжидая удобного момента.

Дельримпл заметила это и направила револьвер прямо ему в лицо.

– Не вздумайте. Бесполезно. – Она снова посмотрела на часы. – Кроме того, слишком поздно. – Она положила шприц на стол перед ним и спокойно добавила: – Вы двое будете обвинены в убийстве или самоубийстве. Мне наплевать, в чем именно, главное, чтобы полиция не подкопалась. Доктор, я представляю вам право выбора. Игла или пуля. Будучи проницательным клиницистом, вы, несомненно, сами определите, какое из средств является менее болезненным.

– Дотти, пожалуйста... ты не ведаешь, что творишь, – с мольбой в голосе произнесла Армстронг, отодвигая стул и хватая Дельримпл за свободную руку. Прежде, чем Дэвид успел опомниться, старшая медсестра вырвала руку и наотмашь ударила Армстронг по лицу. Хрупкая женщина пролетела по всей комнате и врезалась в стену.

Держа револьвер на уровне глаз Дэвида, Дельримпл через плечо посмотрела на распостертое тело Армстронг.

– Я так давно хотела сделать это, – улыбнулась она. – Итак, доктор, выбирайте. – Она обошла стол и отшвырнула его в сторону, чтобы тот не мешал. Дуло револьвера теперь было в футе ото лба Дэвида, когда она протянула ему шприц, мягко сказав. – Пожалуйста, решайте.

Дэвид молча глядел в лицо женщины, потом краем глаза заметил, как Маргарет Армстронг на четвереньках ползет по полу. Только большим усилием воли Дэвид заставил себя смотреть прямо в глаза Дельримпл.

– Ну? – произнесла Дельримпл. – Я начинаю терять терпение.

Дэвид взял шприц и внимательно посмотрел на него.

– Мне... мне нужен турникет, иначе ничего не получится, – проговорил он, стараясь выиграть время. Когда Дельримпл опустила глаза, он незаметно взглянул на Армстронг. Кардиолог приближалась. Он обратил внимание на ее руки. В каждой она держала небольшие металлические пластины. Дефибриллятор! Армстронг включила машину. Контакты, соединенные через спиральные провода с установкой, имели напряжение в 400 вольт.

Дэвид закатал рукав и начал сжимать и разжимать кулак. Провода вытянулись почти в прямые линии, а Армстронг предстояло ползти еще футов десять.

– Ну? – повторила Дельримпл, сжимая рукоятку оружия.

– Дотти! – закричала Армстронг.

Дельримпл обернулась на звук, и в тот же миг Дэвид бросился вперед, врезавшись плечом в ее огромную грудь. Женщина отшатнулась назад и, налетев на низкий кофейный столик, рухнула как мамонтовое дерево. Едва ее туша коснулась пола, как к ней подскочила Армстронг и, приставив один контакт к лицу, нажала на кнопку.

Раздался хлопок, контакты заискрились и задымились. Дельримпл судорожно взмахнула руками и задергалась в судорогах. В воздухе запахло жженым мясом. Ее голова откинулась резко назад и рвотная масса хлынула изо рта: в момент ее смерти сработали запирающие мышцы мочевого пузыря и кишечника.

Дэвид долго стоял и смотрел на женщин, одну изувеченную, другую мертвую, потом, охваченный ужасом, выскочил из комнаты и, преодолевая боль, заспешил на Юг-4.

Маргарет Армстронг на негнущихся ногах подошла к раковине, наклонилась и умылась холодной водой. Голова ее шла кругом. За ее спиной лежало мертвое крупное тело, которое всего несколько секунд назад было Дороти Дельримпл.

Она взяла себя в руки и попыталась сосредоточиться. Если Кристина мертва, решила она, то единственным препятствием, стоящим на пути продолжения деятельности "Союза", остается Дэвид Шелтон. Можно ли его устранить? Надо ли его устранять? Пегги Армстронг была готова сознаться в убийстве... даже охотно пойдет на это – лишь бы спасти само движение. Но отважится ли она на убийство ни в чем не повинного человека?

Она неуверенно приблизилась к двери, затем повернулась и с отвращением посмотрела на Дельримпл. Если женщина, которую, как ей казалось, она знала так хорошо, так безоговорочно верила ей, постаралась купить свою собственную безопасность такой ценой, то кто может поручиться, что во время кризиса не появятся другие? Дрожа больше от своих мыслей, чем от боли, Армстронг прислонилась к стене. Все кончено? После стольких лет, стольких мечтаний... все кончено?

Она выскользнула из лаборатории и закрыла дверь на ключ. Уборщица придет только на следующее утро. Почти через двадцать четыре часа. Если она хочет спасти "Союз", у нее только это время, чтобы планировать... готовиться... действовать. Масса вопросов теснилось в ее голове. Стоит ли ради этого жертвовать жизнью еще одного человека? Отважится ли она на это? Найдется ли для этого у нее достаточно убедительное доказательство? Вопросы... вопросы... но без ответов.

Глава XXIII

Используя перила как опору, Дэвид запрыгал по ступенькам лестницы, ведущей из Севера-2 на Север-1. Сильные выбросы адреналина в кровь притупили боль в стопе. Через широкие двери он выскочил в центральный коридор, разметав в стороны трио перепуганных монахинь.

По обыкновению в это время дня в главном фойе творилось невообразимое. Дэвид скользил и натыкался на людей, подобно полузащитнику, ведущему мяч через центр поля, оставив за собой двух сбитых пациентов, которые осыпали его проклятьями.

– Держись, детка, пожалуйста, держись, – тяжело шептал он, поднимаясь по лестнице на южное крыло. Даже перепрыгивая через ступеньки, он испытывал ощущение, что идет еле-еле. – Не поддавайся этой стерве... Борись с ее проклятым ядом. Пожалуйста...

Его ноги налились свинцом. На третьем пролете он споткнулся, но, передохнув пять секунд, заковылял дальше.

Коридор Юга-4 был пуст, не считая одной санитарки, пытавшейся привязать старика к креслу-каталке. Пока она в изумлении смотрела на призрак, ковыляющий в ее направлении, старик, разбитый параличом, освободился от пут и тяжело упал на пол. Санитарка, понимая, что случилось что-то чрезвычайное, махнула Дэвиду рукой.

– Проходите, – настоятельно сказала она. – Кларенс делает это постоянно.

Дэвид понимающе кивнул и заспешил на пост медицинских сестер.

– Правило девяносто девять, палата четыре – двенадцать, – вбегая в комнату, проговорил он. – Звоните и вызывайте помощь. Правило девяносто девять, палата четыре – двенадцать.

Удивленная секретарша застыла на месте, потом схватила телефонную трубку.

Дэвиду обстановка в палате 412 напомнила пережитый ужасный сон. Полумрак... булькающий кислород... линия внутривенного вливания... неподвижное тело... Он включил свет и направился к кровати. Лицо Кристины, спокойно лежащей на спине, было темного

цвета смерти. Из динамика в коридоре раздалось тревожное: правило девяносто девять... Юг-4... правило девяносто девять, Юг-4...

Пальцы Дэвида заскользили по шее Кристины, нащупывая сонную артерию. А вот и пульс... слабое ритмическое биение между указательным и средним пальцами. Чей это пульс? Его или ее? Как бы услышав его немой вопрос, Кристина вздохнула, и от этого еле уловимого дыхания жизни обрадованный Дэвид пришел в движение. Он отключил внутривенное вливание, наклонился и начал дышать ей в рот.

Не успел он сделать и двух вдохов, как в палату влетела сестра, везя за собой столик для оказания первой помощи. В течение пяти минут они, хирург и сестра, работали как одно целое. Молодая женщина на удивление оказалась оперативной... контролировала дыхание, подавала лекарства и инструмент прежде, чем Дэвид успевал открыть рот.

Столкнувшись с незнакомым ядом, Дэвид был вынужден действовать наобум, прибегая к свежему внутривенному раствору, который позволил бы разбавить токсин и поддержать давление крови Кристины, используя искусственную вентиляцию легких и вводя бикарбонат для нейтрализации эффекта молочной кислоты.

Лицо Кристины еще больше потемнело. Он рискнул убрать дыхательный мешок и, приподняв ее веки, увидел крошечные черные точки, почти утонувшие в коричневых кругах – результат чрезмерной дозы наркотика. Господи, подумал Дэвид, пусть это будет морфин. Пусть это окажется чем-то обратимым, вроде морфина. Он попросил у сестры налоксон, исключительно эффективное противоядие для всех наркотических лекарств. Сестра быстро ввела Кристине этот препарат.

Возобновив искусственное дыхание, Дэвид скоро оторвался и снова проверил сонную артерию Кристины. К его глубокому ужасу пульс не прощупывался.

– Подложите под нее доску, пожалуйста, – сказал он, приподнимая Кристину за плечи. – А теперь забудьте про медикаменты и приступайте к закрытому массажу сердца, пока не подоспеет помощь. Господи, где же люди? – сильно волнуясь, спросил Дэвид.

– Одна сестра почувствовала себя плохо и отпросилась, – ответила женщина, ритмично надавливая на грудную клетку Кристины. – Две обедают. Они скоро придут.

Дэвид в третий раз принялся делать искусственное дыхание и через минуту проговорил.

– Нам нужен третий. Черт возьми, нам нужен третий, кто давал бы ей лекарства. – Сестра, делающая массаж сердца, не могла оторваться, и от лотков с радикальными препаратами был такой же прок, как если бы они находились на луне.

Вошел санитар, и Дэвид сразу же приказал ему измерить кровяное давление. После двух попыток мужчина произнес: "Ничего".

– Ты справишься с реанимацией? – спросил Дэвид, надеясь освободить сестру и вернуть ее к тележке с лекарствами. Мужчина отрицательно покачал головой и, пятясь, вышел из палаты. – Дерьмо! – прошептал Дэвид.

Он взглянул на Кристину, которая не дышала и не подавала никаких признаков жизни. Ее тело покрылось синими крапинками. Если сейчас никто не придет... если не будет еще одной пары квалифицированных рук... Кристину уже не спасти. Он без движения стоял пять секунд... десять... Молодая сестра следила за ним, и ее сузившиеся глаза выражали возрастающее беспокойство.

Внезапно раздался женский голос:

– Приказывайте, доктор, я готова выполнять ваши указания.

У тележки стояла Маргарет Армстронг. Ее левый глаз почти целиком закрыл огромный синяк в пол-лица, а из носа текла кровь. Вместе с тем она сохраняла величие, не обращая внимания на удивленные взгляды Дэвида и сестры.

Нерешительность Дэвида (и без того уже сильно притупленная отсутствием признаков жизни у Кристины) только усилилась от страха и неопределенности.

– Вы... вы можете приняться за массаж сердца, – сказал он, не желая, чтобы женщина так близко стояла у тележки с лекарствами, среди которых было немало представляющих смертельную опасность.

– Нет, нет, – проговорила Армстронг. – Вы оба, сильнее меня. Потом я сестра, и к тому же хорошая. Мое дело лекарства. Черт, давайте же что-то делать!

Дэвид колебался не больше двух секунд, потом с удвоенной энергией стал называть одно лекарство за другим, чтобы предотвратить действие препаратов, которыми могла воспользоваться Дельримпл. Сокрушительный удар, который получила Армстронг, не

сказался заметно на ее реакции и подвижности. Она и вправду была хорошей медсестрой. Адреналин, концентрированная глюкоза, налоксон, кальций, бикарбонат... она брала и вводила нужное средство быстро и не суетясь.

Вскоре прибыла помощь в лице еще одной медсестры, которая вызвалась сменить Армстронг, но ей предложили измерить давление у Кристины.

– Сама она не может дышать, – констатировал Дэвид. – Я думаю, необходима интубация.

Армстронг подошла и прижала пальцы к паху Кристины, отыскивая пульс на бедренной артерии. Она грустно взглянула на Дэвида и покачала головой: – Ничего.

– Понятно. Дайте мне ларингоскоп и трубку семь и пять.

– Постойте! – заискрились глаза Армстронг. – Погодите... погодите... есть, доктор... пульс есть!

– Есть! – восторженно подхватила сестра, измерявшая давление. – Я слышу! Слабо при шестидесяти. Теперь сильнее! Сильнее!

Дэвид в очередной раз проверил зрачки Кристины. Они определенно увеличились. Прошло секунд пятнадцать, и она задышала. Молодая сестра, помогавшая Дэвиду с самого начала, подняла вверх большой палец и вскинула радостно руки.

Окончательные сомнения развеялись, когда Кристина простонала, повернула голову из стороны в сторону и, наконец, открыла глаза. Они медленно отыскивали Дэвида.

– Привет, – прошептала она.

– Привет, – ответил он.

Все в комнате принялись поздравлять друг друга.

– Мне... мне гораздо лучше. Голова почти не болит, – проговорила она, хмурясь. – Дэвид... мисс Дельримпл... Мне кажется, что это она, кто...

Он не дал ей договорить, приложив палец к ее губам, и нежно произнес:

– Я знаю, дорогая. Я все знаю.

Она сдвинула брови, пытаясь вникнуть в смысл сказанного, затем заметно успокоилась.

– Я хорошо себя чувствую. Правда, Дэвид. У доктора Армстронг золотые руки.

Дэвид перевел взгляд на Армстронг и холодно заметил:

– Да... золотые руки.

Маргарет Армстронг выдержала этот взгляд, затем шепнула "спасибо" присутствующим в палате, жестом приглашая всех выйти в коридор.

Молодая сестра покинула комнату последней. Армстронг подошла к ней в холле и сказала: – Вы отлично работаете. Я очень горжусь вами.

– Вас... вас ударили, – вспыхнув, ответила сестра. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Обойдусь. Продолжайте работать и идите к своим больным. – Армстронг повернулась и вошла в палату 412, осознавая, что встав возле тележки неотложной помощи и введя правильное лекарство Кристине, она окончательно решила судьбу "Союза".

Кристина спала. Стоя у окна, Дэвид чуть раздвинул шторы и уставился в туманную даль, тяжело опустив руки; он совсем не походил на человека, который только что одержал победу. Армстронг тихо подошла к нему и встала рядом. Он не повернул даже головы. Какое-то время в палате слышалось только бульканье кислорода да равномерное дыхание Кристины.

– Ну и синяк у вас, – прервал молчание Дэвид, продолжая глядеть на город, раскинувшийся внизу. – Было бы неплохо к кому-нибудь обратиться.

– Я так и сделаю, – пообещала она. – Позднее.

– Эта женщина, это... это животное, лежащее в вашем офисе... она – ваше творение. Ваш монстр.

– Возможно. В определенном смысле так оно и получилось. Разве не важно, что я продолжаю верить в то доброе дело, которому посвятил себя "Союз ради жизни"? Разве не важно, что борьба за достойную смерть человека справедлива?

– Конечно, важно, – презрительно сказал Дэвид. – Очень важно, как важен проломленный череп Кристины. Как важна вся та грязь, с которой она столкнется, когда... если выживет... Как важен проклятый судья, обвинитель и газеты, которые готовы распять ее за убийство Шарлотты Томас. Как важны мои друзья, которые лишились жизни из-за того... – он замолчал; горечь и ярость душили его.

Прошла минута, прежде чем Армстронг заговорила:

– Дэвид, я понимаю твои чувства. Поверь, я говорю правду. Я знаю, что моя помощь Кристине и то, как я поступила с Дороти, не сотрут из вашей памяти страдания, которые выпали на вашу долю. Но мне также известно кое-что еще. То, что залечит ваши раны. – Она заколебалась, потом продолжала. – Я знаю, что Кристина никогда не предстала бы перед судом.

– Что вы сказали? – изумленно повернулся Дэвид.

– Кристина не убивала Шарлотту Томас. – Ее глаза смотрели на него прямо и серьезно.

– Как... откуда вам это известно?

– Она не убивала, – решительно повторила Армстронг. – Убила я. И могу доказать это.

Глава XXIV

Армстронг приоткрыла дверь палаты № 412, а Дэвид сначала измерил давление Кристины, затем медленно приподнял изголовье кровати. Минуты две он слушал рассказ женщины, пока не сообразил, какое значение он может иметь и для самой Кристины.

Сидя на краю койки, он осторожно подсунул ладонь ей под голову. В затемненную комнату только узкая полоска света пробивалась сквозь задернутые шторы. Дэвид, дрожа от возбуждения, приподнял голову девушки и погладил распухшее, израненное лицо.

– Крис, проснись, дорогая. Проснись.

Армстронг взяла стул и села у изголовья.

Кристина открыла глаза, улыбнулась Дэвиду и закрыла их.

– Я не сплю, – слабо отозвалась она. – Когда глаза закрыты, не так больно. Я скоро встану. Пройдет несколько дней, и я поднимусь.

– Конечно, конечно... Крис, здесь доктор Армстронг. Она хочет тебе что-то сказать. Я... я думаю, ты хочешь услышать ее.

– Кристина? Ты слышишь меня? Это я, Маргарет Армстронг. – Кристина повернула голову на звук и открыла глаза. Обе женщины молча глядели друг на друга, потом Армстронг мягко продолжила. – Кристина, я Пег. Пегги Доннер.

Кристина внимательно посмотрела на Армстронг, протянула руку и схватила ее ладонь.

– "Союз"... с ним покончено?

– Пока нет, дорогая, но... скоро будет.

Дэвид, глядя на лицо Кристины, не заметил на нем ни гнева, ни даже удивления. Связь, установленная между двумя женщинами... нечто, объединявшее их, было выше его понимания. Он наблюдал за ними в немом очаровании, потрясенный этой сценой.

– Кристина, – отдельно продолжала Армстронг, – после того, как я уйду отсюда, я собираюсь начать распуск "Союза". Это будет сделано таким образом, чтобы никто из его членов не пострадал. То есть при условии, что вы с Дэвидом не раскроете наших секретов. Ты понимаешь?

– Я понимаю, – слабо ответила Кристина. – А как же записки...

– Все будут уничтожены. Все, за исключением одной. Ее я направлю вам. Я сделала ее после того, как ввела Шарлотте смертельную дозу калия. Кристина, одного морфина, который ты ей дала, было недостаточно. Она оказалась сильнее, гораздо сильнее, чем мы думали. Шарлотта была моей подругой. Она была... была нашей сестрой. Я обещала ей тихую и спокойную смерть. После того, как ты покинула палату, я вошла, чтобы попрощаться. Сказать последнее слово. Ей дышалось легко. Я ждала, но она только набиралась сил. Раз она даже открыла глаза. Но я же обещала. Я любила ее как... я любила ее как родную мать. Я... – Армстронг не могла больше говорить. Возможно, впервые за пятьдесят лет она заплакала.

Кристина освободила пальцы и смахнула слезы с лица старой женщины.

– Я люблю тебя, Пегги, – торопливо проговорила она. – За то, что ты старалась делать, я люблю тебя.

– После принятия необходимых мер ради нашего "Союза", – после минутного молчания продолжала Армстронг, – я отправлюсь к лейтенанту Докерти и возьму на себя полную ответственность за смерть Шарлотты. Поверь, Кристина, не кто иной, как я сделала это. – Она повернулась к Дэvidу. – Я также возьму ответственность за смерть Дороти и ваших друзей. Я думаю, что будет меньше вопросов, если во всем этом окажется замешан только один человек.

Дэвид заметил, как по лицу Кристины промелькнула тень беспокойства при упоминании слова «друзья».

– Я потом объясню, Крис, – сказал он. – Доктор Армстронг, я очень благодарен вам за помощь. За это обещаю, что если вы исполните все то, о чем говорили, с моей стороны препятствий не будет.

– Спасибо, – Армстронг посмотрела в его холодные глаза, наклонилась и, поцеловав Кристину в лоб, быстро удалилась.

Дэвид опустился на колени у кровати и в слабом свете комнаты заметил влажный блеск в глазах Кристины.

– Когда ты выберешься отсюда, мы отправимся в какую-нибудь запыленную деревушку в Мексике.

– Но мы обязательно вернемся? – спросила она, улыбаясь, и эта улыбка была одновременно и радостной, и печальной.

– Мы обязательно вернемся.

Она устало закрыла глаза. Ему показалось, что она опять заснула, но когда он собрался идти, она схватила его за руку.

- Дэвид, не мог бы ты мне сказать одну вещь?
- Какую?
- На твоей машине престижный номерной знак?

* * *

Джон Докерти залпом допил остатки затхлого кофе и облегченно вздохнул. Потребовалась вся ночь и большая часть утра, чтобы, в конце концов Маркус Квигг раскололся и назвал имя. Триумф (если это можно назвать триумфом) оказался призрачным. Отныне образ перепуганного больного маленького человека будет, вероятно, преследовать его всю оставшуюся жизнь.

То, что за убийствами, жертвами и этим жалким фармацевтом стоит фигура Маргарет Армстронг, только портило все дело. А ведь он уважал ее и, что самое неприятное, доверял ей.

– Джон Докерти, сыщик из сыщиков, – язвительно он сказал самому себе, – тебя самым настоящим образом обвели вокруг пальца... как мальчишку. – Ну что же, зато он получил огромное удовольствие, сказав капитану, вернее, намекнув, каким идиотом тот выставил себя, приказав в спешном порядке арестовать Дэвида Шелтона.

Докерти посмотрел на часы. Прошел уже час после того, как капитан пообещал выбить в магистрате ордер на арест Армстронг. Он потер щетину на лице и задумался, стоит или не стоит бриться, когда зазвонил телефон.

– Отдел расследований. Докерти... Да, капитан... отлично, сэр. Немедленно прибуду... Да, сэр, я был уверен в его виновности. На вашем месте я бы тоже принял точно такое решение. Спасибо... буду через пять минут... Идиот! – Последнее слово было сказано после того, как прозвучал долгий гудок. Докерти провел рукой по волосам и рывком поднялся со стула. В этот момент, осторожно постучавшись в дверь, в офис вошла Маргарет Армстронг и сказала:

- лейтенант Докерти, мне нужно вам кое-что сказать.
- Да, – ответил он, садясь на край стола, – у нас есть о чем поговорить.

Не прошло и тридцати минут, как Докерти, наслушавшись признаний Армстронг, был вынужден вызвать стенографистку. В качестве финального акта демонстративного неповиновения он позвонил капитану и попросил его почтить допрос своим присутствием. Капитан, мужчина с вкрадчивым голосом и волосами темно-золотого цвета, наполовину политик, наполовину полицейский, в немом изумлении выслушал спокойное признание Армстронг в убийстве Шарлотты Томас и Дотти Дельримпл, а также в привлечении профессионального убийцы для устранения Бена Гласса и Джозефа Розетти. Это признание было тщательно отрепетировано перед отъездом в участок № 1 и призвано убедить Докерти в том, что она действовала совершенно самостоятельно. Как ей не хотелось, но пришлось представить Дельримпл героиней, которая умерла, поскольку случайно открыла правду – ведь любой намек на заговор мог бы привести к раскрытию движения, а она знала, как полисмен, подобный Докерти, может действовать в таком случае. Маргарет была уверена, что до самого конца Дотти оставалась предана "Союзу", как и она. Эта женщина боялась потерять свои позиции и свое влияние, вот и все.

Признание Армстронг звучало вполне убедительно, хотя детали отличались некоторой неопределенностью, что не нравилось Докерти. Он попытался прижать ее к стенке, но его остановил капитан, неожиданно обретший дар речи. – Послушайте, лейтенант, я уверен, что со временем доктор отыщет эти детали. Как нетрудно заметить, ей сейчас тяжело.

Армстронг поблагодарила его, красноречиво посмотрев на Докерти и давая понять, что он посторонний при разговоре двух равных по статусу людей.

– Самый последний вопрос, – решил действовать напролом Докерти. – Каким все-таки образом вы наняли убийцу вроде Леонарда Винсента?

– Я отвечу на ваш вопрос через минуту, – произнесла она, смерив его уничтожающим взглядом патрицианки, – но прежде покажите мне, где находится дамская комната.

– Если вы подождете, – сказал Докерти, – я схожу за нашей сотрудницей...

– Ерунда, – не дал договорить ему капитан. – До сих пор доктору Армстронг не предъявлено никакого официального обвинения... Э... дамская комната по коридору направо. Вы не пройдете мимо.

Армстронг благосклонно кивнула капитану и прежде, чем выйти, тщательно поправила юбку.

Туалет оказался настоящим свинарником. Кафельный пол заляпан грязью и в трещинах. Металлическая корзина, стоявшая около раковины, забита бумажными полотенцами. Пахло мочой и дезинфекцией.

Маргарет Доннер Армстронг не замечала грязи. Она оглядела комнату, затем направилась в кабинку, закрыла на крючок фанерную дверь и села.

Она была довольна собой... довольна тем, как манипулировала Докерти и капитаном. Если Дэвид с Кристиной сдержат свое слово, "Союз ради жизни" умрет достойно. Ирония ситуации принесла ей некоторое утешение.

Из больницы Армстронг направилась домой и выполнила обещанное. Все ленты, за исключением одной, она стерла, лишь изредка останавливая магнитофон, чтобы прослушать отдельный разговор с одной из женщин. Ее мечта... ее самая заветная мечта почти воплотилась в жизнь! И если бы Дороти не подвела...

Барбара Литтлджон согласилась с тем, что движение больше не может продолжать работу. Не раз во время телефонных разговоров женщина чуть ли не радовалась этому событию. Интересно, подумала Армстронг, реагировала бы Барбара точно так, как Дельримпл, окажись ее репутация и карьера под вопросом? Самое печальное заключалось в том, что она наверняка просто ничего не знала... ни о Барбаре, ни о какой-либо другой женщине.

Короче говоря, все решено. Барбара всех обзвонит и напишет письма, затем постарается сделать все, от нее зависящее, чтобы реализовать проекты фонда Клинтона. Но когда трубка упала на рычаг, Армстронг стало ясно, что то, чему она отдала сорок лет своей жизни, для нее кануло в Лету.

Сидя и глядя на омерзительные послания и примитивные рисунки на двери, она вспомнила, как пятьдесят лет назад оказалась в таком вот месте. Тогда она испугалась. Испугалась грязи, к которой она прикоснулась. Испугалась детективов и то, как они смотрели на ее

грудь. Она заставила себя спрятать в самые укромные уголки своего мозга то, что хотели они услышать от нее. Час за часом она выдерживала их напор и раз даже сходила под себя, но не попросилась из комнаты. И в конце концов выиграла. А с победой появилась возможность взяться за священную миссию... цель жизни... которая была близка... так желанна...

Ну вот настало время отправляться туда, откуда нет возврата.

Рука Армстронг скользнула за блузку к поясу под юбкой и вытащила шприц, который Дотти Дельримпл чуть было не заставила Дэвида ввести самому себе. Она погладила ладонью смертоносный цилиндр, затем закатала рукав и умело ввела иглу в вену. Прислонившись головой к стене, Армстронг закрыла глаза и тонким красивым пальцем нажала на плунжер.

– Все хорошо, мама... я здесь, мама.

notes

Примечания

1

Метание дротиков (прим. пер.).